

A close-up portrait of a young woman with light brown hair and bangs, looking directly at the camera. She has numerous freckles on her face. The background is dark and out of focus.

#ONLINE-БЕСТСЕЛЛЕР

18+

Ли Виксен

#МЕНЯ ЗОВУТ ЛИС

САМЫЕ НАШУМЕВШИЕ КНИГИ РУНЕТА

Annotation

Прикинувшись мальчишкой-солдатом, девушка Лис поступает на службу в легион Алой Розы. Ее не волнует судьба мира: было бы чем перекусить да где заснуть. Но все меняется, когда Лис находит учителя в лице сурового командира-иноземца Атоса и узнает страшную тайну, которую хранит генерал легиона – прекрасная и жуткая леди Алайла... «Меня зовут Лис» – это не просто роман, а дверь в огромный мир неведомого королевства, в котором днем бушуют войны, а в свете костра рассказывают удивительные сказки. Это история девушки, бегущей от прошлого навстречу ужасам войны. Это сага о взрослении, самосознании и простых человеческих ценностях.

- [Ли Виксен](#)

- - [#Бусина первая](#)
 - [#Бусина вторая](#)
 - [#Бусина третья](#)
 - [#Бусина четвертая](#)
 - [#Бусина пятая](#)
 - [#Бусина шестая](#)
 - [#Бусина седьмая](#)
 - [#Бусина восьмая](#)
 - [#Бусина девятая](#)
 - [#Бусина десятая](#)
 - [#Бусина одиннадцатая](#)
 - [#Бусина двенадцатая](#)
 - [#Бусина тринадцатая](#)
 - [#Бусина четырнадцатая](#)
 - [#Бусина пятнадцатая](#)
 - [#Эпилог](#)
 - [#Благодарности](#)
 - [#Об авторе](#)
-

Ли Виксен

#Меня зовут Лис

Я хотела бы посвятить эту книгу тем, кому в жизни не хватает мечты. Тем, кто как и я, отчаянно ищет ее, лишь с тем, чтобы на миг сжать в ладонях и сохранить ее угасающие блики.

Все мы, подобно Лис бежим вперед, торопимся, надеемся и до последнего верим, что обретем мечту: откроем в свое время ларец с Любовью, Верой или Истиной. Я надеюсь, что эта книга хотя бы слегка раздует искры наших поисков. Попутного вам ветра!

Ното homini vulpis est
<Человек человеку лиса>

© Л. Виксен, 2016

© Дмитрий Агеев, фотография на обложке, 2016

www.ageevphoto.com

e-mail: pro-fotos@mail.ru

© ООО «Издательство АСТ», 2016

#Бусина первая

Стояла жуткая жара. Капли пота стекали между лопатками по уже влажной спине. Легионеры справа и слева перекрикивались, поливая проклятьями и отборной руганью то ли врагов, то ли наших военачальников. Гул нарастал.

У меня заныла и зачесалась стянутая бинтами грудь. Ко всему прочему сильно давил нагрудник, выданный мне на складе. Он был такой маленький, словно предназначался ребенку. От палящего солнца я буквально закипала в броне. В голову пришло сравнение с моллюском в походном котелке. Сзади, как прибой, нарастал ропот, и ряд, который должен был прикрывать тыл, вдруг двинулся вперед без приказа. Солдаты, похоже, просто устали ждать, ведь мы проторчали здесь целое утро. И тут наш тыл тоже пошел в атаку.

Случилось то, что должно было случиться: меня сильно толкнули в спину, и я упала плашмя, лицом в нагретый солнцем песок. Мой подбородок не был защищен шлемом, и в рот сразу же набился песок. Похоже, мое падение не смутило солдат заднего ряда, потому как они просто пошли по мне. Из груди разом вышел весь воздух, раздался противный хруст. «Только не ребра, пусть это будет броня», – промелькнуло в голове. Боли почти не было, но меня обуял настолько сильный страх, что я не почувствовала бы даже собственной смерти. Впрочем, шли по мне недолго: мы были предпоследней линией обороны. Снабженцы, поддержка, помощники, которые редко участвуют в настоящих сражениях.

Опершись на древко пики, я попыталась встать. Это хлипкое оружие, как и броню, мне выдали на складе. Все полученное там обмундирование было редкостным барахлом. Естественно, авангард одевали лучше, но у них и шансов умереть побольше, чем у снабженцев. Отплевываясь от песка и жмурясь от яркого солнца, я огляделась, пытаюсь понять, где идет бой. Впереди в мареве горячего воздуха виднелись лишь неясные силуэты.

Были ли это солдаты моего легиона? Я не знала. Это могли быть и демоны жары, танцующие на песке огромного Поля Песчаных мышей. Когда-то песчанки и правда здесь водились, но гражданская война превратила Поле в пустошь. Битвы случались тут чаще, чем дожди: слишком уж лакомой была эта земля для претендентов на престол. С одной стороны открывался путь на столицу Ярвелл, с другой – к плодоносным

землям юга. Засесть в Песчаном бастионе и направлять свои войска на столицу – об этом мечтал каждый аристократ, сражавшийся за трон. Наниматель моего легиона – легиона Алой Розы – не был исключением. Именно поэтому мы и были здесь, именно поэтому меня втоптали в песок – все, чтобы выиграть этот клочок земли.

В песчаных вихрях впереди я не видела даже спин тех, кто прошел по мне. Догонять их уже не было смысла. Я оглянулась. Как оказалось, тыловики сбили с ног не только меня: неподалеку сидели старый дед, точно вышедший из могилы покурить табачку, и вихрастый однорукий парень, видимо потерявший равновесие из-за своего увечья. Вот они – доблестные воины-снабженцы. Ха-ха два раза.

– Нам заплатят? – поинтересовалась я. Вопрос был по существу: до настоящей битвы мы так и не добрались, а значит, и снабжать нам было некого. В таких случаях рассчитывать на плату не приходилось.

Дед выплюнул на ладонь пару зубов вперемешку с кровавой слюной. С сожалением на них посмотрев, он ответил:

– Заплатят, если не попадешься на глаза тем, кто по нам прошелся. Они могут и сдать офицерам.

Я протянула старику руку. Простой дружеский жест. Это движение, такое обыденное в мирной жизни, на поле брани выглядело глупо. Издали донеслись звуки боевого рога. Кажется, кто-то уже праздновал победу – вероятно, именно мы. Старик с отвращением поглядел на мою протянутую ладонь и, сплюнув еще раз кровь, встал самостоятельно.

Делать на Поле было нечего. Мы были лишними и даже чужими в этой победе. Оставалось только вернуться в лагерь. Так мы и поступили. Все вместе: старик, однорукий и я – поплелись под палящим солнцем прочь от сражения.

– Я слышал, лорд Виксрам заключил союз с Поглощающим из соседнего Удела Мрака. А тот привел с собой тысячу песчаных тварей, – решил поделиться с нами однорукий. Взгляд его при этом возбужденно горел.

– Чтоб у тебя язык отсох, дурень. Поглощающие не заключают союзов. А единственные песчаные твари на этом поле – это мы с тобой да вот эта тряпка, – сказал старик, кивнув в мою сторону.

Я поморщилась от грубости, но спорить не стала. Лучше пусть меня считают трусливым парнем, чем поймут, кто я на самом деле. Однорукий, однако, слишком воодушевился своей сплетней и замолкать не собирался:

– Ближайший Удел прямо за полем, возле замка. Может, Поглощающий и сам решит показаться? Жаль, что я тут, а не там – на

передовой. Глядишь, увидел бы высшего мага одним глазком.

– Не дай тебе боги встретить кого-то ихнего рода на пути, – процедил сквозь зубы старик и вновь сплюнул красной слюной.

Но парень продолжал тараторить. Он болтал, словно деревенская сваха, не нуждаясь в одобрении слушателей. Меня же так мутило от жары и боли в груди, что слушала я одним ухом, мечтая лишь о том, как умою разгоряченное лицо водой.

– Ну, А́тос и Поглощающего бы победил, как пить дать. И Сияющего. Он бы мечом – уууух!

– Да что ты заладил? Генерал-боец сегодня даже не сражался. Оборона у замка – две сотни лучников, прикрытых хлипкими воротами да тяжелой конницей. А она не ждала удара из леса.

Глаза однорукого округлились, будто две монеты:

– Так значит, это правда? Крамер распорядился вести наших с тыла, прямо через земли Поглощающего?

– Уж какая есть правда: леса совсем чуток захватили. Но рисковали сильно. К счастью, когда хозяин заметит, что в его Уделе потоптались гости – нас уже и след простыл. Легион тут не задержится, отойдем вглубь и отсидимся.

– А как же простые люди? – подала я голос, потому что меня возмутил беспечный тон старика. – Легион уйдет, но селяне останутся. И разъяренный вторжением Поглощающий тоже.

– Они всегда остаются, и если высший маг решит на них отыгаться... что ж, не повезло.

Я словно глотнула кислого уксуса. На войне такое не редкость – каждая выигранная битва, каждый удачный стратегический ход ставил под удар кого-то другого. Солдаты уходили, а жизнь продолжалась.

– Вот вам и чистая победа, – с горечью заметила я.

– Уж не тебе болтать о победе, – вдруг взвился старик. – Таким, как ты, место в пехоте, в первых рядах. Здоровый парень, ростом мал, но ноги-руки на месте. Какого Войи ты вообще в снабженцах?

Обычно я отмалчивалась, потому что жизнь в легионе меня научила: чем меньше сказано, тем больше шансов остаться целой. То был мир мужчин, где я обманом и хитростью выбила себе место. Но в этот раз слова все-таки сорвались с языка.

– Я в снабженцах, потому что боюсь умереть. А на передовой умирают сплошь и рядом.

Старик хмуро меня оглядел. Только теперь я заметила, как пожелтели от табака его жесткие усы и какие усталые и блеклые у него глаза. Он

нервно потер запястье, словно желая найти на нем браслет или повязку, а затем сказал:

– Думаешь, от смерти так легко спрятаться? Встал за чужими спинами, и Костлявая не заметит?

– Я не думаю. Я знаю. Я бегу от смерти уже два года, и пока мне это удается.

Наши взгляды встретились. Что-то в старике казалось мне тревожным. Он не был похож на обычных легионеров. Я слышала грубости и пострашнее, но меня испугали не слова, а взгляд старика – беспощадный, стальной. Однорукий парень махнул на нас и, потеряв интерес к разговору, быстрым шагом пошел в сторону лагеря.

– Бегать от смерти – это не цель, – наконец выдал старый легионер. – У тебя есть цель? Или мечта? То, ради чего можно не бояться смерти.

Я прикрыла глаза. Отчасти потому что едкая пыль Песчаного поля уже проникла сквозь ресницы и царапала глаза, но отчасти и потому, что так было легче вспоминать. Мечта. Далекое слово, откуда-то из детства. Беззаботная девочка рисует красивую белую башню посреди рыжего осеннего леса.

– У меня была мечта. Очень давно. Подняться на башню, на вершине которой можно познать Истину, Надежду и Любовь.

– И что же случилось? – Старикан хитро сощурился.

– Случилась жизнь, – ответила я.

Повернувшись к легионеру спиной, я пошла за одноруким. В голове уже теснились мысли о деньгах, ужине, сне и тысяче мелочей, которые обычно заменяют нам мечты. Однако я расслышала, что крикнул мне вдогонку старик:

– Какой смысл бежать от смерти? Без мечты ты и так труп, только пахнешь чуть лучше.

* * *

Наш лагерь больше напоминал толчею на рыночной площади в воскресный день. Солдаты, продажные женщины, дети из разоренных селений, прибившиеся к легиону, скот. Все это скопище галдело с утра до ночи: кричало, стонало от боли, лаяло и отдавало приказы.

По дороге к штабу, где обычно солдатам выдавали жалованье, я наблюдала обычные сцены походной жизни. Вот парень моется в большом корыте, насвистывая веселый мотивчик. Около одной из палаток лазарета

рядком складывают носилки с ранеными в последней битве. Один парень с неглубокой царапиной на тощей груди вяло смотрит на старания врача. Рана совсем пустяковая, но видно – он уже не жилец. За полтора месяца я много таких повидала – в глазах потухает огонь и солдат перестает сражаться за жизнь.

На самом деле эти раны – не травмы кожи, мышц или органов, они значительно глубже. Словно изранили душу, уничтожив саму суть человека. Поле боя – не батальная сцена с красивыми флагами и конницей на белоснежных скакунах, а кровь и внутренности, как следствие жестокости и звериной ярости. Без сожаления солдаты схлестываются с вражеской армией, иногда задевая своих. В этой каше человеческих тел легко ошибиться. Поэтому иной раз солдат не выдерживает – у него пропадает желание бороться за жизнь. И лекари тут, как правило, бессильны.

А вот рядом с пареньком расположился настоящий боец: его ругань слышна на весь лагерь. Он клянет всех: врагов, товарищей, лекарей и даже собственную мать. Одной рукой он прикрывает распоротый живот, жуткую рану, через которую видны его сизоватые внутренности, другой – сжимает бутылку дешевого пойла, к которой постоянно прикладывается. Сколько бы кругов ада такой вояка ни прошел – он будет выживать. Может даже умудрится дожить до конца войны, уедет в свою деревню, найдет там хорошенькую невесту...

Впрочем, это были бессмысленные размышления. Да, война – это страшно, и нудно, и грязно, и тысячи других «и», полный перечень которых знали все солдаты легиона. Но никто ведь не тащил нас сюда за шкуру. Легионеры сражаются за деньги, а не за светлые идеалы. Может, разве что, за идеалы золота? Я тоже пришла сюда по своей воле, и все ужасы войны стали для меня пустым звуком. Ничего они не меняли.

Я пошла мимо темно-синих палаток лазарета, усыпанных серебряными звездами, к багряному шатру, самому большому в лагере. Каждый раз после битвы здесь выстраивались длинные очереди, терявшие свои «хвосты» в недрах нашего «походного дома».

Каждый выживший солдат имеет право на пятнадцать монет. Офицеры – на тридцать. Снабженцы вроде меня – на семь, но только если обошлось без серьезных потерь. Чаше отряды поддержки получают по пять серебряных олов. От серебра там, правда, одно слово да цвет, но монета еще ходовая почти во всех концах нашей страны, кроме, разве что, южных провинций. Те предпочитают торговать настоящими драгоценностями: самоцветами, металлами и рудой. Но моя дорога вряд ли уйдет так далеко

от Центрального тракта.

Сегодня очереди за платой не было. Неудивительно, ведь после схватки с Белыми Лилиями минуло уже три дня. Большинство солдат, вернувшихся в лагерь, давно получили свои деньги, потратив их на дешевых девок, выпивку или проиграв все в карты. Тех же, кто погиб, еще не привезли. Поле Песчаных мышей находилось довольно далеко от нашего лагеря, поэтому оплату получили все, кроме тех, кто задержался в пути, да мертвецов, которых будут привозить еще неделю.

Я намеренно выждала пару дней, прежде чем явиться за положенным. Мне не хотелось встретиться с кем-то из тех бравых солдат, что втоптали меня в землю. Вероятность того, что они вспомнят какого-то мальчишку, была крайне мала. Но рисковать не стоило – в вопросах оплаты легионеры были строги. За свои пять олов тыловики хотя бы попытались поучаствовать в битве, я же лежала лицом в пыли и молилась, чтобы у меня не треснули ребра.

Мы, снабженцы, нередко простаивали без дела, и порой нам платили лишь за то, что мы вышли в строй. На случай, если у офицеров возникнут вопросы о моем участии в бою, я приготовила солидный довод: треснувший нагрудник хорошо доказывал мою наигранную доблесть. Он спас мне ребра и подарил надежду на то, что следующая броня будет поудобней.

Перед багряным шатром штаба оказалось лишь несколько человек. Судя по повязкам, все эти ребята только прибыли из лазарета. Приковыляли за заработком, пока их не записали в трупы.

Багряный шатер из потрепанной парусины возвышался над поляной, как огромный пирог. Пока я примерялась и подбирала слова, чтобы выклянчить свой заработок, с противоположной стороны шатра слышались громкие голоса. Я отошла от стола выдачи, невольно прислушавшись к обрывку разговора, и сообразила, что речь идет, как всегда в этом мире, о деньгах:

– Десять монет и не больше. На мой взгляд, это и так расточительство.

– Но господин, в легионе Белых Лилий мне платили около тридцати, да еще и содержание!

Я не видела говорящих и могла представить их по голосам. Первый мог принадлежать лишь старшему офицеру, так как он был налит тяжеловесной волей и по-военному чеканил каждое слово. Мне он показался странно знакомым. Второй же, наоборот, подрагивал и звучал хоть и нервно, но на удивление мелодично, словно принадлежал певцу. Я уже и забыла, что пришла за деньгами, и обратилась в слух. Мне хотелось

узнать, чем закончится спор и выторгует ли просящий лишнюю монету.

– Тебя не убили – считай это частью оплаты. Весь офицерский состав Лилий сейчас болтается вдоль дороги. Не веришь – сам сходи, посмотри. Тебе могут подарить такое же пеньковое ожерелье на шею, как и тем ребятам, и поверь – никто из моих солдат не будет возражать. Наоборот, может даже порадуются. Видишь ли, у нас не песенный легион, и бард нам не нужен. Ты можешь сейчас просто уйти на свой страх и риск, или же написать за десять монет одну жалкую песню для Алой Розы.

Бард... ну тогда все ясно. Эти нелепые хлыщи в шелковых шароварах, словно слепни, прилипали к легионам и сосали денежные запасы армии, изредка радуя генералов своими бездарными сочинениями. Обычно в качестве дара преподносились походные песни, восхваляющие доблесть командиров. А они неплохо зарабатывают. Тридцать монет, как же...

– Но милорд, я...

– Сгинь.

Я поняла, что разговор, к несчастью барда, завершился, но не успела сойти с дороги. Из-за шатра возникла высоченная тень и двинулась прямо на меня, легко, словно пушинку, столкнув с дороги. Мужчина даже не остановился и просто двинулся к синему шатру одного из генералов. Зато, разглядывая спину грубияна, я наконец-то вспомнила, кто это. Неудивительно, что голос показался мне знакомым. Какая честь – с дороги меня столкнул сам генерал Атос – лучший боец легиона Алой Розы, великолепный наездник и сотня-другая прочих громких титулов. Много историй об этом человеке-легенде я слышала в лагере. Но лишний раз болтать о нем легионеры не решаются. Поговаривают, что он терпеть не может сплетен и скор на расправу. В бою я стою от него слишком далеко, а в лагере он почти все время проводит в своем шатре.

Атос такой странный... Двухметровый крайниец со смуглой кожей и пепельно-серыми волосами, похожими на шапку из какого-то пушного зверя. Как он из-под такой шевелюры вообще видит поле боя остается загадкой. А сражается он, по слухам, просто прекрасно. Под доспехами, хоть и не видно, – гора мышц, будто он круглые сутки машет двуручным мечом. Я слышала, что он может перерубить человека пополам, – но это больше похоже на старушечьи байки. Как ни крути, но для его возраста – двадцать с небольшим – сделать карьеру генерала легиона было завидной судьбой. И кем бы он ни был за пределами легиона, этот парень определенно входил в число лучших бойцов Алой Розы.

Я не разглядела в нем особой красоты, хотя лагерные шлюхи сходили по нему с ума. Скорее что-то демоническое или звериное: вон как

передвигается – быстро и бесшумно. Пока я размышляла, его уже и след простыл. Я подошла чуть ближе и заглянула за шатер. Там стоял бард, всхлипывая и прижимая к груди лиру. Нелепый петух в желтых панталонах – в лагере он выглядел еще более чужим, чем я. Но жалости почему-то не вызывал. Лирист, хе-хе.

Я вновь обогнула шатер и направилась к столу, который стоял с другого края. Не стоило забывать, зачем я здесь – за платой. На выдаче сегодня сидели два незнакомых мне солдата, исполнявших роль казначеев. Легионеры явно скучали. Один, что постарше, чистил гравировку на парадной кирасе и, кажется, до ужаса гордился своим офицерским чином.

– Эм... привет, – сказала я, помахав рукой. – Я Лис. Снабженец, третий отряд под командованием Генада.

Со вздохом офицер в кирасе начал листать огромный том, содержащий данные обо всех легионерах Розы, в том числе и о моем отряде.

– Лис сдох, – лениво проговорил он, тыча грязным ногтем в какую-то строчку. – О смерти сообщил кто-то из сослуживцев еще два дня тому назад.

Ну вот и дожили. Наверняка, это вредный старик, который поучал меня на поле. Мечта, мечта... А на деле попросту доносчик.

На войне такая вот шуточная запись о смерти может сильно осложнить жизнь. У меня, конечно, как и у всех бойцов легиона, была при себе грамота от отрядного капитана, подтверждающая мою личность, но воровство грамот у мертвецов тоже было делом обыденным. Получить деньги за себя и мертвого соседа было бы отличным заработком, не назначь генералы за подобный обман строгого наказания. Тем, кого ловили с чужой грамотой, полагалась веревка на шею. Если бы я пришла к шатру в первый же день, кто-нибудь из отряда подтвердил бы, что я – Лис, и вполне себе живой, но сейчас надежды было мало. Все зависело от того, в хорошем ли расположении духа офицеры на выдаче.

В ход пошли бумаги: пришлось достать грамоту и положить на стол.

– Мало ли – бумажка, – лениво протянул офицер. Сбывались мои худшие опасения. – Мне с твоей бумажкой знаешь куда сходить?

– Меня не любят в отряде, – доверительно сообщила я, – все равно ведь правда. – Наверно, решили подшутить над новичком, вот и записали в трупы.

– А за что тебя любить, сладкоголосый? Голос как у девки, фигура как у девки, еще и в снабженцах, где одни старики да калеки.

Второй офицер примирительно вскинул ладони, – видимо, очень не хотел ни ссор, ни потасовок. Он лениво поднес мою боевую грамоту почти

к носу, изучил бумагу и сунул мне обратно в руки.

– Плевать. Пиши, что живой. Нынче снабженцам платят только четыре олла. Нам не жалко, забирай свою мелочевку, пацан, и проваливай.

Темнело. Но лагерь в этой темноте просыпался, как громадный старый пес: кряхтя и почесываясь. Солдаты устраивались у костра с бутылочкой и сладко коротали часы перед сном за игрой или пустой болтовней. А вот мне идти было некуда. После «шутки» про мою смерть проводить вечер с отрядом мне расхотелось. Ребята ведь не просто так поступили, это было прямое заявление о том, как они ко мне относятся. В легионе я хорошо научилась отличать дружеские шутки от неприкрытой издевки.

Я решила, что разумнее будет идти к костру Ферроса, последнему прибежищу отщепенцев вроде меня. Я уже не раз ночевала у его костра, хотя и не любила проводить время с вечно похваляющимся дураком Ферросом, капитаном отряда и неплохим мечником. Как и все офицеры, он мог иметь свой шатер и костер. Но в отличие от соседних офицерских костров, народу у него всегда было мало. Люди тянутся туда, где интересно или играют на большие деньги. Феррос же только и делал, что рассказывал о себе, и его истории то и дело повторялись, обрастая новыми и невероятными подробностями. Зачастую капитан напивался, краснел, гневливо поливал своих врагов грязью, потрясая «дедовым» мечом. Такое зрелище совсем не радовало глаз и требовало сильной выдержки. Ну или отсутствия выбора, как в моем случае.

Я шла к костру Ферроса, на ходу поправляя шлем. Никогда не забывать про шлем – это мое правило номер один. Да, в нем было жарко и душно, особенно в летнюю пору, и слышимость хуже, а чтобы увидеть что-то сбоку, приходилось поворачивать голову. Но то была лишь малая жертва за мое право оставаться в легионе неузнанной и нераскрытой.

Около костра собралась едва ли дюжина вояк всех мастей, таких же неприкаянных душ, как я. Феррос вещал что-то невнятное, и легионеры, не замечая его болтовни, были заняты своими беседами. Я тихо присела с краю, протянув ладони к огню, и, к счастью, никто не обратил на меня внимания. Вход здесь был свободный. Сиди и грейся, только не воруй чужую еду и пойло.

– Эй, Фер. Что там за парень в шлеме? Ты че шлем не снял, дубина? Ты кто такой? – Какой-то мужик с вислыми усами больно ткнул меня в бок пустой бутылкой. Теперь жди беды. Однако Феррос разозлился не на меня, а на вислоусого за то, что тот прервал его вдохновенный рассказ.

– Это Лис. В шлеме, потому что вся морда в чертовке. Его-то я знаю, а вот кто ты такой – понятия не имею! И какой я тебе Фер? Я капитан

Феррос...

К перепалке Ферроса и вислых усов подключились еще несколько легионеров, а я почувствовала себя странно польщенной. Надо же, капитан удосужился запомнить не только мое имя, но и легенду, из-за которой я не снимала шлема. Никто не знал, что болезнь чертовка была придуманной, но эта история позволяла мне скрывать лицо.

Шлем был необычным. Такого я не видела больше ни у кого во всем легионе – стального цвета, отшлифованный до ровного матового блеска; в почти вертикальных изогнутых прорезях были видны только мои глаза, а нижняя часть не закрывала подбородок. Шлем был округлым сзади и закрывал шею, а спереди сужался к подбородку, словно клюв птицы или морда зверя. По бокам, чуть выше висков, создатель шлема припаял два стальных пера, которые, видимо, должны были походить на крылья или что-то вроде этого, но на деле торчали, как уши. Впервые увидев себя в этом шлеме, я даже не знала, плакать мне или смеяться.

Помню, когда я только пришла в легион и явилась к багряному шатру, чтобы записаться в отряд снабженцев, командир спросил мое имя. И я застыла. Меня охватил ужас. К своему прошлому имени я испытывала такое отвращение, что не смогла бы произнести его даже под пыткой. К тому же оно было женским, а я пришла поступать в легион, выдавая себя за юношу. Но придумать мужское имя у меня не хватило смекалки. Вот я и стояла как идиотка, ловя ртом воздух, пока капитан не гаркнул: «Да запишите этого дурака Лисом – в честь горшка, что у него на голове». Так я обрела имя и не стала его менять – лисам ведь приписывают хитрость и скорость. Мне хотелось, чтобы новое имя изменило меня. Не зря же говорят, что с новым именем приходит новая жизнь.

Об этом чудном шлеме стоит сказать лишь еще одно. Его я сняла с первого убитого мной человека – не на поле боя, а в пропахшей дымом таверне на перекрестке двух дорог.

* * *

Разговоры о победах Ферроса перетекли в скучное обсуждение каких-то сражений, а потом – болтовню о женщинах. Ветер шумел в ветвях ближайшей рощи, а костер мирно потрескивал. Я, признаться, начала клевать носом в тепле и покое, пока не услышала свое имя.

– А ты что скажешь Лис, а? – Я вскинула голову и увидела, что Феррос испытующе смотрит на меня через разделяющий нас костер.

– А... простите?

– Мы тут обсуждаем, что по легиону ходят продажные девки – страшные, как грехи Войи, да еще каждая вторая носит всякую заразу. Что думаешь? – Он заговорщицки подмигнул окружающим его товарищам.

– Ну, капитан, вы же знаете, что у меня чертовка. Со мной девушки лежа не делят, боятся подхватить, знаете ли. – Обычно эта отговорка срабатывала. Но атмосфера вокруг костра как-то изменилась. Ко мне было приковано слишком много взглядов. Я, кажется, прослушала что-то важное.

– А я вот думаю, Лис, дорогой мой... – Слова Ферроса просто источали мед. – Голос у тебя такой звонкий и фигурка не мужская совсем... Мы тут это обсуждали с ребятами.

Мое сердце заколотилось как сумасшедшее. Капля пота, выступившая на лбу, стекла по кончику носа и повисла над верхней губой. «Только не разоблачение, – заметались мои мысли. – Не здесь и не сейчас!»

– Думаю, ты совсем еще мальчишка, – продолжил капитан, поглаживая свою короткую пшеничную бородку. – Но нам-то, старым воякам, и такое сойдет. На безрыбье, сам понимаешь... Мы не брезгливые, а в темноте тебя и за девочку можно принять.

Он встал, а со всех сторон раздалось улюлюканье. У меня немного отлегло от сердца – меня не раскрыли. Но происходящее все равно меня тревожило – Феррос никогда так раньше не шутил. Похоже, сегодня он перепил вина. Несколько его друзей оставались серьезными и не участвовали в общем веселье. Один даже поднялся и вовсе ушел.

– Может, снимешь доспех? Потанцуешь в свете костра нагишом. – Очередная волна смешков прокатилась над костром, а Феррос направился ко мне. Я на всякий случай встала и попятилась к деревьям.

– Добрый капитан Феррос изволит шутить. Я весь в чертовке, не хочу портить аппетит вашей компании.

Неожиданно Феррос скакнул через костер и схватил меня за запястье.

– Скидывай одежду, малец. – Ондохнул перегаром мне в лицо. Запах свалил бы лошадь. Доблестный капитан был изрядно пьян.

Я попыталась вырваться, но Феррос, словно клешней, сжал мою руку.

– Давай же, сладкий наш. Будь хорошей девочкой. – Свободной рукой он рванул ворот моей рубашки.

Треск рвущейся ткани заполнил все вокруг. Нет, не треск – крик ткани, ее агония. Я слышала этот звук по ночам все последние годы, стоило лишь закрыть глаза. Это был особенный для меня звук.

Я не знаю, как мне удалось вырваться из лап капитана, схватить лежавшую рядом с одним из солдат саблю и рубануть наотмашь. Феррос,

однако, успел отвести лицо. На его скуле тут же заалел порез. Вскрикнув: «Щенок!» – капитан выхватил короткий кинжал и сделал ответный выпад.

Я могу быть очень быстрой, когда захочу. Поэтому Феррос промахнулся. Метил он явно в грудь, но его атака, как и моя, не увенчалась успехом. Лишь на правом рукаве, вокруг проделанной клинком прорехи, у меня выступила пара багряных капель. Боли я не чувствовала, только легкое головокружение и нескончаемый треск ткани в ушах.

Ферроса уже держали за руки его товарищи, не давая кинуться на меня снова. Он чертыхался, но, вроде бы, уже не собирался меня убивать. Драки в легионе не поощрялись. Исключений не делали ни для простых солдат, ни для командиров.

– Убирайся! Вон пошел, чтоб я тебя больше тут не видел, сукин ты сын. Посмел поднять оружие! На меня! Щенок!..

Я пошла прочь, а за моей спиной затихали крики разгневанного Ферроса. После его удара со мной случилось что-то странное. Меня мутило, а голову словно заволокло туманом. Мысли метались в голове: «Надо промыть рану, надо к реке». Туда я и пошла на странно ослабевших ногах.

* * *

Ноги заплетались, а желудок крутило. Что-то происходило с моим телом, но что? Жутко хотелось и пить, и спать, и просто прилечь и не шевелиться.

Реку от лагеря отделяла полоса прибрежных ив. Я пробралась сквозь них, раздвигая ветви при свете молодой луны. Разум горел, но в нем медленно ворочалась мысль о том, что меня ранили, а раны всегда следует промывать.

Выйдя на берег к мелководью, где днем набирают воду под нужды легиона, я споткнулась и упала на колени в двух шагах от воды. Руки дрожали на белом кварцевом песке, проваливаясь в мягкую жижу. Я лишь успела приподнять шлем, как меня вырвало скудным завтраком. Сразу за этим желудок свела сильная судорога. Уже на четвереньках я поползла до кромки воды и зачерпнула песка и влаги. Промыла рот и подбородок. Живот снова свело. Шлем жутко мешал, но сил снять его у меня не было.

– Знаешь, я прихожу сюда каждую ночь любоваться звездами. Здесь тихо и никого нет. Но смотреть, как блюет какой-то выпивоха, в мои планы не входит. Меня это... бесит.

Я приподняла голову, чтобы посмотреть на говорившего. На валуне возле воды сидела крупная фигура. Тень от деревьев скрывала от меня моего собеседника. Однако, когда человек чуть шевельнулся в темноте, слабая луна осветила белозубую улыбку. Весьма недобрую, как мне показалось.

– Я вообще не люблю, когда меня что-то бесит.

Прежде чем тень направилась в мою сторону, я успела сказать лишь одну фразу:

– Я не пил...

После чего рухнула лицом в воду. Мимо в серебристой воде проплыла маленькая рыбка. Я понимала, что тону около берега – на глубине двух пальцев. Но руки и ноги были мне уже неподвластны. Вдохнуть воду и закончить все было бы так просто. Я закрыла глаза, ведь мне очень хотелось спать.

#Бусина вторая

Я очнулась от резкой боли. Все мое тело трясло, а в живот упиралось что-то острое. Я не сразу сообразила, что перед глазами у меня мелькает дорога и чьи-то сапоги. Некто нес меня на плече. Кто-то высокий. Тень, знакомый голос...

Когда моей щеки коснулось что-то холодное и я скосила глаза, все сомнения разрешились. Такой широкий и огромный меч с прокаленным черным лезвием во всей армии был только у одного человека. Кажется, я помешала созерцать звезды генералу Атосу и теперь он куда-то меня нес, перекинув через плечо, словно мешок.

Боль не была случайной: я лежала на его шипованном наплечнике и он упирался в живот. Желудок снова свело, и не будь он пуст, меня бы снова вырвало. Возможно, даже на спину генерала. Но ему повезло, так что я только тихо просипела – сил не было даже на стон.

Меня внесли в какую-то палатку и грубо кинули на походный тюфяк. Горела сальная свечка, отвоевавшая у темноты небольшой кусочек света.

– Док. Тут что-то странное. От этого парня не пахнет выпивкой, но у него отнялись руки и ноги, и он заблевал полреки.

Я не видела, с кем говорил Атос. Да и самого генерала тоже. Голова так неудобно завалилась набок, а поднять ее не было сил.

– Припадочный, может, – ответил откуда-то из тени старческий с хрипотцой голос. – Тебе-то что за забота?

– А вдруг у него какая-нибудь зараза? – Видимо, последнего слова для собеседника было достаточно. К койке, кряхтя, подошел старик. Волосы серебристым венцом росли лишь вокруг головы, оставляя посередине изрядную лысину, а глубоко посаженные глаза с интересом изучали меня.

– Так, посмотрим, что тут у нас, – прошептал старик и протянул руку к моему шлему.

Правило номер один: никогда не забывать про шлем! Моя рука, только что казавшаяся обессиленной, резко метнулась к шлему и натянула его до подбородка.

– Ух ты. – В круге света появилась растрепанная голова Атоса. – А он гораздо живее, чем я думал. Шлем он явно отдавать не хочет.

– Ладно. – Голос старика вдруг зазвучал серьезно и грустно. – Проваливай, мальчик. Иди поруби кого-нибудь в куски. У тебя это лучше получится.

Атос пожал плечами и исчез из поля зрения. Я услышала лишь, как прошуршал покров, прикрывавший вход в палатку. Опасность миновала, но я все еще не могла разжать пальцы, сжимающие шлем.

– Яд... – проговорила я. – Рана... Плечо... – И снова потеряла сознание.

* * *

Мне снился паркетный пол, начищенный до такого блеска, что в нем, как в зеркале, отражалась красивая пара. Я слышала их смех. Сначала казалось, что они просто танцуют. Но потом пришло осознание, что это не так. Это не танец... Мелькали шпаги, слышалось учащенное дыхание. Молодые люди сражались и смеялись.

Я пыталась закричать и предостеречь девушку. Но рот заполнила холодная речная вода. И вот я уже в реке, и сквозь толщу воды проступило лицо демона с пепельными волосами. Он сказал, что не любит, когда его бесят.

* * *

Когда я проснулась, снаружи уже рассвело. Свеча догорела, а в палатку пробивался слабый сероватый свет. Мне было легко дышать, и живот почти не болел. Что бы ни сделал лекарь, он помог. Я аккуратно повертела головой, убедившись, что и она на месте. Взгляд упал на плечо: ровные чистые бинты покрывали вчерашний порез, светясь непривычной белизной сквозь разрезанный рукав рубашки.

Я была цела и в сознании, но что-то было не в порядке... Но что... Шлем! Я испуганно завертела головой и увидела его за свечой... Я попыталась вскочить и схватить шлем, но лишь опрокинула огарок свечи и в бессильной ярости рухнула обратно на тюфяк. Откуда-то из темного угла палатки раздался надтреснутый старческий смех.

– Да не волнуйся ты так по поводу шлема. Я узнал о твоём секрете, как только Атос кинул тебя на мою кровать. Я, может, и не служу при дворе, но все-таки врач и могу отличить бабу в мужской одежде от солдата.

Я сглотнула, слюна оцарапала пересохшее горло, как камешки. Старик между тем приблизился.

– Если бы я хотел тебя выдать – сделал бы это еще ночью. Но ведь

денег мне за это не заплатят, тогда какой прок? Если тебе хочется скакать по полям в поисках смерти вместо того чтобы с мужем пахать землю да растить детей, Идас тебе в помощь. – Старик приподнял мою голову и дал отпить какой-то горькой воды из плошки. На миг мне показалось, что меня снова вырвет, но желудок почему-то смирился с лекарством.

– Тебе повезло. Безоаровый порошок помог. Яд, видать, был дрянной. Был бы получше, я бы с тобой сейчас не говорил.

Я подняла на старика глаза:

– Спасибо... – Вместо нормальной речи послышался шелест, но громче говорить я не могла.

– Из спасибо, как говорится, ни поешь, ни выпьешь. Речь не об этом. Рана свежая, и получила ты ее в лагере. Значит, тут кто-то ходит и режет своих же людей отравленным клинком. Мне нужно его имя.

– Офицер, – прошептала я. – Нельзя...

– Можно, – жестко произнес старик. Дальнейшие пререкания были бесполезны, и у меня не осталось на них сил... Думаю, его и вправду мало волновали последствия такого доноса для меня.

– Феррос...

– Я мог бы догадаться. – Старик направился к выходу. Около покрывала-двери он обернулся. – Послушай, девочка. Я не из тех, кто дает советы даром, но ты слишком молода, чтобы думать своей головой. Либо стань сильной, чтобы защитить себя, либо стань отчаянной трусихой, чтобы не попадать в неприятности. Не будь посредине, как сейчас, это самый опасный путь.

Он вышел, а я лежала в полутьме и думала, что трусиха из меня вышла весьма плохая.

* * *

Каждый шаг в жизни – это выбор. Вставать или не вставать с кровати. Пойти одной дорогой или другой. Один выбор не сильно влияет на нашу жизнь, другой становится точкой невозврата. Иногда мы вынужденно выбираем, в другом случае – мы сами решаем, что время пришло.

Два дня прошло с того вечера, как Феррос оцарапал мне плечо отравленным клинком. Два дня я валялась в палатке лекаря и много думала. Как ни смешно звучит, я впервые думала так много. О том, как устала от того, что не в силах повлиять на что-либо во время боя. Как меня замучила необходимость прятаться от всех легионеров, постоянно отмалчиваться,

терпеть воровство и хамство.

В один из первых дней в легионе, когда я шла на завтрак, меня нагнал пьяный солдат. Он рывком развернул меня и ударил кулаком по шлему так сильно, что я улетела в канаву. У него не было причин ненавидеть меня, мы даже не были знакомы. Просто он был пьян, у него было плохое настроение и он мог это сделать. Он мог.

Он не сказал ни слова, просто развернулся и пошел дальше. А я лежала в канаве и пыталась остановить кровь из носа, вперемешку с соплями и потом, стекавшими по подбородку.

Определенно, в тот день я сделала один из выборов – остаться тут, несмотря ни на что. И вот в палатке лекаря я приняла еще одно решение, которое, вполне возможно, убило бы меня быстрее, чем служба в снабженцах. Но просто пришло время.

Я стояла около синего шатра Атоса с самого рассвета, ожидая, когда же генерал выйдет. Время подходило к полудню, но внутри не раздавалось ни единого звука. Я даже забеспокоилась, не перепутала ли я шатер. Еще пять минут, ну ладно... не пять, а десять.

Атос стремительно вылетел из палатки и куда-то пошел своим широким шагом. Для человека его роста и комплекции он двигался поразительно быстро. Я даже не сразу опомнилась, но потом окликнула его по имени и званию. Он развернулся и нахмурился.

– Ты... тот парень. – Мимолетная ухмылка скользнула по его лицу. – Благодарить не надо. Я думал, что у тебя заразная болезнь. – Он уже развернулся, чтобы продолжить свой путь, но у меня были другие планы.

– Я здесь не благодарить. Я... – Слова застыли в горле, но пути назад уже не было. – Я хочу, чтобы вы взяли меня в ученики, генерал.

Атос тоже застыл и часто заморгал. Он, кажется, был не менее ошарашен моей дерзостью, чем я сама.

– В ученики, что?.. – Ухмылка вернулась на его смуглое лицо. Вместе с ней вернулось и самообладание. – Я никого не учу, парень, никогда. Я генерал – вы солдаты. Попроси о тренировках командира отряда...

Но я не собиралась отступать так легко. Из меня все-таки выходит плохая трусиха.

– Не парень. Я – Лис. Для обычных солдат сойдет и командир, а мне нужно лучшее. И вы – лучшее в этой армии.

За нами уже начали наблюдать несколько любопытных бездельников. Трудно было судить по лицу Атоса, что он думал. Полные губы сжались в тонкую линию, а глаза сверкали из-под густых пепельных бровей. Может, мне лишь казалось, но мое нахальство начало его забавлять. Не худший

исход.

– Так, ребенок, Лис там или Хренолис. В одном ты прав – я лучший. Зачем мне ученик вроде тебя, жалкий солдат, которого умудрился проткнуть такой дурак, как Феррос?

Пришло время рискнуть всем. Я прекрасно знала, что следующие мои слова запросто могут стоить мне головы. Но сейчас уже было поздно, я сделала выбор.

– Вы хороши, но вы медлительны.

Разговоры вокруг стихли. Теперь все взгляды в радиусе десятка метров были обращены на нас. Вернее, на Атоса. Генерал молчал. Чтобы порвать эту страшную тишину, я продолжила.

– У вас мощные удары. И точные. И двигаетесь вы быстро. Беда в том, что в самой технике боя вы медленнее. Меч не поспевает за телом... – Я замолчала, давая Атосу возможность переварить мою дерзость.

– Ты хочешь сказать, что и ты сможешь научить чему-то *меня*? *Меня*? – Глаз не было видно, так как Атос по-бычьему опустил голову. Его лохматая челка скрыла лицо до половины. Голос его звучал очень напряженно.

– Да. Я... Единственное, чем я могу похвастаться, – это скорость. Феррос застал меня врасплох. Сегодня я выпался...

Но договорить мне не удалось – генерал начал движение молниеносно. Он не предупредил меня о начале драки, не попросил зевак расчистить место. Просто выхватил меч и резко скакнул ко мне. Лезвие просвистело в паре сантиметров от моей головы, но я увернулась. Мне было что терять, мне было что приобретать. Если я хотела жить, я должна была справиться с той бедой, в которую сама себя втянула.

Меч свистел с какой-то жуткой скоростью. Может, я зря поверила слухам? Может, Атос просто не дерется в полную силу на поле боя, а сейчас выложится по полной, решив проучить наглого мальчишку? Что если я не успею, что тогда? Присесть, отскочить, увернуться. У меня нет с собой оружия и единственная моя защита – скорость. Атос махал мечом, как Войя, не обращая внимания ни на что, кроме цели. Генерал просто прошелся по сидящему на земле солдату, чтобы достать меня. Движения были четкими, отработанными. Справа и слева меч задел мои мосты, мгновенно надрезав тонкую ткань.

На мысли времени не оставалось – только движения. Он. Меня. Убьет. Единственное, что вертелось в голове. Отступать было некуда, за спиной высился частокол лагеря. Не убежать, если только...

Словно обрывки чужого сна в голове пронеслись слова старого мастера: «Если за спиной препятствие, а впереди враги, остается только

один способ». «Сдаться?», – спрашивает девичий тонкий голосок, такой незнакомый. Тихий смех: «Нет, надо научиться летать».

Я никогда такого не делала, но, возможно, этот трюк просто ждал сегодняшнего дня. На губах Атоса уже не играла усмешка, это был волчий оскал с ровными и белыми клыками. Его, кажется, злило то, что я все еще жива. За моей спиной торчали врытые в землю бревна, а передо мной была сама смерть в облике генерала. Его последний выпад был великолепен: со стороны наверняка выглядело даже артистично. Он нацелил лезвие ровнехонько мне в грудь. Я оперлась каблуком о бревно за спиной и оттолкнулась со всей силы. Возможно, исполнить подобное помогла вовсе не сила, а надежда и желание.

Меч вошел в бревно, а я ухватила Атоса за плечи. Остальное сделали инерция и гибкость тела. Я выполнила прямую стойку на его плечах и заглянула в глаза генерала: светло-светло голубые и широко распахнутые от удивления. Это мгновение, наверное, застыло в воздухе. Он стоял, задрал голову, и смотрел мне в глаза, а я на вытянутых руках, упираясь в его плечи, смотрела ему в лицо. На это мгновение меня охватил ужас, но... По правде, мне никогда не было так страшно и... весело. Это мгновение мира в душе, осознание того, что я чего-то стою.

Но миг закончился, а сила тяжести взяла свое. Тело завершило прыжок, и я приземлилась в мягкую траву. Как только я встала, жесткий холодный металл отшвырнул и прижал меня к частоколу. Как будто и не было этого удивительного прыжка. Атос прижал меч плашмя к моему горлу. Я судорожно вспоминала хоть каких-нибудь богов, чтобы произнести короткую молитву.

Генерал тяжело дышал и был, по всей видимости, в ярости, но не спешил резать мне глотку. Странно, я и не думала, что этот короткий бой его так утомит. Какой смысл был сейчас скромничать? Я прямо посмотрела на него, и хотя уже не видела глаз из-под челки, но знала, что они светло-голубые. Почему-то это знание заставило меня улыбнуться.

– Лис, значит... Считай, что ты меня удивил, пацан, – медленно произнес Атос. – А я редко бываю удивлен. Уклоняешься ты хорошо. Так чему же ты хочешь научиться?

Ответ на его вопрос я знала уже давно, может быть, даже слишком давно. Последние полгода в тавернах, кабаках, лесах, канавах – везде я готовилась ответить на него.

– Уклоняюсь я хорошо, – повторила я его слова. – Но хочу научиться не уклоняться, а держать удар... и давать сдачи.

Это только в сказках главный герой получает мудрого мастера и за считанные дни становится лучшим мечником страны. На деле же это тяжело и больно, и мудрого мастера нет. Есть только вспыльчивый и гордый парень, который каждую тренировку пытается тебя убить. Как-то так можно описать наши занятия.

Уговор был такой: каждый день, не важно – дождь, снег, да хоть ураган – мы встречаемся на тренировочной площадке и проводим там два часа. В первый же день там собралось человек пятьдесят: всем было любопытно, как именно меня будут крошить на кусочки. Атосу интерес зевак не понравился, он просто сломал одному из зрителей руку. Вот такой молчаливый намек был всеми понят, и тренировки продолжились уже без свидетелей.

Мне был выдан солидный и тяжелый меч, который Атос окрестил «зубочисткой». Первый же удар моего учителя по нему вывихнул мне плечо. Кричать от боли было страшно, но держать меч я уже не могла. Генерал посчитал, что к лекарю бежать не нужно, и еще минут пятнадцать вправлял мне плечо сам.

Вывихнутое плечо – это, конечно, очень больно. Но когда его вправляет человек далекий от медицины – боль возрастает десятикратно. Атос упер меня лицом и грудью в дерево, зафиксировал свою ногу на моей пояснице и начал крутить моей безвольной конечностью. Я не выдержала и заорала, за что получила первый подзатыльник.

Издевательство продолжалось четверть часа, после чего я почувствовала, что снова могу шевелить пальцами. Вот только желание ими шевелить у меня совсем пропало. Когда я направилась к выходу с боевой площадки, Атос положил мне руку на плечо:

– Куда это ты собрался? Два часа еще не прошли.

– Но я... Э... лекарь. – Я разглядывала носки своих сапог, словно провинившийся школяр. – Мне нужен лекарь... наверно...

– А на поле боя ты тоже попросишь врага остановиться и подождать? – Его голос звучал тихо и угрожающе. – Скажешь: «Дяденька, не убивайте меня – мне нужна повязка и ледяной чай»? Да, ты так думаешь?

Атос схватил меня за вывихнутую руку, и я заорала от боли... Про себя. Сжимая губы, кивнула и вернулась на поле. Первый урок был получен – в тот вечер я держала меч в левой руке.

На второй неделе занятий мы чистили оружие после тренировки около синего шатра Атоса. Разогретый от трения камень будил приятные воспоминания о детстве. С той битвы с Белыми Лилиями легион сидел без работы, поэтому мы могли себе позволить и все эти тренировки, и вечернюю неспешную чистку оружия. Я удивилась, что Атос пригласил меня разделить этот ритуал с ним. Как выяснилось, приглашение было с подвохом.

– Мне вот интересно, – генерал правил меч резкими и точными движениями. – Твоя стойка, боевая позиция. В армии бы так не научили. Не у нас в легионе точно. Ты из дворян?

Отпираться смысла не было. Тем более, я могла не врать, а рассказать правду без особого ущерба своей легенде:

– Не совсем. Я рос в замке, был сыном оружейника. Вместе с хозяйскими детьми меня учили владеть оружием.

Атос кивнул, словно лишь подтвердил свою догадку. Он не стал спрашивать, что именно произошло и почему я лишилась дома. В легионе было не принято выпытывать прошлое.

Затачивая лезвия, мы замолчали. Каждый думал о своем – я о том, что не знаю почти ничего о прошлом Атоса. Известно, что он из Края – да это и так видно по цвету кожи. Рано начал бродить с бандами и воровскими шайками. Авторитет зарабатывал грубой силой и дерзким поведением. Был признан и вышел в лидеры, но, видимо, хотел большего, чем просто мелкие набеги.

Где-то лет в пятнадцать встретил Алайлу и Крамера, которые уже составляли костяк легиона Алой Розы. Из всей троицы только он обладал талантом вести за собой людей в гущу сражения, порой даже безнадежного. Конечно, и Алайла, и Крамер имели лидерские навыки и пользовались уважением. Но Атос был сердцем битвы, безумным демоном с мечом. Без него история легиона могла сложиться совсем иначе.

Вот и все, что я знала о своем молодом учителе. Кто он, почему покинул дом, почему он так нелюдим и не завел себе хотя бы полевую жену, откуда в нем столько звериной ярости и жажды к бою? Все это было тайной. И в количестве тайн на сантиметр тела мы были очень похожи.

Атос прервал мои размышления. Он уже закончил заточку своего гигантского меча и поднялся, чтобы удалиться в шатер:

– Лис, забудь все, чему тебя учили эти полотеры. Гуща битвы – не

танец аристократов. Не изысканные «па» ножкой и ручкой. Это скорость реакции и отсутствие морали. Сейчас ты не в замке, и единственное место, где могут оценить твои выверты, – деревенские пляски. Завтра в два.

И он ушел. А я про себя произнесла: «Урок номер два».

* * *

Мои ночи стали спокойнее, а ужины сытнее. После нашей первой тренировки Атос отвел меня к новому костру. Это было что-то вроде приказа: теперь ты ночуешь здесь, и это не обсуждается. Хозяином костра был Кэрк, молодой капитан с рыжими короткими волосами и усыпанными веснушками лицом и руками.

Народ здесь вполне соответствовал нраву хозяина: молодые парни, мечтатели и романтики, которых каким-то случайным ветром занесло в легион. Здесь было мало выпивки и много смеха. Я и не думала, что в нашем лагере есть места, подобные этому.

Вспоминая историю с Ферросом, поначалу я старалась держаться незаметно. Но потихоньку сама втянулась в жизнь «костра Кэрка». Я стала общаться и даже... снова начала смеяться. Совсем позабытое ощущение.

Не думаю, что ко мне было особое отношение из-за мнимого покровительства Атоса. Просто здесь жизнь текла по другим законам. На общих тренировках многие из этих ребят показали себя хорошими бойцами: они не были рохлями и в обиду себя не давали. Но любую ярость и агрессию, любую жестокость они оставляли за пределами освещенного огнем круга.

Самым главным действием вечерних собраний были истории. Каждый день выступало по одному рассказчику. Все, кто приходил к костру, должны были рассказать что-то, без исключений. Это не были солдатские байки или истории о непристойных похождениях. Хотя никто не был вправе диктовать рассказчику тему, почему-то все повествования были схожи. Там присутствовали тайна, приключения, магия. И каждый раз история оставляла странное тоскливое чувство недосказанности.

Кто знает, может, все эти рассказы были выдумкой, но на те короткие часы, когда перед нами вырисовывался призрачный мир со своими героями и злодеями, нам хотелось стать его частичкой. И мы погружались в него с головой.

Одна из первых историй, которая врезалась мне в память, была байка Хейза. Молчаливый мужчина с черной бородой, более всего похожий на

бандита, но при этом очень уважаемый среди молодежи костра, редко участвовал в общем веселье. Его рассказ, мрачный, как и он сам, холодком проникал в душу с каждым словом.

История Хейза:Легенда о проклятом копейщике***

Вы все знаете, что это был самый настоящий человек. Говорят, он служил в легионе Багряной Гвоздики, который распался сто лет назад. Помните, было союзное государство на северной границе с Королевством? Раньше оно называлось Элдтар. Этот парень был как раз оттуда. Простой крестьянин, которому надо было кормить семью, – вот он и ушел в легион, надеясь заработать немного деньжат. Дома, в маленькой хижине с зеленой камышовой крышей, он оставил стариков-родителей и сестру, совсем еще дитя.

Время шло, он учился, много тренировался и с годами стал неплохим копейщиком. Особо хорошо ему давался бой с торорой. Кто из вас не знает – это такое северное копьё, у него с тупого конца крепится вдоль древка лезвие. Северяне им потрошат дичь или что-то вроде того. В общем, наш парень со своей торорой помотался лет десять по чужим землям, участвуя в разных сражениях, и решил навестить родню.

Но когда он вернулся, то нашел лишь руины. Вся его родная деревня была уничтожена, да и похоже, уже давно. Как рассказали жители ближайших поселений, король Элдтара проезжал мимо и сильно разгневался на местного старосту за плохо оказанный прием и скудный стол. В итоге королевская гвардия стерла деревню с лица земли.

С той минуты покой покинул копейщика, он не мог больше ни есть, ни спать. Единственным его желанием стала месть королю за гибель родных. И он начал действовать. Стал служить еще усерднее, убивать изощреннее, везде превозносить имя короля и его божественную власть.

Скоро слухи о таком искусном воине дошли и до самодержца. Он решил, что подобный боец пригодится ему во дворце – так копейщик попал в святая святых. У него была тысяча способов убить короля, но ему это казалось слишком милосердным. Он думал дни и ночи, как же причинить убийце

своих родных боль посильнее. Вы знаете, нет опаснее человека, одержимого жаждой мести. Он медленно варится в своем безумии и перестает принимать действительность такой, какая она есть. Неясно, пришло ли сумасшедшее решение к нему во сне или родилось во время дневной вахты. Однако идея его была дикой.

У короля была прекрасная дочь – юный цветок лет четырнадцати – сокровище и гордость старого вдовца. Копейщик был красивым мужчиной, чья доблесть была известна всему дворцу, и ему не составило большого труда соблазнить девочку. Король узнал о преступной связи, но власть дочери над отцом была столь велика, что копейщик не лишился головы и даже не был заключен в тюрьму. Отношения продолжались под покровом ночи. Король умолял девочку одуматься, слухи бурлили, а копейщик выжидал. Случилось то, что и должно было произойти. Принцесса понесла. И в определенный природой срок родился чудесный малыш. Король стал дедом бастарда, и хотя признать ребенка без отца наследником престола было невозможно, старик души не чаял в малыше и осыпал его дарами, старательно избегая непрошеного «зятя».

Минуло год и два. Принцесса все отказывалась от законного брака с представителями своего круга, отдавая тело и душу копейщику. Малыш-бастард рос добрым и открытым ребенком, и даже король начал оттаивать к копейщику. Казалось, еще чуть-чуть – и копейщик получит власть, а его сын станет престолонаследником. Однако на третий день рождения мальчика копейщик явился с торорой.

Нельзя сказать, что он не любил принцессу и ребенка. Просто они были частью его плана мести королю. За годы под крышей дворца он ничего не забыл и не простил. На глазах старика он сначала убил малыша, а потом принцессу. Он не мучил их – может, этим и выразил свою любовь. Все произошло быстро. Король обезумел от горя, но копейщику было важно объяснить старику, из-за чего он сделал то, что сделал. Он напомнил рыдающему над телами королю про маленькую деревню, про мирных жителей и их скудные запасы. Про своих близких.

Внезапно король начал смеяться, словно одержимый. Копейщик подумал, что старик сошел с ума. А тот, продолжая

обнимать еще теплые тела дочери и внука, рассказал правду о гибели его родного дома.

С тех пор как еще юным парнем копейщик покинул деревню, с продовольствием там стало совсем плохо. Засуха уничтожила весь урожай на полях, высохли и плодовые рощи. Взрослые жители придумали варварский способ поправить свое положение: они стали продавать своих детей – мальчиков в легионы и рабство, девочек – на потеху солдатам. Король, проезжая мимо деревни, увидел, как маленькую девочку собирались изнасиловать возле дома с зеленой камышовой крышей. Ее родители продали малышку за пару монет. Гвардейцы монарха спасли девочку, а затем предали смерти всех взрослых деревни – за то, что они сотворили со своими детьми. Деревню сожгли, а детей забрали в столицу на воспитание в приюты. Маленькую девочку из дома с камышовой крышей, чье несчастье тронуло венценосного и одинокого старика, король взял к себе и воспитал как родную дочь.

Копейщик убил не просто свою любовницу и мать своего ребенка, он убил родную сестру, спасенную королем от жестокой участи. Его сын был его же родным племянником. Кровь его крови.

Король потерял рассудок и лишился престола, власть захватил кто-то из его близких. Сейчас вы не найдете Элдтара на картах – пограничные страны быстро завоевали королевство, растащив его по кускам. Копейщик же исчез. Говорят, он иногда возникал то в одной битве, то в другой. Но на какой бы стороне он ни воевал, словно дьявольская тень он нес с собой невероятную жестокость и разрушения без малейшей жалости, что к врагам, что к союзникам.

Этот человек убил все, что было в нем человеческого. Причины для жизни у него не было. Но говорят, что умирать он тоже не хотел – боялся встретить пред престолом богов свою сестру и маленького сына и взглянуть им в глаза.

* * *

Я сидела на бочке, полной налитых красных яблок и, свесив ноги, наблюдала за ежеутренним бритьем Атоса. Он не отращивал бороду, в

отличие от многих солдат в легионе, то ли слишком ленивых, то ли просто считавших, что растительность на лице делает их более мужественными. А может, дело было в ритуалах мужчин с его родины.

Так или иначе, каждое утро Атос перед синим шатром доставал свой большой тридцатисантиметровый охотничий нож и, используя вместо зеркала начищенный щит, подвешенный на палатку, начинал сбрасывать пепельную щетину.

Для меня в этом было что-то мистическое, присущее только миру мужчин. Гуляя с утра по легиону, я случайно стала свидетелем этого короткого, в общем-то, действия. Но меня с тех пор как магнитом тянуло к шатру Атоса. Сначала он старался не замечать моего навязчивого любопытства, потом озверел и с бранью меня прогнал: раз, второй, третий. Затем смирился. Я все равно приходила. Даже себе я не могла объяснить, зачем намеренно вызываю его гнев. И вот я стала постоянным гостем его бритья, и он, кажется, привык к тому, что утром я кручусь где-нибудь поблизости и меня можно отправить то за чистыми полотенцами к лазарету, то за водой к реке.

Сегодня он был в особенно хорошем расположении духа и даже что-то напевал себе под нос. Я заметила, что он искоса поглядывает на меня.

– Лис, а ты вообще когда-нибудь брился? Я гляжу на тебя и твой гладкий, торчащий из-под шлема подбородок, и пытаюсь понять, росло ли на нем хоть что-нибудь?

Я помотала головой и, в общем-то, не солгала. Для женщин бритье носило иные, гигиенические меры. Моя мать, подобно многим приверженцам культа Сефирь, сбрасывала волосы в подмышечных впадинах и интимных местах и учила тому же меня. Но лицо мне брить не приходилось. Поэтому легионер Лис покачал головой.

– М-м-м... – Атос смутился, но затем развернулся ко мне с половиной намыленного лица. Сейчас он выглядел как подросток, застигнутый неприятной обязанностью объяснять младшему товарищу, откуда берутся дети. – Может быть, хочешь, чтобы я тебя научил?

Это было очень мило. Правда. И я бы с радостью поучилась бриться. Но проблема была в том, что я никогда не снимала шлема. Во мне начали борьбу два чувства: желание ответить на дружеский жест Атоса и паническое стремление убежать и спрятаться. Увы, единственное, что я могла, – это опустить голову и молчать.

Мой учитель сам вывел меня из этого глупого положения:

– Я вспомнил. В легионе говорят, что у тебя чертовка, поэтому ты и не снимаешь шлем. Так?

Я кивнула. Да, в легионе именно это и говорят. Они говорят, а не я. Мне не хотелось без нужды врать Атосу, хотя все наши отношения были густо замешаны на неправде.

– Ты сегодня молчаливый... – Он отвернулся к щиту и продолжил резкими движениями сбривать со щек ровные полосы мыла.

– Мне все говорят, что я в мать, – с трудом выдавила я. – Волос нет не только на лице, а на всем теле. А чертовка... от нее, в общем, тоже волосы выпадают. – Чтобы подкрепить свои слова, я закатала штанину и показала гладкую коленку. Обернувшийся Атос даже присвистнул.

– Что ты вообще забыл в легионе, парень? – Он подошел ко мне, так и не смыв до конца мыло со щек и подбородка. Волосы тоже намокли и топорщились сильнее прежнего. Внезапно крайние схватил мою руку и нажал большим пальцем в середину ладони, раскрыв мои пальцы. Так в детстве я, играя, надавливала на мягкие лапки кошек, чтобы они показали коготки.

– Твои руки – девчачьи руки. Они не созданы для меча. – Он поднял мое запястье, всматриваясь в него, словно ища там какое-то профессиональное клеймо мечника. – Жилы, мышцы, само сложение. Для тебя есть много прекрасных работ: портной, ткач, ювелир – много гдегодились бы твои тонкие пальчики.

Я резко выдернула руку и спрыгнула с бочки. Разговор зашел в опасную область.

– Я здесь, и вы выучите меня. И теперь это и ваша задача, чтобы эти нежные ручки научились убивать не хуже грубых ручищ.

Я боялась, что он разозлится, но он только рассмеялся.

– И голос у тебя писклявый, Лис. Ты хоть писаешь-то стоя?

– Стоя, – густо краснея под шлемом, солгала я. Это была первая полноценная ложь за весь этот разговор.

– Никто не видел, так что не доказано. – Он широким жестом сбрил последнюю полоску мыла, пропустив лишь кусочек пены за ухом.

– А вы тоже, когда идете по малой нужде, собираете вокруг команду, чтобы все посмотрели на... на... на это?

Я ожидала, что у Атоса все-таки лопнет терпение, но вместо этого он и сам покраснел, причем яркие краски стыда выступили у него только на скулах. По бегаящим глазам я поняла, что он смущен темой нашего разговора не меньше меня. Генерал, но все же двадцатилетний мальчишка.

– Нет, – наигранно грубо произнес Атос. – Я предпочитаю ходить один.

– Именно, – гордо заявила я, считая точку в разговоре поставленной.

Маленькая победа, правда, я так и не поняла, в какой именно войне.

Затем я встала на цыпочки и пальцем собрала пену из-за его уха. Девушке из замка с руками, созданными для ткачества и тонких работ, и в голову бы не пришла такая фриivolность. Но Лис из легиона Алой Розы был тот еще сорвиголова. Он сдул пену и засмеялся. И Атос, грозный командир трех тысяч солдат и чума боевого поля, краснеющий как мальчишка, засмеялся вслед за ним.

#Бусина третья

Хотя наши беседы и стали интереснее, но на моих боевых навыках это никак не сказалось. Тренировки были бесполезны, и с каждым днем это становилось все очевиднее. Мне не хватало силы не то что на нападение, но даже на банальную защиту. Самой удачной попыткой отразить удар Атоса стала та, при которой я удержалась на ногах – и то лишь потому, что, вспахав сапогами добрый участок земли, я уперлась спиной в ограду тренировочной площадки.

Атос не сдерживался, когда нападал на меня на тренировках. Конечно, в его атаках было меньше ярости, чем в наш первый бой, но, Войя подери, он совсем меня не щадил. Этим бы он оскорбил себя, да и меня, пожалуй, тоже. Его огромный меч и та сила, которую он вкладывал в каждый свой удар, раз за разом отбрасывали меня, словно пушинку. Точно невидимая стена, передо мной каждый раз вставала мощь Атоса, и я никак не могла ее преодолеть.

Кипевшее во мне море ярости сменилось океаном безысходности. Мы не могли быть партнерами по поединку, не могли быть друзьями – и я все больше чувствовала себя огородным пугалом, на котором он оттачивает свои боевые навыки.

– Тебе не хватает чего-то. – На третьей неделе Атос высказал то, что было ясно нам обоим. Удивительно, что генерал не сказал этого раньше, учитывая его нетерпеливость во всем.

– Чего же?

– Не знаю. Каждый ведь дерется за что-то свое. – Он пятерней взлохматил свою и без того взъерошенную голову, отчего стал похож на какую-то хищную птицу с носом-клювом. – Для кого-то основной мотив борьбы – ярость. Кому-то достаточно желания жить...

Раньше мне казалось, что и того и другого во мне даже с излишком. Во всяком случае, столько, что должно хватить на приличный бой. Вероятно, я ошибалась, поэтому и не ответила моему генералу ничего, а только продолжила рассматривать траву под носком сапога. Вся истоптанная – недолго она тут продержится, если мной продолжат пахать поле.

– Перерыв. Иди попей. – Атос безнадежно махнул рукой и двинулся к своему шатру.

Это был конец. У нас никогда не было перерывов. Генералу легиона надоела плохая игрушка. Я оказалась куда менее занятой, чем мы оба

полагали.

Я направилась к походной кухне, чтобы выпить прохладной речной воды из запасов легиона. Внутри меня было так же пусто как внутри моей фляжки. В своих мечтаниях я, бросив все, сбегала из легиона. Куда угодно, лишь бы не возвращаться на тренировку. Именно на этих тяжких раздумьях в меня врезался какой-то солдат.

Это был плотный верзила с противной мордой. Ему было мало спихнуть меня с дороги, он с размаху поддал мне кулаком в спину – и я слетела с тропинки, ловя ртом воздух.

– С дороги, сучонок. – Здоровенный детина с соломой вместо волос и блеклыми рыбьими глазами не сказал, а просто прорычал эти слова.

– Господин... – Я поднялась с колен, переводя дыхание, и оттого говоря медленно и с паузами. – Не соблаговолите ли вы... повторить... что только что мне сказали?

Дубина, собиравшийся уже уходить, развернулся ко мне. Жажда поколошматить кого-то прямо-таки горела в его глазах. Раззявив беззубый рот в тупой усмешке, он рыкнул:

– Я сказал: «С дороги, су...»

Мой шлем врезался в подбородок этого «никчемы». Я почувствовала, что расшибла лоб, но сейчас меня это мало волновало. Солдат пошатнулся и с удивлением посмотрел на меня и даже занес кулак. Но все его движения были такими медленными.

Впервые за все время в легионе внутри меня, в самом моем сердце, что-то треснуло – со стоном раздираемой ткани. Я хотела научиться держать удар не из-за ярости или мести, не из желания выжить. Причиной всегда было лишь одно – я презирала свою слабость, которая позволила другим управлять мной: ранить мое тело, насмехаться надо мной, унижать меня. Моя слабость была самым страшным моим врагом. И в лице этого увальня я увидела именно ее.

Выкрикивая что-то нечленораздельное, я повалила своего обидчика на землю и начала его бить. Не по-женски слабыми ударами ладоней в грудь – но по-мужски, кулаками, раздирая костяшки в кровь о его броню и лицо. Он отбивался, о да! Съездил по шлему, прошелся по животу. Я почти не чувствовала боли и лишь ожесточеннее молотила его. Один глаз залило кровью, капавшей со лба, а левая рука начала неметь, но это было именно то, что нужно. В пыли сейчас валялся не тупой грубиян, а моя слабость собственной персоной.

Внезапно кто-то подхватил меня под руки и поднял над землей. Я потрепыхалась словно рыба и затихла. Появилась возможность оглядеться:

вокруг, оказывается, собралась целая толпа. Они помогли подняться «жертве», которая с криками: «Он псих! Он безумец!», – потрусила, прихрамывая, прочь.

– Разошлись. Все. Сейчас. – Приказы Атоса, который держал меня, словно белье на просушку, не было принято обсуждать. Вокруг нас в мгновение ока стало пусто. Генерал опустил меня на землю и развернул лицом к себе.

– Это серьезное нарушение дисциплины легиона, и, кажется, ты напал на старшего по званию. Похоже тот верзила – сержант.

– Хреновый, значит, сержант. – Я шумно втянула носом кровь. Впервые выругавшись при Атосе, мне почему-то стало легче.

– И все же, Лис, в легионе так не поступают. Я отправлю тебя на гауптвахту.

Можно было постараться и подобрать нужные слова: извиниться, настаивать, что не я затеяла драку (хотя это было бы ложью), лебезить. Но я знала, что все это не сработает. Вместо этого я взяла Атоса за руку – еще один жест из прежней жизни. Мужчины в армии не берутся за руки.

А я вот взяла. И пошла на тренировочную площадку. Мне было страшно обернуться: Атос шел за мной молча, но водить генерала за руку, вместо того, чтобы следовать его приказу... я и вправду походила на «безумца».

– Сейчас, я покажу вам, генерал. – Дойдя до середины площадки, я достала меч. – Ради чего я дерусь. А также, что мне не нужны перерывы для того, чтобы попить. И что я могу держать удар.

Мне, наконец, хватило смелости поднять глаза на Атоса. Он стоял в трех шагах и выглядел весьма серьезным, доставая свой широкий меч. Я не стала ждать и, несмотря на то, что видела лишь одним глазом и почти не управляла левой рукой, кинулась на своего учителя.

Меч Атоса описал широкую дугу и схлестнулся с моим клинком. Зазвенел металл. Я стояла на месте и сдерживала его удар: на подгибающихся ногах, наплевав на правильную боевую стойку и навалившись на свой клинок всем своим весом. Лицо Атоса, обычно весьма равнодушное, сейчас посетило еще не виданное мной выражение – губы чуть подрагивали, а в уголках глаз обозначились морщинки. Не было сомнений, суровый генерал Атос, гроза битв и герой сражений, был мной доволен.

– Ну все-все! – Кэрк поднял свои веснушчатые руки в примирительном жесте. – Посмеялись и хватит. Хотя... Может, теперь все будем звать Лиса «Сокрушителем»?

Ребята опять расхохотались. Я бы тоже посмеялась, но мне было больно это делать. Все лицо опухло, и голова в бинтах заполнила почти весь шлем. Несмотря на упреки лекаря, я упорно натянула его поверх повязок. После драки с тем солдатом мне прилично досталось еще и от Атоса на боевой площадке. Левая рука болталась бесполезным камнем на перевязи.

Около костра Кэрка вечером только и было разговоров, что о моей драке. Парни одобрительно усмехались и хлопали меня по спине, – я только успевала подставлять под их ладони части тела без синяков.

Сегодня право рассказа было дано Сильвеллу. Вообще, это был не парень, а ходячая катастрофа. Лет двадцати пяти, высокий и худой как жердь, темные вьющиеся волосы забраны лентой – таких пруд пруди в каждом городе. Так выглядят портные, подмастерья всех мастей, торговцы мелочами. Чем наш Сильвелл отличался, так это своим неумением избирать цель своей страсти и тайных вздыханий. А иногда и не очень тайных.

Каждый парень в армии знал, что в легион Сильвелл попал случайно. Путешествуя от одной купеческой дочки к другой, наш сластолюбец умудрился разозлить какого-то мелкого дворянина, приударив за его молодой супругой. В итоге Сильвелл оказался в бегах и решил скрыться среди солдат. Он не собирался бродить с легионом дольше пары дней, но на беду встретил генерала Алайлу, единственную женщину при должности в нашей армии. Хотя, как бойца ее не воспринимал всерьез ни один из легионеров, положение леди Алайлы в Алой Розе было священным. Алайла для своих солдат была живым божеством, а иногда именно такой символ и нужен неповоротливой махине легиона. И вот Сильвелл, влюбленным щенком бродил вместе с нами по стране в надежде на взаимность от холодной и недостижимой Алайлы. Ну, или до встречи очередной «любви всей его жизни».

– Ребята, с самой истории про проклятого копейщика идет одна чернота. Все кого-то убивают, потрошат и едят. Это надоело! Для разнообразия я расскажу вам добрую историю. – Голос у Сильвелла был приятный, глубокий и казался бархатным. Наверное, именно им он покорял своих дам.

– Ну и зачем ты это сейчас рассказал, – вздохнул Тэддо, младший из отряда Кэрка, четырнадцатилетний конюший. – Теперь никакой тайны...

– Тссс. Рассказчика не перебивают.

Рассказ Сильвелла:*Синяя Далия и ее белоснежные кружева**

Вам приходилось бывать в портовом городе Лароссе? Нет? Тогда вам определенно стоит его посетить. Сейчас там хорошо: улицы вымощены белым камнем, дома скрываются в прохладной тени грушевых садов, а к причалу подходят корабли со всех уголков мира. Чудесное местечко для торговли и отдыха. Но так было не всегда.

Еще шестьдесят лет назад город находился на грани выживания, на севере шла война. Хотя сам Ларосс не попал в осаду, но продовольствие войскам оттуда вывозили обозами. Количество кораблей, заходивших в порт, сократилось, и люди начали голодать.

Разумеется, всегда есть те, кому хуже всех: беспризорники, нищие, крестьяне и прочая шелуха, и те, кого голод мало касается даже в самые тяжкие времена. Аристократия Ларосса хоть и затянула пояса, но продолжала давать званые ужины с мясом.

Во время войны одни искусства угасают, а другие, наоборот, распускаются в полную силу. Те, кто бывал в городе, наверняка вспомнят прекрасное здание библиотеки. Двухэтажный особняк из розового мрамора с мощными колоннами, украшенными причудливым резным узором из виноградных листьев. Так вот, на время войны все книги вывезли, боясь как набега врагов, так и мародерства местных жителей. И мраморная библиотека опустела. Но недолго эхо гоняло пыль в этом здании – вскоре залы заполнились самыми прекрасными на свете звуками: женским смехом и плеском вина. В бывшей библиотеке устроили городской бордель.

Среди девушек, работавших там, особенно выделялась прекрасная Синяя Далия. Свое прозвище эта тарасийка получила за руки, выкрашенные по локоть в цвет индиго. Пальцы, ногти, запястья – все было покрыто несмываемой яркой краской. На их родине это было знаком отличия. Чего? Лишь боги знают, может его выдают убийцам, а может величайшим ученым. Сами тарасийцы особо на эту тему не распространяются. В любом случае, в борделе было три Далии, и чтобы отличать одну от другой, тарасийку прозвали Синей, а двух других... что ж,

история об этом умалчивает.

Далия была не просто красивой девушкой. Она была умной, могла поддержать разговор и всегда, в каком бы состоянии не вваливался к ней клиент, предлагала ему чашку ароматного чая. Кто-то скажет, что продажные женщины в борделе нужны лишь для одной работы. Но мужчины поумнее, из тех, что собрались вокруг этого костра, поймут меня: иногда простое участие и готовность слушать дорогого стоят. Хотя, по слухам, Синяя Далия и в постели была словно огонь.

Бордель худо-бедно существовал, но девицы там много не зарабатывали, обслуживали клиентов за еду. Даже аристократы, захаживавшие ради общества Далии, не могли много предложить. В то смутное время все окрестные крестьянские хозяйства были разорены. Еду выменивали на приходящих кораблях, а уж морские торговцы знали, как заломить цену. За серебряный канделябр с вензелями можно было получить от силы три трески и бутылъ вина.

Однажды Далия, уже надевая платье, взглянула на свои синие руки и обратилась к своему гостю, местному крупному ростовщику, с очень странной просьбой. Чтобы объяснить ее, мне придется сделать небольшое отступление от истории и рассказать о женской моде шестидесятилетней давности. Тогда каждая знатная леди должна была иметь в гардеробе две вещи – шляпу с сотней разных перьев, чем пышнее, тем лучше, и кружевные рукава. Обычные полотняные рукава на платьях шили до локтя, и лишь потом к ним пришивали сменные кружева.

Ах, каких только кружев не водилось в Лароссе: из западных земель Тиля, из той же Тарасийи, с загадочного острова Симм... Все кружева были девственно-белыми – это было основным требованием. Но узоры различались, словно райские птицы – не было двух одинаковых. И каждая девушка из высшего общества просто обязана была иметь по три-четыре десятка пар таких сменных рукавов. А надевать одни и те же кружева два вечера подряд считалось дурным тоном.

Вернемся к просьбе Далии. Девушка созналась ростовщику, что она стыдится своих синих рук и хочет их спрятать. Вот она и попросила не денег и еды, а одни из кружевных рукавов его супруги или дочери. Далия клялась, что не посмеет выйти на улицу с этим подарком, и не попадет на глаза законной хозяйке

кружев. Но мечтает, хотя бы в здании, не видеть синевы своих рук.

Ростовщика тронула речь Далии. И как человек деловой он рассудил, что отдать пару рукавов определенно выгоднее, чем платить девушке едой или монетой. В гардеробе его благоверной супруги и юной дочери этих кружев висели десятки. Вернувшись в дом и поужинав, ростовщик пробрался в спальню и срезал пару рукавов с платья, запрятанного в глубины шкафа. С мальчишкой-посыльным Далия получила свою оплату этой же ночью.

Но история повторилась на следующий день. Уже другого клиента – зажиточного торговца – Синяя Далия попросила о таком же подарке. Разумеется, умолчав, что кружева она уже получила от банкира. И на следующий день, и на следующий. Кое-кто из ее клиентов, разумеется, отказывался, кто-то удивлялся и предлагал платья. Но девушка была настойчива и требовала кружева, кружева и еще раз кружева.

Получив подарок однажды, она спешила заказать его и на следующий раз. Так из гардероба супруги ростовщика, например, исчезли двенадцать пар отличных кружевных рукавов и рукавчиков. Еще двух пар лишилась его дочка. И с тех пор каждый посетитель Далии, либо начинал платить ей кружевом, либо не входил более в ее покои.

Самым загадочным оставалось то, что в кружевах Синюю Далию никто ни разу и не видел. Она все так же, смеясь, ходила в платьях вовсе без рукавов, звеня дешевыми браслетами на узких запястьях. И если какой из гостей по-дружески интересовался, куда исчезли все его подарки, у девушки всегда наготове был ответ: ту пару потеряла, а эту прожгла утюгом, еще одни рукава она спрятала до лучших времен и еще тысяча подобных историй.

Конечно, в конце концов, кражи обнаружили. Дамы, встречаясь на своих званных обедах и ужинах, сначала жаловались на память, потом на воровство прислуги, но наконец правда всплыла. Одного из незадачливых любовничков прижали к стене, и он сознался. Притом дурак умудрился заложить половину своих друзей (тогда о странной плате за услуги Далии уже знали все неверные мужья города).

Поднялась буря. Опозоренные жены, обворованные отцами дочери, благонравные матери, лишившиеся кружева, чтобы

прикрыть свои усохшие ручки, – все роптали. Однако выгнать мужа и кормильца из семьи было просто невозможно, к тому же аристократки были терпимы к низменным порывам своих мужей. Но оплата бордельных утех вещами из их гардероба наносила личную обиду каждой леди Ларосса, поэтому они хотели отмщения. Городская стража получила жесткое указание от разгневанных дам: вышвырнуть воровку из борделя за стены Ларосса. Отряд вооруженных стражников направился к мраморному зданию, но прямо на ступенях встретил непреодолимую преграду.

Больше сотни городских беспризорников, словно воробьи, усеяли крыльцо библиотеки, ее балкончики, дворик да и каждый свободный клочок земли. Мальчики, девочки, бродячие псы, кошки. И вся эта толпа собралась с единственной целью – не пустить стражу внутрь, к Далии.

О, эта девушка была не просто умна и учтива. Далия была самым великодушным существом в Лароссе. До сирот войны, выброшенных на улицы, и убежавших из дома детей, никому не было дела. Каждый был занят своим выживанием и малыши умирали от голода прямо под ногами равнодушных жителей. Сердце Далии каждый раз каменело, когда она видела подобную смерть. Но что могла дать бесчисленным бродяжкам девушка, зарабатывающая только на несколько кусков хлеба в день?

Но я повторяю еще раз, и, если надо, еще раз – Далия была умна. Она знала, что в южных городах войны не будет еще долго. Зато мода, которая, как известно, разлетается со скоростью ветра, уже вступила в свои права в каждом городишке к югу от гор Хаурака. Что толку морскому торговцу от серебряного канделябра – в южных провинциях полно серебра. Другое дело – симмские кружева, не ездить же за ними на сам Симм в сезон штормов? В ту пору торговый путь по внешнему морю, где нежатся и Симм и Тарасийя, был долог и опасен. Зато север и юг Королевства были надежно связаны корабельным маршрутом, идущим вдоль береговой линии. Кружева, завезенные в Ларосс до войны, внезапно стали на юге весьма ходовым товаром. Ведь южные красавицы уже роняли крупные как монеты слезы, мечтая облачить свои загорелые руки в нежную паутину кружев.

Каждую ночь Далия меняла кружева на еду. На бочки рыбы,

на головы сыра, на связки сушеных овощей и вяленое мясо, на маринованную дичь и мешки муки, на бадьи с маслом и ящики зерна. Не оставляя ни крошки себе, она кормила каждого брошенного ребенка в городе, отдавала еду бродячим собакам и котам, заглядывая под каждый мост в поисках голодных и потерянных. Раздавая все без остатка за ночь, с утра она уже строила планы, насколько выгодно она сможет продать новые кружева заходящему в порт кораблю.

Осада розовой библиотеки длилась два дня. Стражники не решались напасть на детей, а те и не думали уходить. История о Синей Далие разнеслась по городу. Простые жители, и так находившие своих господ весьма неприятными типами, начали роптать. И к счастью, даже чопорные дамы бывают догадливы – бунта не хотел никто. Женский совет города постановил: кружева записать в счет благотворительности, историю с Далией забыть, осаду с библиотеки снять, а мужей посадить на короткий поводок.

Толпа ликовала. Синяя Далия выиграла партию, да и весь бой. Но оставаться в городе она не пожелала. Нет, она не боялась мести или отсутствия гостей. Просто бывает такая пора, когда стоит сменить место и улететь вместе с нетерпеливым ветром. С Далией из города исчезли почти все беспризорники и сироты и даже бродячие животные.

Говорят, она вместе со своими подопечными устроила где-то крестьянское хозяйство, принимая каждого ребенка, пришедшего в поисках крова, как своего родного. Вырастая, ребята уезжали в города и деревни, строя свою жизнь и обретая семьи, возвращая собственных детей. Но они всегда возвращались навестить свою Далию. И в память о том, что она сделала для них, каждый оставлял на воротах дома кусок белоснежных кружев. Те, кто видели дом Далии, говорили, что он словно паутиной увешан тончайшими кружевами сверху донизу. Тысячами белоснежных узоров.

А в Лароссе по окончании войны напротив библиотеки установили памятник. Деньги собирали не один год. Медяки приносили матери, потерявшие детей, крестьяне, знающие о голоде не понаслышке, священники и солдаты, простые ремесленники и бродяги, у которых обычно за душой ни гроша. В этих деньгах был собран стыд Ларосса. Пускай Далия была всего

лишь продажной женщиной, но она своей смекалкой спасала тех, от кого отвернулся весь город. Она была солью народа – лучшей его частью. А ее история стала легендой, которой мог гордиться каждый житель Ларосса. Поговаривают, что немало денег вложили и бывшие клиенты Далии, вспоминая чуткость и веселый нрав этой девушки. И пусть это стоило пару оплеух от крикливых женушек.

Эта скульптура и по сей день стоит возле библиотеки. Хрупкая девушка с робкой улыбкой идет навстречу зданию, а с каждой стороны к ней прижимаются дети: бронзовые мальчик и девочка лет шести, в лохмотьях. Детишки смотрят на свою Далию, задрав головки. А вокруг людей на постаменте кружат бронзовые кошки и собаки.

Далия прижимает бронзовых детишек к себе. Ее руки с тонкими запястьями отлиты изумительно, как настоящие. И по локоть они выкрашены слепяще-белой краской в честь белых кружев, ценой которых она спасала жизни.

* * *

Выдохшись, я упала на истоптанную траву. Два часа всегда пролетают быстро. А с тех пор как я стала отражать удары, Атос выжимал из меня все до последней капли.

– Уже лучше, – заметил он, присаживаясь рядом. Да уж... На нем была только белая льняная рубашка, и я заметила, что он даже не вспотел. – Определенно, ты сражаешься намного уверенней.

– Как скажете, генерал.

Сама себе я теперь напоминала мешок, набитый порубленным мясом. Денег на еду уходило все меньше, а на лекарства – все больше. Лекарь хоть и делал мне скидки, но толку при таком количестве обезболивающего, что я поглощала, не было. И при всем при этом я чувствовала себя безмерно счастливой. Даже ночью, просыпаясь от дикой боли, в темноте я улыбалась. Да, появились новые синяки и даже шрамы, но тело становилось сильнее, послушнее, смелее. Может я и мешок с мясом, но уже не мешок с соломой.

Повернувшись к Атосу, я заметила, что он рассматривает эфес своего двуручника.

– Генерал, а могут мне на складе выдать меч получше? Этот слишком тяжелый.

– Ты все время только ноешь – Хотя голос у Атоса был серьезный, в глазах плясали искорки. – Большой меч – лучшая защита. Кинжалом или сабелькой сложно защищаться.

– Но генерал... – Ох и противный же у меня голос, когда я начинаю что-то выпрашивать. Но искорки в глазах Атоса давали мне на это право.

– Генерал то, генерал это... Не зови меня так. От этих званий я чувствую себя очень старым.

Мысленно перечислив все, что я знаю о субординации и правилах legionera, я решила все же не спорить. Кто я такая, в конце концов, чтобы спорить со старшим по званию:

– И как же мне теперь вас звать?

– Дай-ка подумать... – Атос взялся рукой за подбородок, изображая раздумье. – Хозяин?

Я начала часто моргать, а через мгновение сообразила, что сижу с открытым ртом как идиотка.

– Можешь еще звать меня Великодушный господин. Как вариант – Ваше Величество, правда, тогда тебе придется прислуживать мне за ужином. – Уголки рта у Атоса совсем чуть-чуть приподнялись, а искр в глазах прибавилось. Какие-то доли секунды мне казалось, что он говорит серьезно.

Но он с такой сосредоточенностью смотрел на меня, словно подначивая, что я не выдержала. Уронив голову между поднятых колен, я прыснула от смеха, а затем не сдержавшись начала хохотать в полный голос. Атос усмехнулся и тоже рассмеялся. Я впервые увидела его хохочущим так искренне, и у меня возникло ощущение, что в легионе это вообще происходит нечасто. Может и шутка была не самая удачная, но услышать ее все равно было сродни явлению чуда в этот мир.

Рассматривая смуглое лицо генерала, я вдруг поняла то, что было очевидным с самого начала. Атосу нужен был этот ученик и эти тренировки, может даже больше, чем мне. Он давно не смеялся, и ему необходим был не только повод, но и тот, с кем можно разделить смех. Обычно он ухмылялся или хмыкал, смотрел исподлобья, нервно дергал уголком рта. А ведь лицо Атоса такое приятное, когда он смеется: складка между густыми пепельными бровями разглаживается, на щеках появляются ямочки, совсем как у меня.

Я встала с травы, опираясь на разбитое колено и мысленно вздыхая.

– Ладно, Его Величество король собственной задницы, Атос. Пока я буду тренироваться с этим ужасным мечом, но разговор я подниму снова. – Я вела себя вольно и проверяла границы дозволенного. Как котенок,

который на глазах хозяйки пробует лапкой сметану в крынке, но настороженно поглядывает на прутик в ее руке. Можно или нельзя мне так к тебе обращаться? Станешь ли ты снова закрываться и хмуриться?

– Про меч – даже не мечтай. Свободен. – Он уже не смеялся, но я все еще могла разглядеть на его губах подобие улыбки. Атос махнул мне рукой, чтобы я проваливалась с тренировки. Пришлось, вздыхая, покинуть пределы поля. Но по воле своих тайных желаний я оглянулась. Атос уже завалился на спину – и я увидела только его широкий меч, прислоненный к изгороди, на лезвии которого вдруг заиграли солнечные блики.

* * *

Жизнь в постоянном притворстве – скверная штука. Ты ежесекундно думаешь о том, что надо делать, чтобы тебя не раскрыли, следишь за жестами, голосом. И постоянно врешь – всем людям вокруг, даже тем, кто тебе очень нравится. А вранье всегда порождает страх и недоверие. Эти два чувства были бичом моего существования в легионе.

Каждый вечер возле костра Кэрка был чарующим и непохожим на все остальное, что происходило вокруг. Но от постоянного вранья и страха я чувствовала себя здесь еще более паршиво.

Поначалу я не могла понять, что делало Кэрка таким особенным в глазах других людей? Но постепенно, шаг за шагом я начала раскрывать характер этого необычного человека, собравшего вокруг себя преданных друзей.

А началось все с лекарств, которые опустошили мой кошель до последней монеты. Тренировки с Атосом были не просто изматывающими, но и богатыми на травмы. У меня постоянно ныли запястья от сдерживающих ударов, ноги от быстрых передвижений, каждая мышца была потянута, а число порезов уже пошло за сотню. В результате я с ног до головы была закутана в бинты и повязки, пропитанные заживляющими средствами.

Лекарства в легионе – это вообще отдельная история. Они были доступны только тем, у кого есть оллы, иногда тем – у кого есть куппы, а оборванцам вроде меня к ранам советовали приложить подорожник, закрывая дверь перед носом. Лекарствами обычно приторговывают в лазарете, и первое время, пока у меня еще были сбережения, я ходила туда к лекарю, закупаться снадобьями. Но потом деньги закончились.

Старик не стал давать мне лекарства под расписку, сказав, что это

первый шаг к долговой яме. И у меня началась бессонница. Как бы я не хотела спать, боль бодрствовала в каждой клеточке тела и без снадобий ее было невозможно заглушить. Так как гостевала я у костра Кэрка, мои ночные бдения не могли остаться незамеченными. Днем я бродила словно призрак с темными кругами под глазами (ну хотя бы их не было видно, ведь я всегда была в шлеме). А на тренировки являлась вымотанной бессонницей и болью, и получала новые ранения. Это был замкнутый круг.

Видимо Кэрк это заметил. И в один из вечеров, кто-то из его ребят подошел ко мне:

– Лис, у меня осталось немного настойки от боли. – Он протянул мне склянку с мутной жидкостью. – Мне она не нужна, а тебе может пригодиться. Если, конечно, оттуда весь дух еще не вышел, давно лежит...

Я, наученная годами скитаний, знала только одно: ничего нельзя брать даром – а то потом спросят втридорога, поэтому решила проявить осторожность:

– Спасибо. Мне не надо. Но, правда, спасибо.

Парень обернулся на Кэрка и пожал плечами. Он больше не подходил ко мне в тот вечер. Однако на следующий день ко мне подошел другой человек, а потом следующий. Все они предлагали, кто бинт, кто примочку. Я отказывалась, благодарила, потела под шлемом, с ужасом думая об очередной бессонной ночи, но терпела. Это беспочвенное дружелюбие пугало меня сильнее ночной боли. Я не верила людям. Я слишком хорошо помнила, что иногда тебе помогают лишь потому, что ты напоминаешь беспомощное животное. И упаси меня боги от такой жалости.

И вот после очередной истории перед сном ко мне подошел сам Кэрк.

– Как ты? Собственно, глупо спрашивать – я же вижу, что ты не спишь.

– Если это кому-то мешает, я могу уйти. – В то время мне казалось, что меня будут гнать отовсюду. Я и так не верила в эту сказку: уютный костер, приятные люди и потрясающие рассказы каждый вечер. Была уверена, что мое счастье скоро должно закончиться.

– Глупый Лис, никому ты не мешаешь. Но почему ты так не хочешь принять помощь от ребят? Они искренне тебе ее предлагают.

– А разве в легионе могут что-то искренне предложить?

Кэрк задумался и потер подбородок веснушчатými пальцами.

– У нас в отряде был мальчик. Может чуть старше тебя. Тоже такой весь низенький и тощенький. Он заболел год назад: обычная простуда. Подхватил насморк и только. Ну он кашлял и чихал, его лихорадило. А одной ночью взял и умер.

– Я не умираю, – вставила я.

– Ну и он не собирался. Но самое ужасное, что он был такой незаметный и молчаливый, что никто даже имени его вспомнить не мог. А потом сидели все наши парни и обсуждали, что да – надо было ему отдать тот теплый плащ, и да можно было поделиться бутылкой рома – ему бы она пригодилась больше. Лекарств было много, теплой одежды и здоровой пищи было много – а мальчик все равно умер. Каждый мог сделать что-то для него, не сильно утруждая себя. Просто поделиться и знать, что когда его прижмет – он не умрет в соплях никому не нужный.

Последние слова Кэрка прозвучали очень жестко, и я подумала о том, сколько еще таких сопливых мальчишек прошло мимо костра Кэрка? И за смерти скольких из них корил себя наш молодой капитан?

– Я видел, – тихо сказала я. – Что ты подсказываешь этим парням делиться со мной. Они все время оглядываются на тебя, словно ища одобрения: «Так ли я все делаю, Кэрк? Он отказался от помощи, можно я просто уже пойду?».

Губы капитана тронула улыбка:

– Ну, знаешь, хорошие традиции иногда вводятся пинками. Эти ребята на самом деле не против тебе помочь, просто они могут и не знать, что тебе нужна помощь. А я знаю. И еще знаю, что у Фреди есть обезболивающая микстура, а у Марко – припарки из трав для заживления ран. Принятие помощи не обязывает тебя к тому, чтобы сделать что-то для другого. Но ты запомнишь, что тебя выручили – и может, станешь чуть лучше.

– Ты очень хороший... – Это прозвучало совсем по-детски, но, кажется, Кэрк понял мою мысль и не стал над ней смеяться.

Этим же вечером я подошла к Фреди.

– Извини, ты недавно предлагал мне микстуру от боли. Если она еще осталась – мог бы ты мне ее дать?

Парень выглядел удивленным, но порывшись в сумке, он достал склянку и протянул ее мне.

– Спасибо. Ты не представляешь, как мне больно. И твоя микстура – она меня спасет, я уверен.

– Да брось ты. – От простых слов благодарности Фреди прямо расцвел. – Рад, что оказался полезным.

За нами со своего места наблюдал Кэрк. Он сидел, скрестив длинные худые ноги, и разглядывал людей вокруг костра. Тех, кого он старался сделать лучше. Он просто волшебный, подумалось мне тогда, откуда такие берутся?

Как бы смешно это не звучало, но проблема посещения выгребной ямы была покруче драк с солдатами и бессонных ночей. Первое время я терпела, терзая свое тело, до темноты, и лишь когда легион засыпал – убегала по своим делам, радуясь возможности незаметно справить нужду или вымыться в ручье. Приходилось меньше пить и есть, чтобы не тревожить лишний раз свой организм.

Но тело протестовало против таких зверств, и я начала выдумывать себе различные задания подальше от легиона. Съездить в деревню, заказать провиант? Лис вызывается. Надо довести до соседнего дружественного легиона депешу? Это к Лису. Я привыкла быть мальчиком на посылках, каждый день покидая легион. По дороге в пролесках и у озер я могла быть собой, и мне не надо было терпеть мучительные позывы.

Но тренировки с Атосом начали накладывать свой отпечаток на мою жизнь. Я не могла, как и прежде, вольно уходить из лагеря – ведь два часа дневного времени теперь были постоянно заняты. Поначалу мне казалось, что это все еще больше усложнит. Однако я стала замечать, что после достопамятной драки легионеры не то чтобы стали меня сторониться, но держались поодаль. Вряд ли меня боялись, скорее не знали чего ожидать от бешеного ученика генерала. И вскоре я смогла свободно посещать в гордом одиночестве выгребные ямы легиона в самые непопулярные часы. А если какой-нибудь солдат и забредал, составить мне компанию, я всегда успевала подтянуть штаны и удалиться, не особо мелькая голым задом. Я просто перестала бояться каждого шороха – и это многое решило.

С мытьем дело обстояло сложнее. Мать приучила меня к ежедневному очищению, и невозможность мыться как легионеры каждый день у всех на виду в походных чугунных ваннах или реках, близ которых мы останавливались, – все это сводило меня с ума. Я настолько отчаялась, что начала мыться по примеру тильских женщин прямо в одежде и шлеме. Но это только добавило к моим злосчастиям насморк из-за вечно мокрой одежды.

Как мне казалось, все мучения были заметны лишь мне одной, но однажды после тренировки Атос неожиданно предложил мне съездить для него за желтой вишней в соседнее поселение. Мы находились неподалеку от Раздолья Флависа, изумительных южных садов, полных сочной и крупной, со сливу величиной, желтой вишни. Местные жители снабжали легионы сушеной вишней, как провиантом. К тому же здешние сады

находились к востоку от основных полей сражений, поэтому не были затронуты пожарами. Сейчас в самый расцвет лета вишня набрала сок, и я бы покривила душой, сказав, что не понимала Атоса. Однако предложение съездить за ягодами все равно меня покорило:

– Я вроде бы ученик по бою на мечях, а не прислужка, – проворчала я. От этих слов Атос замялся, и мне стало неловко. Многие генералы использовали своих учеников для гораздо более грязных поручений, а Атос требовал от меня лишь выкладываться на тренировках. – В общем-то, ладно, я схожу. Это займет, наверное, полдня.

– Там есть река по дороге к селению, – сказал мой учитель, мягко поглядывая на меня из-под челки.

– И?

– Я вижу, что тебе не по нраву мыться с остальными legionерами. И думаю, что знаю причину. – Хорошо хоть он не видел, как затряслись мои коленки. – Из-за твоей худобы и роста, да еще из-за чертовки, над тобой, наверное, часто смеются. Они идиоты, ты сам это знаешь. Но эта травля все равно неприятна.

Я ошарашено смотрела на Атоса. Сейчас он вел себя совсем не как задира-генерал.

– Лет в двенадцать я тоже был худым и нескладным парнем, повыше чем ты, но все же представлял собой жалкое зрелище. Надо мной издевались... и это было мерзко. Так что можно сказать, что я понимаю тебя.

– А что стало потом? – Представить огромного Атоса худым мальчиком я не могла.

– А потом я нарастил мышцы и выбил всем обидчикам зубы. – Он расхохотался. – Иди за вишней, Лис. И загляни к реке по дороге – обычно там безлюдно.

Я приняла задание уже не с обидой, а с благодарностью, которая все росла, пока я шла по желтой пыльной дороге, а слева и справа от меня простирались сады желтой вишни с нежно-кремовыми упругими плодами, покачивающимися на ветках. Они были забраны лишь небольшим деревянным заборчиком, и при желании я могла легко сорвать парочку вишен. Но в кулаке я держала монеты, выданные Атосом, и решила не жульничать, а купить ягоды.

Шум реки был слышен еще от дороги. Быстрый бег воды и шелест прибрежных камышей. Вокруг не было ни души, и я, быстро скинув одежду, вошла в воду. Дно оказалось илистым, и пальцы ног мгновенно зарылись в мягкую почву. Вода была кристально прозрачной. Я видела свои

ноги в синяках и похудевшие бедра.

Не успела я дважды окатить себя пригоршнями воды, как она потемнела. Вернее я заметила двигавшееся ко мне с безумной скоростью пятно изумрудно-зеленого цвета. Я толком не успела испугаться, как оказалась окруженной огромным косяком рыбы. Крупные, почти полуметровые рыбины огибали меня справа и слева, и даже умудрялись проплывать между ног. Их чешуя царапала мне бедра. Подпрыгивая из воды и поблескивая на солнце зеленой чешуей, косяк нескончаемо тек по реке – я уже не видела ни его начала, ни конца. Одна из рыбин выпрыгнула и ударила меня в грудь. От неожиданности я обхватила ее, да так и осталась стоять, прижимая скользкую тварюгу к голой груди.

– Эй, тетя! Зеленчака не так ловят. – Я с ужасом обернулась на крик и увидела на берегу чумазую девочку лет десяти. Она ловко вытаскивала из реки рыбину за рыбиной и с размаху била их головой о камень, видимо, специально заготовленный под эту работу. Возле нее росла горка пойманных зеленых громадин. – Выходи. Можешь воспользоваться моим бойком. – Она хлопнула ладонью по камню.

Я взглянула в лицо своей рыбине, если его можно было назвать лицом. Она слабо трепыхалась, и в ее глазах не светилось особого ума, но мне почему-то показалось, что рыба смотрит на меня очень жалостливо. Сердце не выдержало, и я расцепила объятия. Рыбина плюхнулась к своим братьям и сестрам и поплыла к неведомым берегам.

Я же вышла на сушу и наскоро оделась. Девочка видела меня без шлема, и я не стала его надевать, наслаждаясь солнечными лучами на лице.

– Зря упустили того зеленчака, тетя. Давайте я поделюсь, – щедро предложила маленькая селянка. – Куда идете?

– В ближайший поселок, купить желтой вишни немного.

– Пру, вы ведь из Алой Розы, верно. – Дождавшись пока я кивну, девочка продолжила. – Тогда вам никто ничего не продаст. У Фарака, моего села, контракт с леди Крианной и легионом Белого Чертополоха на поставки всей вишни, что мы соберем.

– Да ведь они же на другом конце страны, – удивилась я. – А мы тут, под боком. Неужели, если Роза попросит выкупить немного провианта, вы откажете?

– Уговор есть уговор. Ваш легион не то, что прочие – у вас там «господа», – девочка выговорила это слово с непонятным мне презрением. – Даже если мы вас к черту пошлем, ничего нам не будет. Роза не палит селения, это всем известно.

Пока я переваривала сказанное, девчонка продолжала доставать рыбу

из воды голыми руками одну за другой и глушить ее об камень. Чешуя зеленчака была любопытной формы. Я подобрала интересную чешуйку, больше похожую на драгоценный камень, и стала рассматривать ее на свет.

– Красивая, правда? У нас все девчонки в деревне из нее ожерелья делают по сезону. В этом году только я подгадала, когда зеленчак по реке пойдет. Будет нам с мамой хороший навар.

– А почему бы мне просто не перелезть через забор и не украсть немного вишни? – Я вернулась к волновавшей меня теме. Причем я не столько переживала за Атоса, сколько терзалась неясными мыслями о явном презрении к нашему легиону.

– Воля ваша, тетя, – хмыкнула девочка. – Да только в садах бродят специально обученные волкодавы. И обучены они в основном тому, чтобы вор не доживал до суда. К тому же, разве у вас в легионе не запрещены кражи? Я думала за подобное у вас одна награда. – Селянка довольно наглядно затянула у себя на шее воображаемую петлю.

Заметив, что я сникла, девочка еще раз проявила щедрость.

– Берите моего зеленчака, а то и двух, тетя. В деревне вам все равно никто ничего не продаст, а так хотя бы с рыбой уйдете.

Я поблагодарила девочку, надела шлем и взяла среднюю по размеру рыбу, сантиметров в сорок. Обняв ее за мокрое и скользкое тело и прижав к животу, я двинулась обратно в легион той же дорогой, что шла к реке. Мирно колыхавшиеся сады с желтой вишней уже не казались мне прекрасными. Они были недостижимы как облака на небе.

Я не могла взять в толк, почему миряне понимали только грубую силу. За глаза Розу, мой легион, называли тряпками и «господами», считали, что могут в военное время отказать нам в провианте, заключив договор с нашим врагом, который расположился на многие километры к западу. Почему для человеческого отношения и уважения требовались грубая сила, убийства, пожары и грабежи?

Девочка даже не задумывалась, что приди к ней в поселение три тысячи человек с мечами наголо, она и ее мать бы совершенно иначе отнеслись бы к Алой Розе. Мы могли бы действовать как Лиловые Маки и просто брать силой все, что хотели. Тогда бы нас боялись, да. Но и уважали бы тоже. Так почему же честные цены на провиант, вежливое отношение к земле и ее жителям, наконец, желание увести битвы подальше от поселений рассматривались как слабыхарактерность, а не жесты доброй воли?

Я вернулась в лагерь абсолютно вымотанная. Хотя пройденный путь был не так далек, но рыба начала подванивать, а тяжелые мысли растянули

дорогу в три раза. В легионе я дошла до синего шатра Атоса и заглянула в него. Я сделала это неосознанно и впервые. Раньше я просто ждала, пока он выйдет. А сейчас мне не хотелось ждать, рыба пахла все хуже, и мне надо было отдать деньги за некупленную вишню.

Если бы была дверь, я без сомнения бы постучалась. Но двери не было – я заглянула и поняла, что хозяин отсутствует. Пришлось сесть при входе, обнять зеленчака и ждать.

Я и не заметила, как заснула. Очнулась уже в сумерках. Вонючей рыбы не было, зато кто-то накрыл меня огромным плащом, заботливо подоткнув его мне под ноги.

#Бусина четвертая

Движение, шум и гам наполнили все вокруг. Легионеры спешно собирали палатки, обозы нагружались водой и провиантом, а девушки из соседних деревень рыдали в полный голос, прощаясь со своими полевыми женихами. Жизнь бурлила, а причиной тому стало новое задание.

Основным нанимателем легиона Алой Розы всегда был лорд Строгосс – оплывший и болезненный молодой мужчина, один из наследников почившего короля. В очереди на престол Строгосс шел то ли двенадцатым, то ли тринадцатым, но учитывая, что перед ним находились сплошь плоды кровосмесительных связей, сумасшедшие старики и дети, не готовые к правлению, то наш лорд был не самым плохим претендентом. Как только король умер, и началась борьба за престол, он одним из первых подсуелся и нанял через Алайлу наш легион. Лучший легион в стране – это точно.

Может Алая Роза и не была так велика в размерах, как Черная Хризантема. А наши бойцы были менее тренированы, чем кавалерия и пехота Лиловых Маков. Но у нас было три генерала, за которых в бой готов был ринуться и погибнуть каждый легионер нашей армии. Ну, исключая меня, разумеется – я предпочитала трусливо отсиживаться в снабженцах.

Тем не менее, мораль в Розе всегда была крайне высока, и лорд Строгосс не прогадал, доверяя свои права на престол Алайле. С начала гражданской войны Роза не проиграла ни одного сражения (не считая битвы у реки Аскопос, но все предпочитали называть это тактическим отступлением).

Большую часть времени претенденты на королевский престол предпочитали прятаться в своих укрепленных крепостях, боясь даже нос за порог высунуть. Но иногда у них разыгрывала кровь – хотелось показать, что они принимают участие в войне не только монетой, но и лично. Вот тогда они ездили со свитой по сожженным полям своей страны, из окна карет смотрели на голодных крестьян, и нет-нет да заскакивали в свои легионы. Такие посещения я окрестила «шелковой войной», сорвав эти слова с языка Атоса.

Не был исключением и лорд Строгосс. На моей памяти до знакомства с крайнийским генералом он приезжал в расположение дважды. Я видела его издалека, и меня поразило, сколько у него придворных и прислуги. Разодетые в пух и прах дамы, пажи, князьки и рыцари сопровождали

своего будущего короля, словно собачки на поводках. Легионеры эти посещения не любили – ведь из-за них в лагере серьезно ужесточали правила. Запрещались пьянки, лагерных шлюх выдворяли, а непристойное поведение каралось плетьюми.

Поэтому, когда Атос объявил на сборе перед офицерами, что наш наниматель уже в полудне пути от Розы, над рядами прокатился нестройный вздох. Дворяне содержали нас, оплачивали наши кровь и пот, но нас не обязывали их любить.

У меня были особые причины презирать эту братию. Когда-то в прошлом я подошла к ней слишком близко, и успела разглядеть все уродливые черты нашей аристократии.

– Лис, останься, – Атос довольно грубо схватил меня за плечо, когда я уже собиралась покинуть собрание. Меня здесь вообще не должно было быть – я не принадлежала к офицерскому составу (да и к какому-либо составу вообще). Я задержалась после тренировки и стала невольной участницей этого сбора, и теперь боялась получить за это выволочку.

– Я никому не расскажу...

– Не в этом дело, – Атос выглядел крайне взволнованным. – Мне нужно, чтобы ты сопровождал меня на встрече со Строгоссом.

Это было что-то новенькое. Прислуживать дворянам?

– Крамер и Алайла в отъезде. А меня Строгосс побаивается. Он, конечно, никогда в этом не признается, но лишь меня из трех генералов он просит приветствовать его без оружия.

– Ну и зачем вам я, генерал?

– Хочу провернуть небольшую аферу, – Атос подмигнул мне. – Поставить его лордство на место. По договору я не могу держать мой меч на наших встречах, но про то, что меч должен быть далеко от меня, уговора не было. Ты исполнишь роль оруженосца.

Идея испытывать терпение нашего нанимателя показалась мне глупой, но я промолчала. Я плохо разбиралась в интригах, и в целом вполне могла понять несчастного Строгосса. На его жизнь покушались два или три раза – слишком большим было его влияние и вероятность получения престола. С такой печальной историей за спиной запретить двухметровому крайнийцу держать при себе полутораметровый меч было вполне логично.

Но не отказалась я от должности оруженосца по другой причине. Когда бы мне еще выпала возможность посмотреть на будущего короля? А я не сомневалась, что Роза достаточно сильна, чтобы привести Строгосса к победе.

В этот же день я в чистой рубашке и начищенном шлеме явилась на

смотровую площадку. Видимо я опоздала, потому что Атос быстро сунул мне в руки меч и встал передо мной, закрывая весь обзор. Помимо генерала приветствовать нанимателя были вызваны некоторые офицеры: я заметила в шеренге вихрастую голову Кэрка и яркую рубаху с жабо Ферроса.

Меч Атоса был невозможно тяжел и огромен. Я никак не могла поудобнее перехватить его и вертелась за спиной Атоса как юла, пытаясь удержать это стальное чудовище. Когда я заметила Строгосса, он уже успел подойти к Атосу и вел с ним оживленную беседу.

Выглядел он, как о нем и говорили: отечное лицо, борода, в которой, несмотря на возраст, уже преобладали седые волоски. Голову украшала корона, отлитая, вероятно, в Штольце. Она повторяла и формой и узором корону правителя Королевства, но дураку было ясно, что это подделка. Настоящая корона хранилась в сокровищнице столицы Ярвелла. И Совет мудрецов, охранявших престол до окончания гражданской войны, заявил, что отдаст корону любому родственнику покойного короля – если тот выживет в этой бойне. Поэтому страдающий одышкой и оплывший Строгосс в поддельной короне вызвал скорее жалость, нежели презрение.

В линии престолонаследования он занимал незавидное место, однако все его родовые земли находились прямо под Ярвеллом, и он одним из первых потерял с гибелью монарха все. Однако шустрый лорд успел вывезти из Дирры, престольного региона, все сокровища. И сейчас Строгосс имел достаточно средств, чтобы колесить по стране и склонять менее сильных оппонентов на свою сторону. Это ему удавалось с переменным успехом, и он делал большие ставки на военные победы Розы, знак которой он даже присоединил к своему гербу. За эту честь, оказанную нашему легиону, ему многое прощалось.

Я была так занята своим «боем» с мечом Атоса, что прислушалась к разговору лишь на середине:

– ...А еще я слышал, что ваши товарищи-генералы намерены сочетаться браком.

– Это вряд ли. Просто слухи, Ваше Величество, – Атос, как и все, обращался к Строгоссу как к законному королю. Считалось, что все права на это у нашего лорда уже есть. Не хватало малого – трона. – Думаю, Алайла и Крамер оповестили бы меня, надумай они жениться.

Возможно, мне показалось, но Атос сказал это чуть поспешнее, чем следовало. Словно даже раздумывать над возможностью брака между генералами не хотел. В легионе бродила сплетня, что Атос увлечен леди Алайлой, но от самого генерала я ни разу не слышала даже упоминания о ней. Будь этот слух правдой, шансов у Атоса было бы не больше, чем у

Сильвелла. Какое бы влияние и звание он не приобрел, мой учитель всегда оставался простым парнем из народа. Крамер же, напротив, был достойной партией для Алайлы. Они были одного поля ягодами: красивыми, молодыми, благородными и оба обладали достаточным состоянием.

– А жаль, красивая ведь пара, Атос. Я бы и сам с радостью сделал предложение Алайле, если бы не мое положение в обществе. Все-таки наша леди-генерал очень хороша.

– Не могу с вами не согласиться, Ваше Величество.

– А ты сам? – Судя по тону, престолонаследник был в отличном настроении и намеревался пошутить. – Неужели так и собираешься помирать бирюком?

– Генералу недопустимо тратить мысли на женщин, а не на свои боевые качества. Возможно, в будущем, но сейчас мне не до брака.

Обманщик из Атоса был никудышный. Голос его предательски дрогнул. Видимо Строгосс тоже почувствовал сомнения в голосе, но решил не бередить наболевшее. Внезапно лорд спросил:

– Весь разговор у тебя за спиной кто-то крутится. Что там вообще происходит?

Атос шагнул в сторону и открыл его лордству меня с мечом. Мне пришлось упереть лезвие в землю и опереться на эфес, потому что держать этот кусок стали на весу уже не было никаких сил.

– Боги мои. Да меч же ростом с мальчишку. Это что, его оружие? – Сопровождающие Строгосса рассмеялись, я же была крайне смущена. Меч Атоса и вправду был почти с меня ростом, и со стороны я, наверное, выглядела жалкой рядом с этим мощным оружием.

– Этот мальчик мой ученик и оруженосец, – произнес Атос, положив ладонь на мой шлем сверху.

– Так значит, это тот самый страшный меч генерала Атоса? – Строгосс не был зол на то, что его генерал в обход прямых приказов принес оружие на встречу. В его голосе сквозило скорее детское любопытство вперемешку со страхом.

– Он самый.

– А разве этот птенчик не слишком юн для подобной работы? Мальчик, не хочешь пойти ко мне в пажи? У нас при дворе детей не будут заставлять носить такие тяжелые вещи.

Взгляд лорда был мягким и сердечным. А мне стало неоправданно горько за свой обман. Я вводила в заблуждение всех – доброго Кэрка, грозного Атоса, ребят из круга костра. Но именно перед этой жалостью аристократа с его напыщенной добротой мне неожиданно стало неловко.

– Идас велит нам служить мечом своим правителям. Позвольте и мне...

Мои слова, впрочем, не были нужны никому. Строгосс со свитой и Атосом уже отошли, когда они сорвались с моих губ. Приглашение в пажы было не более чем секундным жестом доброй и бессмысленной воли. Я в очередной раз была одурачена мнимой щедростью дворян.

В ушах раздался неприятный треск разрываемой ткани. Я прислонилась подбородком к холодному металлу меча Атоса. Представления людей о добре и помощи, взаимовыручка, поддержка и причуды аристократов – все это было пустым. Единственной настоящей вещью в этом мире был этот меч. Холодный, тяжелый, но дарующий настоящую защиту и силу.

* * *

После посещения Строгосса и месячного простоя нас снова бросят в сражение. Я, прихватив Тэддо, направилась к складам. Оружие почему-то выдавали сегодня, хотя нам еще предстояло два дня пути до места встречи с какой-то жалкой армией под названием Желтые то ли лютики, то ли львиный зев. Было известно лишь то, что они обосновались возле крепости Рэймис. Так как название было не на слуху, вряд ли это было сильное укрепление, способное как-то изменить ход войны. Скорее уже небольшая домашняя крепость какого-нибудь земельного лордишки. Битва не обещала быть сложной.

– Эй. – Тэддо отвлек меня от моих мыслей. Мальчишка со смоляными волосами и глазами, как у мышонка, носился вокруг, подпрыгивая. – А ты почему состоишь в снабженцах, а? Мне Кэрк сказал. Зачем? Там только трусы – пошли в наш отряд? У нас здорово.

– Затухни. – Я потрепала его непослушные лохмы. Мне всегда нравился этот жест, а в легионе его можно позволить только по отношению к ребенку вроде Тэддо. – Мне в снабженцах самое место. Я и есть трус.

– Тебя Атос тренирует – ты не можешь быть трусом. И того парня месяц назад ты отделал, просто ух! – Мы приблизились к столам записи, и я вспомнила, что малыш Тэддо, несмотря на то, что был простым конюшим, всегда находился в первых рядах. Конечно, мальчишка не сражался, но в каждой битве именно он готовил свежих лошадей для кавалерии. Способный мальчик, все хвалят его. И меня пробрал озноб от одной мысли, что в глупой битве этот шустрый малыш может упасть и

больше не подняться.

– Привет, офицер. – За учетным столом восседал мой старинный знакомец, любитель блестящих кирас. Он меня, разумеется, не вспомнил и только кивнул в ответ. – Третий отряд Генада, снабженец, Лис. Требуется: броня, пика. Шлем у меня свой. И вот. – Я с сожалением протянула меч, выданный мне Атосом для тренировок. – Это я пока сдам.

– Имя. – Лейтенант выглядел так, словно я назойливая муха. Встал он что ли не с той ноги? Ну ладно, мне несложно повторить.

– Лис.

Офицер задумчиво пролистал свои бумаги, а потом, что-то вспомнив, достал из кармана мятый листок. Внимательно осмотрев сначала меня, а затем бумажку, он начал бормотать себе под нос. Приняв решение, он все-таки соблаговолил обратиться и ко мне:

– Не будет тебе пики, парень, – со злорадством заметил он. – И снабженцев не будет. Меч оставь при себе, на складе тебе выдадут броню. Теперь ты в первом отряде левой колонны под командованием капитана Мердона.

Новость словно громом меня поразила, и я удивленно застыла на месте.

– Это ошибка... я в снабженцах, всегда там и...

– Никаких ошибок, особое распоряжение насчет тебя. – Мужчина потряс перед моим носом мятым листком из его кармана с какими-то неразборчивыми каракулями. – Считаю, что получил повышение.

– Повышение, Лис! Слышишь, как здорово. – Тэддо снова, словно щенок, начал прыгать вокруг меня. – Теперь ты не в снабженцах. Жаль, что не с нами у Кэрка – мы бы вместе задали этим Желтым Поганкам!

Я поспешно выхватила у офицера лист и, пропуская мимо ушей его возмущенные вопли, отошла к багряному шатру. На бумаге была лишь пара строк: *«Парень в тупом шлеме. Лис – 1-й отряд лев. колонны “А”»*. Во мне начало подниматься возмущение. А! Ну, конечно, решил сделать мне подарок – тренировка боем! Как здорово, просто волшебное, только меня забыли спросить.

Оставив Тэддо, я направилась к синему шатру господина А., надеясь высказать свой протест – умирать в первых рядах мне не хотелось. Шлем тупой! Ха! Надеюсь, что я выгляжу достаточно яростно, я ворвалась в шатер. Вот только Атос был не один.

Передо мной предстал первый генерал легиона, прекрасный как бог и столь же опасный – Крамер. Молодой мужчина, облаченный в бирюзовый камзол и белые сапоги, стоял над заваленным картами походным столом.

– А, так ты и есть новое увлечение Атоса? – сказал он с легкой улыбкой на своих словно напомаженных губах. – Проходи. Я думал ты повыше ростом.

– Я не увлечение... – хмуро сказала я.

Крамер всегда был гордостью Алой Розы. Сейчас мне представилась возможность рассмотреть его во всей красе. Наверно, именно о таких военных и мечтают глупые дочери богатых торговцев: высокий блондин с длинными волосами, затянутыми в конский хвост, и смазливый лицом. Ярко-голубые глаза были широко распахнуты, словно генерал удивлялся всему, что видел вокруг. Но каждый легионер знал, что не стоило обманываться почти девичьей нежностью лица и яркостью одежд Крамера. Если Атос был мощью легиона, то за красивым личиком Крамера крылась вся хитрость нашей армии.

В отличие от моего учителя о Крамере было известно все. Выросший в благополучной семье офицера одного из замков, он еще мальчишкой получил лучшее воинское образование во всем Королевстве. Его учили не только фехтованию, стратегии и верховой езде, но и иностранным языкам, изящной словесности и даже танцам. Крамер был обласкан матерью и рос под восхищенным взглядом отца.

Несмотря на столь нежную для юноши внешность, он не стал светским хлыщом или гулякой. Поняв, что его сильная сторона это ведение боя не с мечом, а с пером, он направился в воинскую столицу Королевства – Кармак – где получил дополнительное образование как стратег действующей армии. Дело оставалось за малым.

Когда Крамер был примерно моего возраста, он нашел чахлый легион Алой Розы на западе страны. Распадающийся и не имеющий должного снабжения легион доживал свои дни, а командовал им горький пьяница. За сто монет Крамер перекупил штандарт у генерала-выпивохи и начал набирать людей.

Именно он нашел несговорчивого Атоса и прекрасную Алайлу. Именно он уговорил их стать генералами и с фанатичным упорством вел легион от победы к победе. Поэтому что бы не говорили люди о мощи Атоса или блестящих дипломатических навыках Алайлы, мозгом легиона оставался Крамер. Скуластый пухлогубый мальчишка, обожающий вечерние камзолы на поле боя, и сражающийся фигурками отрядов на картах ничуть не менее яростно, чем Атос в настоящей битве.

Перечить ему было опасно, но что поделать, последние недели привили мне тягу к безрассудству. И я продолжала пробовать на вкус границы дозволенного.

– Я не увлечение, – повторила я, глядя прямо в лицо Крамеру. – И я – мальчик.

– Ого! – Крамер кивнул Атосу, сидевшему на стуле и с интересом наблюдавшему за нашим разговором. – Ты посмотри, какой смелый, а? Не зря ты его выбрал. Я в курсе, юноша, кто вы по половой принадлежности. Но увлечения далеко не всегда относятся к любовным утехам. Взять хоть моего друга. – Кивок на Атоса. – Обожает выдумать что-нибудь для развлечения. Например, выбрать себе из простых солдат ученика и проводить с ним больше времени, чем со своим старым другом. Ай-яй-яй...

– Я... лучше пойду, – пробормотав, я спиной шагнула к выходу, надеясь переждать «нашествие» первого генерала.

– Да нет уж, постой, дружок. Речь ведь и о тебе тоже. – Пухлые губы Крамера тронула улыбка. – Атос мне тут сообщил, что для моего специального задания он выбрал именно тебя. Ведь так?

Атос продолжал молча переводить взгляд то на своего друга, то на меня. Затем он медленно кивнул. Отчего я совсем растерялась:

– Я ничего не знаю о задании. Я пришел, чтобы сказать, что меня перевели в авангард. Хотя я... я совсем не хочу там быть.

– Но тебе придется. – Атос подал голос в первый раз за весь разговор. – У тебя особое задание. При штурме ты должен, минуя сражение, пробраться в северную башню крепости Рэймис и забрать у находящейся там леди драгоценную шкатулку. Затем вместе с ларцом вернуться в лагерь. Вокруг тебя будут лучшие солдаты, которым дано единственное задание – прикрывать твой зад. Твоя же цель – заполучить шкатулку и донести ее в целости.

– Но... – запнулась я. Что можно было сказать? Что я не хочу этого задания? Что трушу выходить на поле боя? Все это было правдой. Но такое обращение... оно немного разогревало мою кровь, заставляя ее быстрее бежать по венам, и вызывало приятное чувство предвкушения. Наконец я задала единственно верный вопрос:

– Почему я, Атос?

Крамер удивленно приподнял брови. Видимо о таком панибратстве простого legionera и генерала его армии он слышал впервые. Атос же спокойно ответил, разглядывая уже не меня, а карту на столе:

– Ты чертовски быстрый, Лис. А тут важно не умение махать мечом, а скорость. Мы не планируем брать Рэймис – на подходе союзная армия Желтой Череды, они будут стоять за свой жалкий замок до конца. Мы здесь не по приказу Строгосса, а из-за этой шкатулки. Она нам нужна и быстро. Ты свободен.

– Ну-ну, не много ли сведений ты сообщил нашему маленькому другу? – То, как говорил Крамер, как он себя вел, как жеманно прикладывал пальцы к губам во время разговора – все это меня неимоверно раздражало. То, что заставило двух таких разных людей стать друзьями, оставалось для меня загадкой.

– Я доверяю ему. А ты доверяешь мне? – Фраза была брошена почти с вызовом. Крамер, пожав плечами, развел руками. Что-то происходило сейчас в правлении легиона. И невольно мне пришлось играть ключевую роль в том, что назревало.

* * *

Капли пота стекали между лопатками. Снова. Как будто ничего и не изменилось за прошедшее с последней битвы время. Гул, справа и слева, легионеры в истертой броне, перезвон мечей, взведение арбалетов.

Почти ничего не изменилось, только я стояла в первом ряду армии, готовящейся к штурму. Не в неспешной «группе сопровождения» в конце легиона – нет. Я стояла среди тех самых людей, которые умирают в половине случаев. Такой расклад мне совсем не нравился.

Справа от меня в довольно вольной стойке расположился высокий и худой парень, весь закованный в черную броню. На фоне низкорослых людей вроде меня этот солдат служил отличной мишенью для вражеских лучников. У парня были видны только веснушчатые кисти рук, сжимающие рукоятку меча-бастарда.

Все мы по военному предписанию ждали сигнала, а я повторяла про себя: «Особое задание, особое задание, особое задание». Замок Рэймис, который нам предстояло брать штурмом, выглядел как этакая провинциальная крепость. Просто четырехугольник из невысоких стен, высотой метров пять. Никаких рвов или кольев, лишь серый замшелый камень, надежная, но простая кладка. Этот замок строили, чтобы обороняться от редких бандитов, а не от обученных солдат. «Взять его для нашей армии будет парой пустяков», – подумалось мне. Даже излишне, что Крамер вывел на битву четверть легиона.

У меня защекотало под языком. Конечно, Атос сказал, что все люди вокруг меня – мое сопровождение, почетный эскорт за драгоценной шкатулкой из северной башни. Но почему-то сейчас казалось, что никто из окружающих не в курсе их задачи. Возможно, это вовсе и не задание, а просто глупый розыгрыш моего учителя.

Внезапно прозвучал сигнал боевого рога. Люди побежали вперед, а я же, не в силах оторваться от мысли о розыгрыше, замерла как испуганный кролик. Мой миг славы вроде бы настал, но от страха за свою жизнь я даже не могла сообразить, где тут север. К какой из этих башен мне следовало бежать?

– Что ты стоишь, – зашипел на меня парень в черном невероятно знакомым голосом. – Где же твоя хваленая скорость, Лис?

Лишь я собралась с духом, чтобы ответить, с правого фланга в нас врезался небольшой вражеский отряд. В голове судорожно мелькали мысли: кто они? Откуда эти парни с желтыми знаменами? Но времени разбираться особо не было. Я парировала удар одного солдата, увернулась от атаки другого, но все равно слишком поздно заметила меч, приближающийся к моему лицу. Он двигался, словно разрубая воду, в руке одного из вражеских солдат. Скорость, ее всегда мало. Я сомкнула ресницы.

– Идиот! – От крика я открыла глаза, а в сантиметре от моего лица черный мечник отразил удар. Его меч, блеснувший черной матовой поверхностью, мелькнул и исчез. – Как могли поручить задание неумехе вроде тебя?

Я огляделась. Вокруг гибли люди. Где-то с левой стороны около леса отряд с Тэддо отбивал атаку копьеносцев. И всюду царили крики, кровь, словно красное полотно, накрывшее поле. В снабженцах никогда такого не увидишь.

«Если можешь прекратить это, действуй. – Тихий голос, полный ярости, поднялся из глубины. – Тебе всего лишь надо принести шкатулку. Ты трусливая, глупая девчонка. Прекрати это! Немедленно!»

Я сорвалась с места, словно в погоне за ветром. Черный мечник крикнул что-то мне в спину, но я его уже не слышала. Подныривая под мечи и перескакивая через тела, я делала то, что умела лучше всего – танцевала с ветром, сливалась с ним. Вдруг я поняла, где северная башня. Солнце ведь только встало, и определить восток было проще простого. Я летела, и меня замедляли лишь мой собственный меч, прыгающий на бедре, да шлем, скрывающий обзор. Все это отвлекало, но не настолько сильно, чтобы остановить меня хоть на миг. Чем раньше я получу шкатулку, тем больше шансов выжить будет у Тэддо и ребят.

Ворота уже были выломаны нашим тараном, и я легко попала внутрь крепости. Вокруг кипел бой, но я не должна была отвлекаться. Шаг, другой – я пересекла двор перебежками и нырнула в темное нутро башни. Тут стояли двое охранников. Их было меньше, чем я ожидала, и в сердце

неожиданно прозвучала нота разочарования. Я видела страх в глазах этих солдат, они были близки к паническому бегству, но держались. Вероятно, это было делом чести – мечи были подняты, а разговоры на поле боя не приветствуются.

Перед глазами у меня пронеслись часы тренировок с Атосом. Его советы, его насмешки, его стиль боя. И самое важное – поле боя, это ведь не паркет, верно? Пока один из солдат заносил меч, я поднырнула под его руку и нанесла удар кулаком в незащищенное броней место. Какое упущение – не закрыть свое достоинство. Солдат согнулся от боли, и я вонзила свой кинжал ему в горло. На руку упала пара горячих капель. Падающий солдат прохрипел что-то невнятное и начал заваливаться. Однако его товарищ все еще пытался достать меня.

Подхватив раненого, заслонила им как щитом, и изо всех сил швырнула его на второго солдата. Мужчины упали, и я завершила наш бой двумя короткими ударами кинжала: в висок одному и второму.

– Фью... – Раздался свист за спиной. – Беру свои слова о неумехе обратно. Ты даже меч не достал.

Парень в черном стоял позади меня. Почему же я не узнала этот голос сразу, ведь я слышала его каждый вечер. Перед крепостью мое тело и мозг были скованы страхом, но сейчас я вновь овладела собой и могла рассуждать здраво.

– Кэрк, не знала, что тебя назначили ко мне в няньки. – Я ухмыльнулась, надеясь, что выгляжу достаточно смелой. Правда, тут меня прошиб холодный пот от мысли, что я скопировала даже интонации Атоса. – Пойдем, у нас мало времени. Наверху нас ждут.

Капитан кивнул, и мы начали подниматься по гладко обтесанным ступеням из гранита, которые вели на вершину северной башни, к нашей цели. Удивительно, но охраны мы больше не встретили. На четвертом этаже я и Кэрк вошли в светлую комнату. Лучи лились на каменный пол сквозь витражи (для такой глуши, наверное, жуткая дороговизна), образуя причудливую мозаику из синего, красного и желтого. На огромной кровати с багряным балдахином сидела совсем юная девушка в дорогом платье и с тонкой жемчужной нитью на шее. Ее светло-каштановые волосы, на пару тонов светлее моих, были убраны в затейливую прическу со множеством гребней и заколок.

Девушка не выглядела испуганной. Напротив, сжав маленькие кулачки на груди, она без страха смотрела на вошедших в комнату мужчин. Мне бы такую выдержку в ее годы. Она не могла знать, что вошедшие придерживаются кодекса Алой Розы: отказ от насилия и убийств мирян при

штурме.

– Вот и ты, сокровище. – Кэрк произнес это будничным тоном и направился к шкатулке, покоящейся на прикроватном столике из резного темного дерева. Сам ларец был даже чересчур прост: выбеленный дуб, пара узоров на крышке, даже без замка.

– Забирайте шкатулку и уходите. – Голосок владелицы комнаты дрожал. Значит, она была не так смела, какой хотела казаться. В этом мы с ней были весьма схожи.

– Как скажете, госпожа. Пойдем, Лис.

Кэрк направился к двери, а я осталась в комнате. Что-то было неправильно, шло совсем не так. Девушка не должна была так просто отдать шкатулку, даже не попытавшись спрятать ее. И маленькие кулачки сжатые у груди... тонкий шнурок на шее, незамеченный нами из-за нитки жемчуга.

– Стой! – Мой оклик остановил черного мечника в дверях. – Миледи, что у вас на шее?

– Украшение. Безделушка. Медь. – Владелица комнаты говорила слишком быстро и сбивчиво, прикрывая грудь все отчаяннее.

Это просто глупо – отдать главное сокровище замка и так судорожно прятать дешевое украшение, не так ли?

Я подошла вплотную к молоденькой аристократке. Девушку била дрожь, вполне объяснимая при штурме дворца, но заглядывая в ее глубоко посаженные глаза, я поняла, что боится она не вражеских солдат.

– Украшения носят так, чтобы их можно было увидеть. В этом их смысл, дорогая. – Я положила руку девушке на плечо. – Это знает даже солдат вроде меня.

– Шкатулка уже у нас, – начал терять терпение Кэрк. – Оставь леди ее драгоценности.

– За шкатулкой ли нас послали, а, Кэрк? Может за тем, что в ней хранится? – Я снова развернулась к хозяйке комнаты. – Ваша безделушка слишком нарочито спрятана в декольте.

Поддев пальцами тонкий шнурок, я аккуратно сняла с шеи девушки «украшение». На нити покачивался небольшой ключ из потемневшего металла. Бороздки казались ржавыми, на головке ключа было эмалевое изображение ломанной спирали. Ключ производил странное впечатление – предмета, мало связанного с открыванием чего-либо. Он пугающе холодил руку. Кэрк присвистнул и проверил шкатулку – она была пуста.

Когда я сняла шнурок с шеи девушки, она так просто и жалобно вздохнула, словно сняла тяжкий груз с плеч. Затем ее рука метнулась к

моему шлему. Я испугалась, что у нее может быть кинжал или острая шпилька, и резко отшатнулась. Но рука просто застыла в воздухе возле моего лица.

– Что девушка делает среди солдат? – спросила она очень громко и ясно.

Воздух вокруг меня затрещал как разрываемая ткань. Но несмотря на это, я слышала, как на мгновение замерло дыхание Кэрка, стоявшего за моей спиной. Вместе с дыханием замерло и мое сердце. Затем он снова вдохнул и выдохнул.

– Пойдем, Лис. Молодец, что нашел содержимое шкатулки. – Пустой ларец он отложил в сторону. – Нам в самом деле пора, миледи. Разрешите откланяться.

Я поняла, что возможно завтра или даже сегодня вечером для меня все изменится раз и навсегда. Но не сейчас. Кэрк пришел сюда с пареньком Лисом, и с ним же он уйдет.

Вопрос девушки остался без внимания, мы направилась к двери. Покидая комнату, я оглянулась на бывшую владелицу сокровища. Ее глаза следили за мной. Во взгляде сквозила жалость.

* * *

Башню мы покинули беспрепятственно. Зато проблемы ждали нас снаружи – пять тяжеловооруженных рыцарей поигрывали булавами и мечами-бастардами. Кэрк толкнул меня в плечо:

– Беги к нашему знаменосцу. Прикажи отзывать войска. И сразу же к Атосу, он командует левым флангом. Доставь ему наш приз. – Заметив мой нерешительный взгляд в сторону рыцарей, мой товарищ лишь усмехнулся. – Я справлюсь, не волнуйся.

Казалось, что ключ тянет руку к земле, в нем было что-то омерзительное. Внезапная и странная мысль мелькнула в моей голове – как только я передам его Атосу, мне придется с мылом оттирать руки несколько дней. Я кивнула Кэрку и шмыгнула влево, как тень. За моей спиной рыцари пошли в атаку, и послышался звон металла. Вся башня кипела в битве, но до меня никому не было дела. Я, словно фигура матицца, шла по полю незамеченной, до тех пор пока соблюдала правила. А правила были просты – лететь с ветром и уворачиваться от медленных мечей.

– Эй, стой! – Окрик вырвал меня из мира, где я была тенью. Около ворот стоял рыцарь Желтой Череды, с эмблемой этого цветка на новеньких

латах. Совсем мальчишка, пожалуй, чуть старше Тэддо. В его манере держать меч чувствовалась неловкость, а броня была явно велика. Из-под шлема сверкали глаза и выбивались прядки русых кудрей. Он снова обратился ко мне:

– Ты не уйдешь. Я видел, что ты вышел из башни леди Адель. Если хотя бы волос упал с ее головы...

Можно было сказать, что она жива. Можно было попытаться выбрать другой путь отступления. Но что-то странное вскипало во мне, какая-то не виданная до этого времени злость – будто совсем не моя. Я бросила короткий взгляд на руку с ключом. То ли он начал пульсировать, то ли я сжала кулак так, что чувствовала в нем биение собственного сердца.

Воздух вокруг вдруг стал вязким и густым. А потом я услышала звук. Стон разрываемой ткани. Со всех сторон. Один из дерущихся солдат обернулся ко мне и сказал: «Люблю помогать беспомощным животным». Другой кирасир с проломленной головой, из которой на землю вытекала алая кровь, повернул ко мне лицо с закатившимися глазами и произнес: «Почему? Почему? Почему ты?». Губы мальчика-рыцаря, стоявшего передо мной, растянулись в улыбке: «Смотри-ка. Она, кажется, переживает из-за платья!». Голос принадлежал моему прошлому, а не этому мальчишке. Мертвецы не говорят, и они не знают.

Я уже не контролировала свое тело, крик ткани вокруг стал невыносимым. Меня охватило единственное желание – проткнуть рыцаря, пустить ему кровь, может даже попробовать ее чуть-чуть на вкус. В моей голове метался голодный зверь, которого раньше не было, и он требовал жертв.

Я сделала резкий выпад, выхватив меч быстрее, чем мальчик успел поднять клинок. Нет. Металл скользнул по его кольчуге. Нет. Следующий удар пришелся по его голове и сбил шлем, открыв растрепанную кудрявую голову. Нет, нет. Мальчик поскользнулся на чьей-то крови и упал на колени. Он поднял глаза на меня: яростный, беспощадный взгляд.

– Я не боюсь умереть, – сказал он. Я прочла это по его губам. В моей же голове слабый девичий голосок прорыдал: «Я так боюсь умереть». Нет, нет, нет. Меч вошел по рукоятку.

Звук прекратился, а воздух снова стал прозрачным. Хотя мне казалось, что мы одни, битва вокруг продолжалась. Мертвец с проломленной головой не смотрел на меня и, конечно, не говорил. Мальчик-рыцарь, чьего имени я никогда не узнаю, стоял на одном колене и смотрел на башню своей леди. Меч прошел через его горло насквозь. Мой противник был мертв.

Я разжала пальцы, и тело вместе с мечом рухнуло. Левую руку

саднило, между пальцев сочилась кровь. Я сжимала ключ так сильно, что бороздки распороли мне ладонь. Меня начало лихорадочно трясти. Я убивала людей и раньше: еще десять минут назад убила двух стражников на лестнице – но это был честный бой, и я не чувствовала сожаления.

Но мальчишку убила не я. Что бы ни сидело в этом ключе, оно смогло достать самые сокровенные страхи и с их помощью контролировать и управлять каждым моим движением. Надо отдать ключ Атосу... и сказать, чтобы он его уничтожил. Вещь принадлежала Поглощающим.

* * *

Войско возвращалось. Усталое и разбитое. Впервые столь глупая и нелепая битва далась такой высокой ценой. Как я узнала от герольда, на помощь к Черееде пришли не только ожидаемые союзники – Синие Акации, но и остатки Белых Лилий. Три армии, пусть и потрепанных, против четверти легиона – это было слишком даже для Розы. Приблизительные потери должны были огласить утром, но я скакала на одолженной у герольда лошади через поле и видела все своими глазами. Пали не менее четырех сотен человек, более десятой доли нашего легиона. Из-за ключа, который я, предусмотрительно завернув в снятую перчатку, везла в набедренном кожаном кошелье.

Атоса на поле я не нашла. По какой-то причине он отбыл в лагерь раньше конца битвы. Эта новость меня ошарашила, ведь раньше мой генерал никогда не бросал своих людей посреди боя. К тому же Атос ждал меня и Кэрка с нашего секретного задания. Вспомнив о последнем: как я ни вглядывалась в окружающие лица – рыжей добродушной физиономии капитана я не видела. Оставалось лишь молиться Идасу, чтобы тот уберег его и вернул в легион целым и невредимым.

Доскакав, я направилась к синему шатру в надежде отыскать там Атоса. Шатер генерала был ярко освещен изнутри. Это было странно, ведь Атос любил полумрак. Я частенько ждала его перед тренировкой и замечала, что даже в сумрачные дни он не жег свечей. Происходило что-то неладное.

Второй раз за два дня я ворвалась в этот шатер, но наткнулась отнюдь не на того, кого искала. Атоса внутри не было. Зато было множество походных сундуков и мешков. Горел, наверное, добрый десяток свечей в отполированных подсвечниках. Часть шатра была отгорожена ширмой из тонкой бумаги и, судя по силуэту, там находилась ванна с человеком в ней.

Мелодичный женский голос напевал что-то.

Я потрясла головой, думая, что ошиблась шатром, и уже собиралась выйти, как меня окликнули.

– Заходи, дружок, – голос был прекрасен. Спокойный и глубокий, он был разве что чуть низковат для женщины. – Сюда. За ширму.

Что-то в тоне не позволило мне противиться обладательнице этого голоса. Я шагнула за ширму и увидела в ванне обнаженную девушку. Ее красота поразила меня, лишив дара речи, я не могла произнести даже простых слов приветствия. Впрочем, купающаяся сама пришла ко мне на помощь:

– Можешь не салютовать, мой сладкий. – Леди-генерал Алайла засмеялась. – Хотя ты вроде и не собираешься. Ты ведь Лисенок, маленький ученик Атоса?

* * *

У нашего легиона была карающая длань – Атос. У нашего легиона был стратегический разум – Крамер. И, безусловно, сердцем всей нашей армии была прекрасная леди Алайла.

Многие задавались вопросом, что подвигло девушку голубых кровей изучать боевое искусство вместо вышивки и заниматься политикой вместо заключения удачного брака. Думаю, больше всего эта загадка волновала родителей Алайлы. Приближенная ко двору почившего короля семья Ризетти даже с началом гражданской войны не утратила веса в обществе. И это объяснимо, ведь процветание продолжилось. Война способствовала развитию их дела – кораблестроению и морской торговли. Для единственной наследницы рода открывались все дороги, а любящие родители готовы были поддержать любой ее выбор.

Однако мама и папа никак не ожидали, что в четырнадцать лет Алайла исключит из уроков пение, танцы и музыку. К их удивлению дочь наняла бродягу-капитана для обучения фехтованию, а также начала посещать городскую тюрьму Ярвелла. В казематах юная дворянка общалась с преступниками, осужденными за махинации в торговле и политике: взяточниками, ворами казны, купцами, захотевшими слишком многого.

Я думаю, родные не спорили с Алайлой потому, что это было попросту невозможно. Все знакомые говорили, что девушка никогда не просила, а только распоряжалась и требовала. Возможно, повзрослев, она бы захотела семью и детей, если бы на ее пути не встретился Крамер. Молодой и

красивый генерал полунищего легиона в пять сотен человек с гордым именем Алой Розы, слава которой минула лет пятьдесят назад. Чем он смог увлечь ее? Или она его? Еще одна загадка.

Вот только вошла в состав легиона дворянка сразу в чине генерала. Она не боялась злых языков, твердивших о том, каким местом она получила звание. Она без страха вызывала обидчиков на дуэль, и, что самое странное, выигрывала. Где-то мастерством, где-то хитростью, иногда подкупом или лестью – но она всегда была победительницей. Алайла так и не стала мастером боя на мечях, говорят, что она неплохо владела оружием, но противостоять опытному сопернику в прямой схватке просто не бралась. Может быть, поэтому с ее приходом в легионе так и не изменилось отношение к женщинам. Она была красивой небожительницей, какой не было ни в одном другом легионе страны.

В Розе Алайла начала политическую карьеру – искала лучших нанимателей среди тех, кто нуждался в армии, перекупала остатки разбитых гарнизонов, обговаривала самые выгодные поставки продовольствия и получала разрешения на проезд в любую область. Вскоре Крамер и Алайла нашли Атоса, и Алая Роза вошла в зенит своей славы. Было ли именно это целью Алайлы, знала лишь она одна.

* * *

Глядя на обнаженную девушку в ванне, я вспоминала все разговоры солдат о ней и понимала, что это была не лесть, а грубое подобие правды. Сама я никогда не видела единственную женщину-генерала Королевства вблизи: она редко посещала лагерь, предпочитая вести дела удаленно. Но слухи все равно безнадежно врани – Алайла была не просто красавицей, она была ослепительна. Взгляд притягивали молочно-белая кожа и иссиня-черная грива волос, спускавшаяся с бортика походной медной ванны. Она скрестила прекрасные длинные ноги, опираясь лодыжками о противоположный край своей купальни, и с интересом разглядывала меня.

Возможно, как и всякая женщина, я просто завидовала. Но ее лицо показалось мне чересчур правильным. Все черты – на редкость точно подобранные элементы, составившие слишком уж безгрешную картину. Не было чего-то оживлявшего. Взгляд огромных, словно у серны, глаз и вовсе был мертвенным. И все же она была прекрасна.

– А ты ниже, чем я думала, – проговорила Алайла, сама того не зная, повторив слова Крамера. – Лисенок, что у тебя есть для меня?

Стараясь не смотреть на ее молочно-белую грудь, покачивающуюся в воде, я произнесла:

– Атос просил меня достать шкатулку. Но я принес только ее содержимое.

Бережно открыв кожаный кошель, я достала перчатку, а затем и сам ключ. Осторожно, чтобы не задеть предмет, я подцепила шнурок кончиком клинка, и показала ключ Алайле. Она, в конце концов, тоже была генералом. А мне так не терпелось избавиться от проклятой вещи, что я отдала бы ее даже Ферросу.

– Интересно. – Алайла подалась из воды, ее грудь колыхнулась. Я, мучительно краснея, попятилась. – Не совсем то, на что я рассчитывала... Положи на стол, дружок, будь любезен. – Рукой она указала на столик возле ванны.

Выполнив указание, я вопросительно взглянула на Алайлу. Левая рука, которую я ранила ключом, болела, и мне надо было найти Кэрка. А может, мне просто не хотелось оставаться с прекрасной Алайлой дольше, чем было необходимо. То, как она обошлась с проклятым ключом, показалось мне несправедливым.

– Вы знаете, сегодня многие умерли за эту вещь. – Я впервые посмотрела прямо в глаза этой небожительницы. То, что я там увидела, меня разозлило – одна только бесконечная скука.

– Думаю оно того стоило, – вяло протянула Алайла и махнула мне рукой. Любезности закончились, я могла выметаться, а четыре сотни ребят могли гнить под небом из-за странного ключа и скучающей дворянки.

Выходя из шатра, я буквально натолкнулась на Атоса. Он был взбудоражен и поначалу даже не узнал меня. Но через секунду уже держал меня за плечи и тряс словно куклу:

– Ну как? Жив? Цел? – Если бы я и вправду была ранена, его тряска бы меня добила. Но какое-то теплое чувство разливалось в груди от его вопросов. Атос не спрашивал про задание, а сначала интересовался моим здоровьем. Это было похоже... на дружбу?

– Я цел. Пойду искать Кэрка. Кстати, спасибо за него. – Я с усилием сняла крупные ладони Атоса со своих плеч. – Я получил содержимое шкатулки. Оно на столике возле... леди Алайлы.

Взгляд Атоса стал тревожным, и этот огромный парень застыл, как пойманный за кражей яблок мальчишка, разглядывая вход в свой шатер, словно не решаясь войти. Мне вновь вспомнились слухи о его влюбленности в Алайлу. Теперь, увидев эту даму воочию, я готова была поверить в любые небылицы. Такая кого угодно с ума сведет. Даже то, что

она остановилась в шатре Атоса, давало повод для перешептываний за спиной.

– Она... ничего так... – выдавила я из себя. Просто не знала, как вообще мужчины выражают одобрение в делах сердечных. Он был уже взрослым мальчиком и мог делать все, что захочет и с кем захочет. Однако Атос отреагировал странно – щеки его вспыхнули, а брови сошлись на переносице, словно он разозлился.

Он был всего лишь двадцатилетним мальчишкой. Я вдруг остро почувствовала свой возраст. Ведь я старше его, о боги. И, похоже, знаю больше о любовных делах. Эта мысль была такой странной.

– Это не то, что ты подумал, Лис. Я просто одолжил ей свой шатер. Вот...

– Конечно, – кивнула я. До их любовных воркований мне сейчас не было никакого дела. – Ну, я пойду?

– Ага.

Я направилась к палаткам лазарета, когда в спину мне полетел окрик Атоса:

– Лис, а что было в шкатулке?

– Ключ, всего лишь какой-то ключ. – По спине пробежал озноб. Атос был не в курсе, что мы выкрали. Его втянули в ту же игру, что и меня, не объяснив ни правил, ни смысла самой игры... Крамер и Алайла, напротив, вели свою партию матицца уверенно и жестко. Я впервые задумалась о том, а не стоило ли закопать ключ в лесу.

#Бусина пятая

Кэрк выглядел очень плохо. Кожа его стала бело-серой. Рыжие волосы тоже поблекли и больше не напоминали языки пламени. Наш капитан выглядел так, словно его с ног до головы осыпали серой золой. Так он и сидел – бледный, вялый, улыбающийся через силу. Лекарь сразу сказал, что рана плохая. Кэрк потерял много времени и крови, пока добрался до лагеря и ему смогли помочь, а каждая потерянная минута шла на вес золота. Лекари решили пока сохранить ногу, куда пришелся удар меча-бастарда солдата из Череды, но сколько именно продлится это «пока», было не ясно.

Ранение и состояние Кэрка повлияли на настроение в нашей небольшой компании. Каждый почему-то чувствовал себя виноватым перед хозяином костра, хотя веские причины были лишь у меня одной. Как ни крути, именно я оставила капитана у северной башни замка Рэймис. Бросила, чтобы принести проклятый ключ в руки людей, которым не доверяла.

Сам Кэрк пытался шутить и развеять мрачное молчание, но его жалкие попытки рассмешить нас погружали сидящих у костра в еще большее и глубокое отчаяние. На меня он поглядывал искоса, но ничего не говорил. Собирался ли он выдать меня, или как и Док решил сохранить эту тайну, я не знала. И предпочитала выжидать.

В один из дней, когда наш капитан стал совсем плох, слово вдруг взял Фил. Как я уже говорила, костер Кэрка был сборищем романтиков и чудаков вроде меня. Так вот Фил тоже в каком-то роде был с придурью. Начать с того, что он вообще был подмастерьем кузнеца, а не солдатом. Как и у всех ремесленников, у кузнецов были свои костры в легионе. Но Фил приходил к Кэрку каждый вечер. Молодой, с простым и доверчивым лицом жителя деревни, он производил странное впечатление только что пришедшего с пашни человека, попавшего на поле боя и изумленно оглядывающегося с возгласом: «Куда это я попал?». Так вот Фил, до этого, в основном, слушавший, вдруг начал говорить:

– Я, это, понимаю, к-нешна, что право на рассказ обычно даешь ты, Кэрк. Но сегодня историй никто не начинает, так может я кой-чего вам расскажу? – Говор с сильным акцентом и множеством странных словечек выдавал в нем селянина из южных провинций. В моей местности так говорил каждый второй. Из моей речи это было выхолощено часами уроков с леди Тилой, которая преподавала этикет и изящную словесность. Если бы

не ее усилия, я разговаривала бы в точности как Фил.

– Валяй, Фил. – Кэрк махнул рукой, и она плетью упала вниз. Это заметил все, и многие невольно вздрогнули.

– Я сразу скажу: в сказках и всяких нелепицах я не мастак. Память плохая на энто дело. Зато могу вам рассказать историю, правдивее которой не сыщешь, а уж магии там целый обоз. Это самая главная история моей жизни. История о том, как я встретил мою жену Джилли.

История Фила:Счастье кузнеца***

Уж пять лет прошло, а все вспоминаю энто. И все картинки ярко так перед глазами! А что забываю, спрашиваю у Джилли – уж она-то не соврет.

В то время я шатался по дорогам Эвриса и искал подработки. Кузнец из меня тогда был не ахти, в подмастерья меня брали неохотно – вот и искал кочующие банды и отряды. Тут лошадь подковать, там меч подправить – тем и жил. Приключений я никогда не любил и старался в них не лезть. Но мне было двадцать лет, дома и невесты не было, вот и гулял по белу свету.

И вот однажды в каком-то захудалом селе в пивной раненый рубака сказал мне, что-де ищут в замок кузнеца. Предлагают мало, но все же замок и крыша над головой. Указал мне за пол-олла как пройти, да и заснул лицом в тарелке.

А я радостно поспешил на новое, как я думал, место работы. Денег у меня оставалась пара купов, и я решил дойти до замка за день, чтобы не ночевать под небом. Как я не летел, а все ж заметил дряхлого попрошайку у дороги. Настроение у меня было – что светлый день, я возьми и кинь ему все купы в миску – от щедрот. Надеялся ведь, дурак, что в замке сразу дадут денег.

Старикан, однако, не порадовался монеткам, и вдруг схватил меня за руку, когда я уже собирался отойти от него. На запястье у него был браслет любопытный такой: зеленые шарики, нитка рядов в пять.

– Ты чего, дед? – крикнул я. – Мало тебе, что ли? Да больше у меня и нет, хоть все карманы выверни!

– Ты ведь в замок идешь, мальчик? – Старикан хитро так

сощурился. – За твою щедрость я тебе окажу услугу, да такую, что всю жизнь будешь помнить. Не ходи в замок. Иди от него по дороге на север, вдоль Вальдишнепова холма.

В ответ я рассмеялся:

– Вот уж и вправду услуга, дед, не забуду. Да даже дитя малое тебе скажет, что за тем холмом Удел Мрака. А ты мне советуешь работу променять на смерть.

Посмеиваясь, я пошел прочь, думая, что старикан просто полоумный, когда за спиной услышал его окрик:

– А что, Фил, мамка-то твоя Элейн говорила, когда еще жива была? «Верь судьбе...»

– «...даже из уст черта», – закончил я, встав посреди дороги как громом пораженный. Пришлось вернуться к старику. Но как я его не допытывал, откуда он мамку мою знал, как ни умолял, старый пень заладил одно: «Иди да иди в Удел Мрака, а про замок забудь».

Так и пришлось его оставить на дороге, а самому идти своей дороженькой. Остановился я лишь в сумерках у развилки. С одной стороны был замок со всеми его дарами и теплым местом для сна, с другой – Удел. Я не знаю как вы, ребята, но я энти места всегда обхожу за лигу. Никогда не хотел знать, что там творится, да и смельчаком себя не считаю. А уж Поглощающими у нас всех детишек на деревне пугали, да так, что к утру простынки под каждым были мокрые.

Но что-то было в старикане. И даже не в том, что он знал имя и поговорку моей матери – был он какой-то магический, что ли. Такой весь таинственный! И я плюнул и пошел в Удел, как последний дурак.

Вряд ли все из вас были в Уделах Мрака. Может тем, что поюнее, вроде тебя, Тэддо, и вовсе кажется, что это другой мир. Вот тебе светлый солнечный денек, а вот шаг – и ты во тьме, а вокруг чудища. Так, да не так! Ничем Удел от нашего мира не отличается поначалу. Идешь и идешь. Только кошки начинают на душе скрести, что аж тошно становится. И чем дальше, тем хуже. В каждой тени мерещится страшное, а иногда оно, пока ты отворачиваешься, успеваешь уползти...

Чем дальше я в Удел заходил, тем лучше понимал – либо башкой здесь двинусь от страха, либо меня кто-нибудь сожрет. И вот тут-то, когда я решил хватать ноги в руки и бежать

обратно, вдруг увидел ее. Представьте себе, вокруг уже почти темень, а тут на валуне сидит такая вся принцесса в кружевах и бирюльках, ногти чистит палочкой. От каменюки к ноге цепь идет. У меня аж дыхание захватило от ее красоты – и дело было не в оборочках, нет! Было что-то в ее упрямом личике такое, что наповал мое сердце убило. И вдруг эта фея как выдаст мне:

– Чего уставился? Тут тебе не ярмарка-базар. Ишь, глазищи распахнул!

И тогда я понял, что никакая это не принцесса. Разве будет аристократка так говорить? Хоть и грубила да перебивала, но красавица рассказала мне всю историю.

Оказалось, что «принцесса» – дочь булочника из соседнего села по имени Джилиан. Поглощающий зачем-то похитил ее и нарядил в платье и украшения. Как она сказала: «Не лапал, а все говорил, говорил и чаем поил. Много чая». Но видимо, слишком уж простой оказалась Джилли для мага тьмы, и он приковал ее к валуну посреди леса. А меня любопытство так и разбирало, вот и спросил:

– А какой он, Поглощающий? – В моих кошмарах это всегда был страшила с тысячей языков, выдыхающий пламя, и когтями, что твоя бритва.

– Да парень как парень. Такой же, как ты, только глаза старые и усталые, – ответила прямо Джилли.

И вот тут я ее прямо зауважал. Вы представьте, девчонка деревенская, а не испугалась того, от кого у любого рыцаря поджилки затрясутся. И настолько я ее зауважал, такой у нее печальный был, но и смелый какой-то вид, что я решил – видать не соврал старый, вот она, моя судьба.

С собой у меня была переносная наковаленка, молоточки, бородки и много еще чего, что в пути может кузнецу понадобиться. Цепь выглядела толстенной, но сила и труд все перетрут. Как ни уговаривала меня Джилли отступить и бежать, куда маг не вернулся – я уперся. Начал инструмент готовить, развел костерок, чтобы во тьме не сидеть.

И только я приступил к работе, как вдруг почувствовал – а воздух-то за спиной колыхнулся. Ну, я все сразу понял, по выражению лица Джилли, да и вообще не совсем уж тупой был. В общем, за спиной у меня появился Поглощающий. Да только

что я, простой кузнец, мог сделать? Только дальше готовить инструменты да не замечать его. Помру, подумал, так хоть за любимой работой и с красавицей рядом.

Человек сзади меня помолчал немного, но видя, что я его не замечаю, заговорил. Обычным голосом, без завываний или злодейского какого смеха:

– Что ты тут делаешь? – спросил он.

– А ты что, ослеп? Цепь разбиваю. – Я решил, коли хочет Поглощающий поиграть в дурачка, так и я сыграю не хуже.

– А ты знаешь, где ты оказался, кузнец?

– Да уж не слеп, мы в Уделе Мрака.

– И что же, не боишься, что придет Поглощающий да и съест тебя целиком. – Стоящий за спиной, видать, захотел поразвлечься вовсю.

– Может и придет, а может – нет. Да вот только Джилли я в беде не брошу, – почти выкрикнул я. – А если придет, я ему еще и кувалдой голову проломлю, засранцу, чтобы не похищал честных девушек.

Джилли аж рот прикрыла ладошками от такой грубости. А незнакомец сзади вдруг... рассмеялся. Плохой был смех, нездоровый, но все же смех.

– Ну что ж, кузнец, лучше ему с тобой и вправду не связываться. Получай свое счастье.

И снова в воздухе, будто что-то хлопнуло. А цепь на ноге Джилли и вовсе в пыль обернулась. Я посмотрел за спину, но там уж никого не было, только в ушах продолжал дребезжать смех.

А Джилли вдруг как накинута на меня с кулаками: да по лицу, да по груди:

– Дурак, тупица, дуболом! Ты совсем чокнутый, что ли! А если бы он тебя убил? – И вдруг поцеловала. Так жарко... я и вправду поверил, что и дурак и тупица, и вот оно мое счастье незаслуженное.

И вот уже пять лет она меня так же целует. А я ее все так же люблю, как в тот самый день. До селения мы добрались на следующее утро – там и узнали, что на замок-то, куда я на работу шел устраиваться, еще вчера днем напал Поглощающий. Всех перебил там: от младенцев до лошадей. Ни одной живой души не оставил. Приди я туда работы искать, был бы такой же мертвый, как все они.

Булочник, отец Джилли, нас наскоро благословил на свадьбу и спроводил подальше от Удела к своей тетке на север. Там мы поставили дом, там мы завели двух детишек: Микеля и Марию.

А возле дороги соорудили часовенку для бога дорог Карамина: того самого, что хорошим людям всегда указывает путь, а злодеев заставляет плутать часами. И представляете, год назад у часовенки Микель встретил странную старушку с зелеными бусами на руке, а малышка Мария все твердит о каком-то мальчике у часовни, которого никто кроме нее не видел. А мы с Джилли и не волнуемся попусту, ведь в судьбу надо верить...

* * *

Рассказ Фила подействовал магическим образом. От костра на ночевку мы расходились умиротворенные, с улыбкой на губах. И было на самом деле не важно – правда эта история или просто выдумка деревенского паренька. Даже Кэрк перестал выглядеть умирающим: он искренне смеялся, прощаясь с Филом.

А может отгадка волшебного воздействия истории лежала на поверхности? Кого-то дома ждала жена и дети, кого-то невеста, а кого-то – надежда ее обрести. Все они: жены, матери, братья и сестры составляли самое сладкое слово на свете: «дом». И большинство ребят хотели туда вернуться. Они ушли с разоренных пашен, из сожженных садов, разрушенных лавок. Они взяли в руки оружие, хотя многие предпочли бы держать на руках своих детей. Но война вынудила их искать деньги иными способами. А рассказ Фила напомнил всем, что где-то нас, возможно, ждут близкие, а война не вечна.

Мои мысли были не о доме – у меня его просто не было. Однако эта история и меня заставила подумать. Сегодня я решила ночевать на дереве, как делала довольно редко. Но мне хотелось сменить перевязь бинтов, чьи тугие объятия прятали мою грудь. Она болела, чесалась и покрывалась красными пятнами от такого обращения, но лучшего способа скрыть предательские выпуклости я пока не придумала. А менять бинты в густой кроне дерева, где тебя никто не видит, было гораздо безопаснее, чем просто уходить из лагеря.

Я вскарабкалась на могучий вяз, около которого стояли телеги с провиантом. И, сматывая бинты, размышляла о том, что меня взволновало в рассказе Фила. Без сомнения – Поглощающий. Юноша с глазами старика и

надтреснутым смехом, который в один день убил население замка и так легко даровал свободу и жизнь двум крестьянским ребятам.

Магия в нашем мире была странной темой для разговора. Люди предпочитали молчать о ней, оставляли без внимания ее существование до тех пор, пока она не приходила в их дома. Может поэтому наш костер так манил мечтателей – здесь постоянно говорили о чем-то волшебном, запретном и тайном. Дома такие разговоры пресекались. Простые люди считали, что такая болтовня может привлечь кого не следует.

Уделы Мрака и Уделы Света, раскиданные по всему Королевству, были словно гнойники на теле больного, которые внимательный врач при осмотре старается не задевать. Никто толком не знал и не говорил, когда появились первые Поглощающие и Сияющие. Но думаю, они были всегда, а вот свои вотчины начали заводить сравнительно недавно.

В памяти стали всплывать обрывки разговоров и рассказов о магах. Когда-то все они были людьми, пошедшими на сделку с силами тьмы или света и заплатившими за это жестокую цену. Они стояли над законами людей и могли делать все, что хотели. Не существовало никакой силы, противостоящей им. Убить за день все население замка – я легко могла в это поверить. Чары их были так сильны, что где бы они не поселялись, их начинала окружать область, которую как раз и называли Уделом. Люди меняли дороги и маршруты, обходя возникшие за ночь Уделы Мрака и Света. Переезжать и прятаться смысла не было: в каждом регионе было по два или три таких места. И потом, если кто-то из магов хотел убить тебя, ты обычно умирал задолго до крамольной мысли о побеге.

Однажды, еще в моей старой жизни, купец с востока рассказывал о магических традициях своего народа. У них Белыми магами и волшебниками Света называли тех, кто использовал свои силы для исцеления или защиты. И он предположил, что Сияющие также служат добру. Над ним никто не посмеялся, но тихо посоветовали при встрече с Сияющим бежать так же быстро, как и от Поглощающего.

Свет и тьма, солнце и тень. Они всегда были двумя сторонами одной медали. Но никто не говорил, что солнце, сжигающее урожай, лучше безжалостно холодной ночи, а огонь, прогоняющий тьму, не сожжет тебя дотла. Сияющие не были добром. Они просто были магами, черпавшими свои силы в свете настолько ярком, что иногда их называли Ослепляющими. Те, кто видел живую тьму или других, говорили, что названия пошли от ореола, окружающего магов. Темные словно высасывают из пространства весь свет, поглощая его как глубокая пещера, светлые – без малейшего источника света мерцают и постоянно сияют

неземным огнем.

Поглощающие и Сияющие не были легендами. Больше всего их поведение напоминало, как ни странно, детей. Некоторые из них были жестоки и постоянно творили зло, другие пытались помочь людям, но не зная своих сил, создавали лишь новые ужасы, третьи, и это самая большая группа, старались не замечать людей, словно муравьев.

Какими бы чертами не обладал такой маг, искать встречи с ним было самоубийством. Как будто маги никогда и не были людьми. Они попросту не понимали: почему убийство плохо, а сожженный дом – повод для слез. Как не грустит человек, раздавивший муравья, так и Высшие маги, убив тебя, вряд ли будут думать об этом как о трагедии.

А еще они умели создавать вещи – прекрасные и ужасные одновременно. Магические артефакты, полные тайных знаний, которые приносили боль и разрушения. И ключ, который мы взяли с Кэрком в башне, по моим догадкам, принадлежал кому-то из магов. Зачем подобная вещь простому человеку, мне было не ясно. С этими смутными мыслями я задремала, лежа на самой широкой ветви.

* * *

Я брожу в лесу, мне восемнадцать лет и сегодня мой день рождения. Свежий запах молодой листвы, солнечные лучи, пробивающиеся сквозь ветви, и самая приятная компания на свете. По правую руку от меня идет мой Принц. На нем сегодня прекрасный камзол и бриджи синего атласа, отделанные серебристым кантом. Точь-в-точь как цвет его чудных волос, которые сейчас развеивает небольшой ветерок. Принц замечает, что я смотрю на него, и улыбается мне, а мои щеки краснеют от смущения.

В замке много что говорят, но все это пустые сплетни и болтовня. Он никогда не смог бы быть жестоким. Он нежный и заботливый. И словно подтверждая мои слова, он берет меня под локоть, помогая переступить упавшее дерево.

– Ты сегодня словно зеленая лесная нимфа! Ты прекрасна в свой день рождения. – Когда Принц говорит, он смотрит прямо мне в глаза. И я чувствую еще чуть-чуть, и он, может быть, даже поцелует меня.

– Вы не должны так говорить, милорд. Compliments не для простой дочери оружейника. Это сочтут дурным тоном.

Он лишь смеется в ответ. И вдруг замечает что-то в траве у тропы, отпускает мой локоть и забирается в заросли. Возвращается, держа в руках

небольшую птицу с длинными и узкими крыльями.

– А ты знала, моя нимфа, что стрижи не могут сами взлететь, если упадут на равнине? Совсем беспомощны. – Он поднимает птицу на уровень глаз. – Как ты попал сюда, птенчик?

Принц прыгает, подкидывая птицу, и та взлетает. Это для меня сродни чуду.

– Вы так добры, милорд. Даже к птицам.

– Я люблю помогать беспомощным животным. – Что-то в его тоне изменилось. Голос Принца звучит так холодно. Воздух вокруг начинает загустевать. Леса уже нет, да и моего Принца тоже. Напротив меня стоит кто-то, кто притворяется моим Принцем. У него старые глаза и он смеется. Вокруг тьма, но он словно засасывает ее: движение воздуха вокруг него нарушено. На тонкой шее болтается ключ с узором ломаной спирали.

– Может уже хватит убивать этого мальчика, а, Лис?

Я вижу, что в моей руке меч, вонзенный в горло мальчика-рыцаря из замка Рэймис. Но у мальчика лицо Кэрка, и он смеется вместе с моим Принцем, несмотря на кровь, хлещущую из раны.

На самом деле это кошмар. Надо заставить себя проснуться! Я закрываю глаза, жмурюсь сильнее и вдруг чувствую на лбу сухую ладонь. Я открываю глаза и вижу зеленые четки.

* * *

Ненавижу кошмары. Хотя ты и просыпаешься, но остатки ночной дряни словно яд пропитывают весь день, а нервы натянуты до предела. Мы оставили Рэймис и четыреста шестьдесят три могилы за спиной. Количество погибших нам назвали сегодня утром. Это не считая раненых и сильно покалеченных. Цена проклятого ключа показалась мне слишком высокой.

* * *

Бывает так, что изматываешься полностью. Сил не остается даже на то, чтобы лишний раз пошевелить рукой или ногой. Ты лежишь там, куда упала, и мечтаешь забыться, чтобы поспать. Самое тяжелое, что заснуть ты не можешь – усталость настолько сильна, что гонит разум набирать обороты. Мысли теснятся в голове, и покрасневшие глаза продолжают

бессонно взирать на мир.

Именно такой и выдалась эта неделя. А причина была проста – у лазарета закончились лекарства. Как бы смешно это не звучало, но именно на наших лекарях держится половина легиона. Когда ты участвуешь в войне, ты готов ко всему – тяжелым ранам, разным заражениям, отравлениям – потому что знаешь, что каждый полк сопровождают врачи, долг которых – помогать тебе. Они не могут отказать в помощи или бросить тебя, пока ты приписан к легиону. Это одна из льгот, которые получает каждый солдат: право быть излеченным.

Это, конечно, никогда не касалось мощных обезболивающих, которые можно достать только на так называемом «черном рынке легиона». Это не какое-то особое место, скорее люди, которых надо знать, если тебя мучает боль или бессонница, если тебе плохо от тяжелой и жирной пищи или продажная женщина заразила тебя непонятной болезнью. О, эти вечно понимающие торговцы с добрыми глазами и такими вожделенными сумками, набитыми опиумом для снятия болей, молочком дерева порро, которое заставляет забыть даже свое имя, зернами фиас, лечащими почти любое заражение. В их волшебных сумках кроется много чудес, но плата за эту мнимую магию всегда высока.

Молочко порро порождает жуткую зависимость, и с каждой дозой принимать приходится все больше, а отказ от него сводит с ума в прямом смысле этого слова. Опиаты туманят разум и мутят души, оставляя без монеты в кармане.

Как и предостерегал меня Док, самое страшное – это попасть в долговую яму к «чернорыночным». Из долгов перед этими людьми не выйти, просто дав расписку. Сами лекари не одобряют подпольную торговлю лекарствами, но смотрят на нее сквозь пальцы. У тех, кто серьезно болен, зачастую нет выбора... Начальство легиона время от времени устраивает показательные рейды, но все понимают, что чернорыночники – это неизбежное зло легиона. Поймай троих – и на их место придут десять. И под большим вопросом, будет ли их товар безопаснее, чем у предыдущих ребят.

То, что произошло в Алой Розе, случается в одном из миллиона случаев. Поимка поставщиков в глупом рейде совпала с полным отсутствием лекарств в лазарете. Роза ждала поступлений не раньше, чем через неделю, из восточного города Аркиоса. Легион начал задыхаться и метаться в агонии.

Битва у замка Рэймис только-только прошла. Более четырех сотен трупов еще хоронили, а раненые страдали от боли, требуя помощи.

Действия Крамера, всегда столь последовательного в управлении легионом, поражали своей безответственностью. Больные остались без опиума, я – без снотворного, врачи – без средств к помощи.

Из темно-синих палаток со звездами раздавался непрерывный стон. Люди умирали в мучениях. Не слышать эти кошмарные звуки можно было только уйдя на другой конец лагеря. Там мы и провели обычную тренировку с Атосом.

После нее я повалилась в траву без сил. Мой генерал направился по каким-то делам, а я, не спавшая две ночи подряд, просто лежала и пыталась расслабить мышцы, заставив тело взять передышку. После замка Рэймис и соприкосновения с проклятым артефактом Поглощающих мое состояние ухудшилось. Кошмары стали ярче, а силы иссякли. Я словно сломанная игрушка лежала в траве, когда услышала шаги.

Атос вернулся на площадку, и не один. Вид у него был абсолютно загнанный, но его спутником оказался всего лишь Кэрк, сурово хмуривший брови. Для меня стало откровением, что эта пара общается друг с другом без званий и чинов:

– Это не может продолжаться, Атос! Я знаю, что у офицерского состава первого круга есть немного лекарств. – Рыжий капитан заметно прихрамывал на правую ногу. Если бы я не видела Кэрка, то вряд ли бы догадалась по голосу, что это он. Капитан говорил холодно и грубо. Я ни разу не видела его в таком раздражении.

– Да, есть пара коробок. Но это неприкосновенный запас. – На лице оправдывающегося Атоса легко читалось отчаяние. – Если я отдам лекарства тебе, то следующим придет Феррос, а потом Дункан, а затем Легио...

– Ты вообще слышишь, что творится в лагере?! Ты слышишь крики из лазарета? Очнись уже.

– Я ничего не могу сделать. Я не имею права раздавать генеральский запас, даже если бы и хотел. – Атос отрицательно помотал головой, уставившись в землю.

Я часто относилась к ним, как к взбалмошным мальчишкам, что к Атосу, что к Кэрку. Безусловно, я уважала их таланты и мужество на поле боя, но лишь сейчас поняла, какая ответственность лежала на плечах моих товарищей. Генерал и капитан были молоды, но уже отвечали за жизни людей, и, судя по их виду при таком важном разговоре, понимали и принимали свои роли. У каждого была своя правда, и каждый готов был ее отстаивать.

По легиону ходили слухи, что у генералов есть лекарства, но открыто

это никто не обсуждал. В этом споре я даже не знала, чью сторону принять.

– Ты ведь понимаешь, что я прошу не для себя. Нога меня не так сильно беспокоит. Но у меня есть люди, которые очень плохи.

– Я знаю. И мне жаль. Но это не изменит моего решения. Подай прошение Крамеру или Алайле...

Кэрк метнулся к Атосу, и на миг мне показалось, что он схватит его за воротник рубашки и встряхнет. Но он только подошел вплотную и начал сверлить генерала яростным взглядом:

– Я потому и пришел к тебе, что в отличие от этой пары у тебя еще есть сердце! Леди и Красавчик ведут себя как сволочи...

Зря он это сказал. Взгляд Атоса заledenел, а губы сжались в тонкую линию, кожа на скулах натянулась. Я прекрасно знала, что это значит: где-то внутри лохматой головы Атоса клокотала с трудом сдерживаемая ярость. Уж не из-за оскорблений ли в адрес Алайлы он так взъярился? Нет, причина была в другом:

– Отставить подобные разговоры, капитан. Для тебя весь мир делится на тех, кто тебе помогает, и тех, кто отказывает в помощи. А у нас, именно что у нас – генералов – под управлением более сорока старших офицеров и тридцать сотен людей. Если я начну раздавать наш запас – кому-то не хватит, и кто-то все равно умрет. Три коробки. Кому же они достанутся? Полагаю тем, кто мне больше всего нравится – любимчикам вроде тебя, Кэрк?

Он замолчал. Кэрк стоял, понурившись.

– Иногда мне приходится быть сволочью. Хотя бы потому, что я генерал, а не простой солдат, и от меня многое зависит. Те лекарства, о которых ты сейчас говоришь, собраны на экстренный случай для генералов. Их не хватит даже на троих твоих людей, не то что на весь лазарет. Да и нет там опиума, как ты надеешься.

Я старалась не дышать и ничем не выдать своего присутствия. Поэтому и вздрогнула, когда услышала свое имя.

– Лис... – сказал Кэрк. – Ты вроде заботишься об этом парне. Если бы он пострадал в битве возле Реймис, неужели бы ты не дал ему лекарств из ваших запасов?

Мое сердце успело выдать три глухих удара, прежде чем Атос ответил:

– Это глупый и бесполезный вопрос, Кэрк. Парень не спит пару ночей, у него страшно болит распоротая левая ладонь, он вымотан физически и душевно после задания в замке. Спроси его сам – много ли я дал ему лекарств?

Видимо вопрос все-таки был риторическим. Мое присутствие не было

замечено. А я и вправду плоха, если даже безразличный ко всему Атос это заметил. Наконец, молчание прервал капитан:

– И тебе не тяжело от того, что ты не заботаешься ни о ком? Даже о тех, кто ближе всего?

– Я единственный, кто может слушать крики из лазарета без мук совести, – проговорил мой генерал. – Я одинаково беспощаден ко всем. И если ты считаешь меня бессердечной тварью – это твое право. Лекарства привезут через пять дней. Твоим людям и всем прочим в лагере. Одновременно.

Крайние покинул тренировочное поле стремительным шагом, а Кэрк задержался. Он задрал голову, как будто рассматривал облака. И вдруг произнес с досадой:

– Вот лгун-то!

* * *

Пока я шла за обозом, слушая переругивание окружающих меня солдат, и разглядывала неплотно прибитый борт телеги, в голове навязчиво крутилась мысль. Почему на битву к замку Рэймис послали так мало легионеров? Крамер всегда был гениальным стратегом. Еще в шатре, когда я впервые услышала о задании, прозвучали слова, что враг ждет подкрепления. Будь на поле больше отрядов, мы бы точно не потеряли столько людей. Вывод мог быть только один: Крамер знал, какие будут потери, но почему-то пошел на это. О боги, в этом не было смысла!

– Привет, Лис. – Сзади подошел Хейз, тот самый, что рассказывал историю о проклятом копейщике. – Тебя сегодня приписали к нашему отряду. После трех у нас разведка на северо-востоке. Не опаздывай.

– Спасибо, – ответила я, но Хейз по своей привычке не тратил много слов и уже уходил на другой конец нашей колонны.

Стало быть, мной опять распорядились как игрушечным солдатиком. Новое назначение? Надо поговорить с Атосом – что это за дурная привычка перекидывать меня с места на место?

На привале я пошла к генералу, чтобы провести очередную тренировку, и мы отправились на лесную поляну. Как всегда, два часа без изменений. Но день был полон сюрпризов...

Атос был не в форме. Хотя это слишком мягко сказано. Он просто не смотрел на меня, отражая удары. Мысли его были где-то далеко, а взгляд вообще направлен в никуда. Дошло до того, что я выбила у него меч, и

огромный двуручник полетел в траву.

– Оп...

– «Оп»? Ты что, издеваешься? – не выдержала я. – Ты же лучший мечник Королевства. Что случилось? Тебя словно здесь нет.

– Всего лишь пропустил удар. – Он нагнулся за мечом.

Я не понимала, почему так злюсь. Вдруг в голове мелькнуло – Алайла, словно сегодняшняя невнимательность Атоса была связана с ней.

– Это из-за нее? – спросила я. Но Атос, кажется, даже не понял, о ком я говорю.

– Прекрати. – Он недовольно поморщился. – Что ты как баба. У меня и правда мысли не о тренировке. Что-то происходит в армии, а я не могу понять, что. – Он присел на траву и знакомым, тысячу раз мной виданным жестом, растрепал свою лохматую шевелюру.

– Что-то не так с легионом? – переспросила я, устроившись рядом.

– Народ нервничает. Отступление от крепости дальше в глубь страны выглядит бегством. Решения Крамера непоследовательны. Да еще Алайла приехала.

И лекарства, добавила я про себя, вспомнив разговор с Кэрком. Внезапно Атос своей огромной ладонью похлопал меня по макушке шлема.

– Но тебе беспокоиться нечего. Ты отлично проявил себя на том задании. И не вини себя в том, что Кэрка ранили. Такое случается на поле боя. Кстати, говоря о Кэрке... – Атос посмотрел на меня внимательно, пытаюсь разглядеть что-то за забралом лисьего шлема. – Он сказал, что хочет поговорить со мной о тебе.

Меня словно окатили ледяной водой. Неужели Кэрк решил рассказать Атосу о том, что узнал от хозяйки северной башни? Весьма неожиданно – молчать неделю, а потом вдруг выдать мой секрет. Мне надо было увидеть капитана раньше, чем он встретится с генералом.

– Не знаешь, о чем может быть речь, а, Лис?

Я мотнула головой, сомневаясь пока в способности сказать «нет» и не выдать себя дрожью в голосе или заиканием.

– Ну, смотри. Если он умрет до заката, я заподозрю, что это твоих рук дело. – И Атос рассмеялся.

– Веселитесь, мальчики? – по примятой траве к нам шла Алайла. На ней было простое походное платье. Единственным украшением можно было назвать перевязь и ножны, в которых покоилась сабля. Они были выполнены явно не из черных металлов и ярко блестели на солнце.

Рука Атоса молниеносно соскользнула с моего шлема, и он поднялся навстречу даме:

– Тренируемся. Болтаем. Встань уже, Лис, где твои манеры!

Я подскочила от грубого окрика. Уж кто бы мне говорил про манеры! Я не хотела слушать щебетание этой парочки. К тому же, мне надо было поговорить с Кэрком:

– Разрешите вас оставить. Генерал. Атос. – Прижав кулак к груди, в знак почтения, я уже собралась уходить.

– Лис, дружок, что у тебя сегодня в планах? – Голос Алайлы был сладок, словно мед.

– Я иду на разведку с отрядом Кэрка. Кто-то с утра приписал меня к ним. – Я бросила хмурый взгляд на Атоса, но тот лишь удивленно приподнял одну бровь. Странно, я была уверена, что это его рук дело.

– Славно. Я уже виделась с нашим чудным капитаном сегодня. Ему явно лучше. Передай от меня, чтобы он выздоравливал.

#Бусина шестая

На разведку выехала группа из пятнадцати человек, все конные. Даже мне выдали чалую лошадку, которая, по-моему, то ли недоедала, то ли была больна – через шаг спотыкалась. Наездница из меня была неважная, и оставалось только молиться, как бы не слететь с нее до конца нашей поездки.

Разведка, ха! Мы оставили за спиной три армии, ретируясь так спешно, что пыль, наверное, все еще оседала на дороге. Что мы вообще могли искать в этой глуши? Меня все сильнее смущало то, насколько глупы были последние решения генералов. Битва у замка, бессмысленные жертвы, единственная разведывательная группа, отправленная без особой цели в какой-то лес. Мысли крутились в голове, но я никак не могла связать все нити этой истории воедино, понимая, что упускаю нечто важное.

Кэрк был здесь, на прекрасной серой кобылке – не боевой конь, а скорее лошадка для прогулок верхом. Она все время перебирала копытами, пританцовывая от нетерпения, и этим весьма напоминала своего наездника. Разумеется, в те времена, когда он был здоров. Алайла сильно преувеличила, сказав, что Кэрку лучше. Конечно, то, что он сидел на лошади, не морщась постоянно от боли, говорило в пользу выздоровления. Но мой товарищ все еще был бледен, а в глазах появился нездоровый блеск.

Лес вокруг нас неувовимо напоминал мне тот, что был в моем кошмаре за пару ночей до этого. Светлый, пронизанный лучами и пением птиц. Но самым большим сходством оставалось предчувствие большой беды. Я пыталась успокоить себя тем, что этот страх возник совсем даже от иного – от предстоящего разговора с Кэрком.

Стараясь держаться к нему поближе и не упасть с лошади, я дождалась разделения отряда на все меньшие и меньшие группы, пока, наконец, мы не остались в чаще вдвоем, если не считать лошадей и птиц. Капитан ехал погруженный в свои мысли. Я впервые заметила, что он красивый, в общем-то, парень – наверное, любая девушка была бы рада оказаться рядом с ним. Несмотря на общую нескладность, он был высок и гибок, а улыбочивые губы и смеющиеся глаза придавали ему озорной вид. Тень от рыжих длинных ресниц на мгновение легла на щеки. И я собралась с духом:

– Мне надо поговорить с тобой...

Он испуганно оглянулся, словно не ожидал, что кто-то следует за ним.

Увидев меня, он расслабился, и убрал руку с эфеса, куда она метнулась сразу после моих слов. Ну и реакция.

– Лис. Я и не заметил тебя. – Он вздохнул. – Что случилось?

– Ты хотел поговорить с Атосом обо мне. И я... – Повисло молчание. Я не знала, что сказать дальше. Просить его не раскрывать меня? Уверять, что девушка в башне ошиблась и я мужчина? Подкупать?

– Прости, но это важно рассказать старшим по званию. – Он выглядел немного грустным. – Я бы не раскрыл этот секрет, если бы не думал, что он может навредить тебе.

– Как это может мне навредить? – почти выкрикнула это я. Кобыла подо мной опять споткнулась, и мне пришлось вцепиться в седло, чтобы не перелететь через голову. – Как только они узнают, что я девушка – я лишусь всего!

Кэрк моргнул раз и другой. Потом наморщил лоб и рассмеялся. Его смех успокоил меня.

– О боги. Я вовсе не хотел раскрывать *эту* твою тайну! – затем он напрягся, прислушиваясь к чему-то. – Нет, показалось. Лис, все что у тебя под броней – твое дело. Нравится дурачить людей – бог Хокка тебе в помощь. Я знал, что ты девушка, с той минуты, как ты появилась у моего костра. Я с самого детства хорошо знаю все ваши привычки и повадки. Даже то, как ты сидишь на лошади, выдает отсутствие, уж прости, у тебя яиц.

Настала моя очередь удивиться. Переважив его слова и возблагодарив небо, я снова обратилась к явно веселящемуся капитану:

– О чем же ты тогда хочешь рассказать Атосу?

– Ты ничего не слышишь? – Он натянул поводья, останавливая лошадь и прислушиваясь.

– Тихо, как в склепе. Продолжай!

Кэрк большим и указательным пальцем нажал на виски и глаза, словно у него разболелась голова.

– Мне все что-то слышится, с самого утра. Ладно, о чем мы? – Он взглянул на меня. – Атос. Да я хотел рассказать ему о том, что я видел в замке. Твой бой с тем мальчиком-рыцарем, то, как я получил эту рану. – Он коснулся своего бедра.

– Кэрк, я не понимаю...

– Думаю, что нет – не понимаешь. Но догадываешься, что там произошло что-то странное. Я видел, как ты убила двух стражей у входа в башню. И это был отличный бой – сыроватый стиль, много ненужных движений. Но это были вполне человеческие ошибки.

Он замолчал, опять нахмурился и осмотрел лес. Теперь и мне показалось, что происходит что-то странное. Но не с лесом, а с Кэрком. Какая-то тревога пронизывала воздух вокруг, отражаясь на его лице.

– Так в чем же дело? – Я поймала себя на мысли, что все время возвращаю его в русло разговора. Он каждый раз терял нить.

– Дело в бое с парнем из Череды. В тебе тогда было мало человеческого. Ты напоминала демона, а вокруг тебя полыхало черное пламя. Когда я увидел это, я был так ошарашен, что пропустил удар, и... – Он снова коснулся раненного бедра. – Ничего подобного я не видел никогда. Я следил за тобой все следующие дни и не заметил ничего странного. Что бы в тебя не вселилось у замка Реймис, оно ушло. Но все равно, молчать об этом было бы преступно. Может тебя проклинали или...

Он замолчал, а потом внезапно сказал фразу, от которой мне стало жутко.

– Почему воздух вдруг стал таким вязким?

В голове пронеслась оброненная низким меццо-сопрано фраза: «Я видела его сегодня утром».

– Кэрк, смотри на меня. Ты видел Алайлу сегодня?

– Да, я видел ее с утра.

Липкий ужас начал заполнять мое сознание.

– Она что-то дала тебе? Отвечай!

Слова давались ему уже через силу. Он свел брови, словно силясь что-то вспомнить:

– Да, ключ. Тот ключ, что мы взяли в башне. Но причем здесь...

За секунду что-то изменилось. Он взглянул на меня. Зрачки его зеленых глаз были расширены так сильно, что, казались черными.

– Ты слышишь, Лис? Кто-то кричит в лесу.

– Кэрк, послушай меня! – Я перехватила его поводья, и попыталась встряхнуть капитана за плечо. – Алайла дала тебе ключ. Что бы тебе сейчас не казалось, этого нет. Это как дурной сон. Немедленно сними ключ! Выбрось!

– Это кричат мои сестры... – На лице капитана отразился ужас. – Кажется, к северу!

– Никто не кричит. Это все ключ, ключ! – Но Кэрк не слышал. Вдруг он перевел взгляд на меня. Верхняя губа обнажила клыки в гримасе ненависти:

– Почему ты твердишь, что я виноват в их смерти?

Он не слышал моих слов, это точно. Но слышал что-то другое. Артефакт вкладывал в уста тех, кто был рядом, слова из самых страшных

кошмаров. Кэрк резко рванул поводья из моих рук, и я все-таки слетела со своей кобылы. Кинув на меня яростный взгляд, он пустил свою лошадь галопом и скрылся между деревьев. Я упала неудачно, на свое вывихнутое пару месяцев назад плечо, но от серьезной травмы меня спас мягкий мох. А когда я встала, ощупывала себя и решала, что делать, из леса донесся крик. Тонкий и такой знакомый голос – от страха кричал Тэддо.

Нельзя было медлить. Тело словно само принимало решения, уделяя этому секунды. Лошадь – долго, ноги – быстро. Ломая кустарник, я кинулась туда, откуда доносился крик. Минуты растянулись в вечность, но я неслась как ветер. Ощущение скорости, как и тогда в крепости, пронизало все мое тело. Успеть. Успеть. Вдох и выдох.

Я вылетела на открытую поляну... Сцена, которую я увидела, застыла, словно была картиной. А на ней – в каком-то странном свете неподвижные люди – вот лежит лицом вниз Хейз, с неестественно вывернутой рукой. Трава под ним черная. Умом я понимала, что это не черный цвет, но мне не хотелось об этом думать. Вот у дерева, держась за запястье, сидит Фил. У него на лице страх и растерянность. Его меч лежит неподалеку. Справа в траве – еще одно тело. Кто-то из новеньких? Может, Крис или Стеффан. На шее сзади – грубая резанная рана, слишком глубокая... а слева Тэддо, он уже не кричит. Взгляд потерянный – мальчик даже не достал оружия. У него приоткрыт рот, словно он что-то шепчет, может молитву, а может, пытается успокоить Кэрка.

Капитан, словно демон, стоит посреди поляны. Вокруг головы и плеч Кэрка застыли черные языки пламени. Поза неестественная: тело отклонено назад, а руки, одна из них с мечом, безвольно висят. Голова запрокинута, но я вижу на ней брызги.

Конечно, это не черный цвет, а насыщенно-бордовый. Как только я узнала этот цвет, картинка взорвалась миллионами цветов. И все пришло в движение. Фил закрыл лицо руками и закричал от ужаса. Тэддо тоже закричал, но вполне осмысленно:

– Кэрк, твоих сестер убили десять лет назад. Мы из твоего отряда. Мы не убивали их.

Капитан лениво перевел взгляд с Фила на Тэддо. И произнес хриплым и незнакомым мне голосом:

– Вы мучили их, вы пытали их. Вы сожгли их заживо, заперев в хижине. И сейчас вы сознаетесь в этом прямо мне в лицо?! – Он зарычал, словно зверь.

Я увидела, как из-под ворота рубашки Кэрка проглядывает шнур, на котором должно быть висел ключ. Сейчас он заменял волю и все чувства

Кэрка. самого капитана тут не было.

На поляне стояли мальчишка, даже не доставший меч, кузнец, лишившийся его, и я. Ветер вдруг залетел в прорезь моего шлема, заставив на миг зажмуриться:

– Это я убила твоих сестер. – Я понадеялась, что ключ пропустит эти слова в сознание человека. Пока Кэрк медленно оборачивался на мой крик, я успела произнести многое. – Я пыталась их и сожгла их. Я сделала им больно.

Лишь сейчас я поняла, что тренировки с Атосом, бой около башни и с мальчиком-рыцарем, – все они ничего не стоили и не сделали из меня мечника. Моим противником сейчас был один из опытейших бойцов Розы с силой удесятеренной проклятым артефактом. Я все еще смутно помнила ту мощь и ловкость, с которой убила мальчика-рыцаря. Сейчас эта сила принадлежала моему противнику. Я неплохая мечница, но достаточно ли тут было быть просто «неплохой»...

От медлительности Кэрка не осталось и следа. Меч, на котором все еще блестела кровь Хейза и неузнанного парня, со свистом рассек воздух. Я уклонилась – даже Атос признавал, что уворачиваюсь я лучше всех. Снова удар, и я ушла влево. Поляна была слишком маленькой, чтобы на ней можно было проворачивать этот трюк вечно. Мне надо было срезать с Кэрка шнурок с ключом. Дотянуться до него!

Кэрк даже в одержимом состоянии был далеко не дураком. Разгадав мою тактику, он выхватил с бедра кинжал и начал орудовать двумя руками. Дистанция между нами уменьшалась, и у меня совсем не было пространства для маневра. Влево, вправо.

Удар настиг меня неожиданно. Я была без брони, и кинжал Кэрка прошел между ребрами и вышел сзади. Я больше не ощущала себя ветром, внутри остались только боль и страх. Я как никогда чувствовала себя мертвецом. Черные глаза смотрели на меня чуть дольше секунды. А затем Кэрк произнес:

– Положи этому конец. Не бегай, убей меня.

Этот голос был настолько спокойный и грустный, так напоминал настоящего Кэрка, что мне на секунду показалось, что он вернулся. Но капитана все еще не было – меч начал опускаться на мою голову. Я рванула вправо, почувствовав, что кинжал прорезает ткань и кожу. Меч не успел за мной, но задел одно из стальных «ушек» шлема и сбил его с меня.

Голове стало непривычно прохладно. Мои короткие стриженные кудри словно поцеловал ветер. Бок жгло, а я смотрела в глаза Кэрка и видела, что по лицу его бегут слезы. Еще один короткий порыв ветра

принес запах крови наших товарищей, лежавших на траве.

Я тоже ветер. Я ведь и вправду могу двигаться быстро, когда захочу. Я могу достать меч и, поднырнув под руку своего друга, ударить локтем левую руку с кинжалом, отбросив ее назад. От меча в правой руке я могу защититься, воткнув в локоть метательный нож. Я могу ударить его по кадыку и, возможно, это даст мне время сорвать с него ключ. Я могу помочь моему другу.

Но время всегда играет по своим правилам. У меня не было секунды или мгновенья. Был просто меч Кэрка и мой. Он промахнулся, а мой с глухим сосущим звуком вошел в грудь капитана чуть ниже сердца. Следующим движением я сорвала с шеи Кэрка ключ, зашвырнув его в траву. И тут же вся сила и ярость капитана исчезли. Черное пламя испарилось, а Кэрк повалился мне на руки.

Он был еще жив. Глаза снова позеленели и вполне осмысленно и с интересом смотрели на меня. Мне хотелось сказать что-то вроде: «Не говори, береги силы. Подожди, врач поможет тебе». Но это было такой чушью. Я просто влажной рукой убрала прядки с его лба.

– Лис, а ты симпатичная. – На его губах выступила кровь. – Слушай меня внимательно. Расскажи сегодня у костра о ключе. И уходи... – Слова начали даваться ему с трудом. – Забери с собой Атоса... Если надо, силой... И расскажи сказку... Сегодня твой черед...

Мне пришлось зажмуриться, потому что к горлу подступили слезы. Я не плакала три года, даже в самое тяжелое время. И не хотела сейчас:

– Кэрк, я сделаю...

Он уже смотрел в голубое небо. Все складки и морщинки на лице капитана разгладились, а губы застыли в улыбке. Тяжелая капля сверху упала ему на ресницы и скатилась к внешнему уголку глаза, а оттуда вниз по скуле. Затем еще одна упала на щеку.

Я не плакала давно. Так истерично, по-женски, навзрыд. Обхватив голову Кэрка руками, я баюкала ее, прижимаясь своим лбом к его. А слезы все лились и лились. Вокруг было много голосов, но никто не подходил ко мне. Наконец, когда я выплакала казалось уже все слезы, осмотрелась. Так много людей, и когда они успели появиться?

Неподалеку Алайла подняла что-то с земли и аккуратно завернула находку в носовой платок. Справа от нее стояли солдаты, которые переговаривались: «Девчонка. Точно, смотри. Убила Кэрка. Может, она одержима? А этих тоже убила? Откуда девушка в армии? Смотри, шлем Лиса. Это Лис? А Атос знал?» Слова, слова – такие непонятные сейчас. Я всхлипнула, пытаюсь вздохнуть. И перевела взгляд за другое плечо.

Там стоял Атос и держал в руках мой шлем. Он взглянул на меня, так равнодушно, что у меня защемило сердце. Генерал кинул шлем к моим ногам и, развернувшись, пошел прочь, не сказав ни слова.

Сзади, что-то доказывая, кричали Тэддо и Фил. Среди всего этого хаоса спокойным выглядел только Кэрк. Его распахнутые и неподвижные глаза всматривались в небо, где он, наверное, уже встретился со своими сестрами.

* * *

– ...и это все, что я знаю о ключе. – Я осмотрела маленькую группу людей, собравшихся вокруг костра. Слишком мало, чтобы спасти всех, кого я хотела бы предупредить. Но, если честно, я была удивлена, что пришел хоть кто-то. Фил и Тэддо, само собой. Неожиданно Сильвелл, пара новичков, несколько знакомых лиц – едва ли даже дюжина.

– Если вы не верите мне и считаете, что я убила Кэрка намеренно и сейчас порочу его память гнусными речами, а также задеваю честь генерала Алайлы – можете вызвать меня на дуэль, – я развела руками. – Правда, вам придется вначале найти мне меч. Свой я сдала вместе с приказом на увольнение. Сегодня мой последний вечер у этого костра.

Молчание продолжалось. Мне показалось, что я была недостаточно убедительна, рассказывая об ужасах ключа, что мне не поверили. И это больно задело меня. Так хотелось, чтобы взорвалась буря негодования, люди начали сдавать мечи и уходить из легиона... Мне не поверили...

– Сегодня твой черед. – Тэддо поднял на меня глаза. Его голос был тих и печален. – Я слышал, Кэрк просил тебя рассказать сказку. Последнюю сказку этого костра.

– Нет, – произнесла я достаточно громко, чтобы меня услышали все собравшиеся. – Костер Кэрка и дальше будет носить это имя. Неважно, кто его будет разжигать. Может даже именно ты – Тэддо. Это наша память о нем, о том, что он нам дал.

– Имеет ли право крикливая баба давать такие указания? – К костру подошел Феррос. Давненько я его не видела. Он порастерял лоск – говорили, что его отряд у крепости Реймис здорово потрепали. Выглядел капитан озлобленно, но какой-то неуверенно.

– Думаю, что имею. Феррос, ты можешь ненавидеть меня и презирать, но ты общался с Кэрком. Он был если не другом тебе, то надежным товарищем в битве. Ты знал его гораздо дольше, чем я...

– А ты его убила, – пристально взглянув, закончил он фразу. Несмотря на его слова, я не видела желаний прилюдно расправиться со мной, только искреннюю скорбь. В Ферросе? Какие странные открытия приносят трагедии.

– Да, убила. Но ты же веришь, что он был одержим?

Феррос все молчал и, наконец, произнес, глядя в пляшущее пламя костра:

– Уже поздно. Ты собиралась начать рассказ.

– И вправду. – Я сложила пальцы в замок, положила руки на колени и обвела взглядом присутствующих. – Пока я была гостем костра Кэрка, тут было рассказано много историй: печальных, веселых и пугающе правдивых. У большинства из них была мораль, и они нас чему-то учили. Моя сказка – именно сказка. Она не дает пищи для ума. Но мне бы хотелось поделиться ей.

И вдруг из тени деревьев неслышно начали появляться силуэты. Мои мятежные речи против генералов закончились, и многие солдаты из других отрядов и подразделений пришли к костру Кэрка, чтобы проститься с ним. Везде, где мелькало его веснушчатое лицо, он притягивал людей как магнит. Они знали, что попрощаться с капитаном нужно было здесь, не распивая вино за его душу и не произнося громкие речи. Кэрк бы хотел, чтобы у костра продолжили рассказывать истории. И я расскажу – это будет лучшим прощанием...

Мне подумалось, что я уйду и растаю в памяти этих людей. А молодой симпатичный веснушчатый капитан будет жить здесь всегда. И его костер никогда не потухнет.

Сказка Лис:*Лисий чертог**

На севере в лесу стоит прекрасная башня. Она не столь высока, чтобы возвышаться над дремучей чащей, но с близрасположенных холмов ее хорошо видно. Облицованная белым известняком с вкраплениями слюды и ракушечником у подножья, она словно излучает свет.

Внутри нет винтовой лестницы, как это бывает в обычных башнях. Попасть наверх можно только по шатким мосткам, опоясывающим ее от основания до самой верхушки. Крыша этой удивительной башни целиком сделана из тончайших пластин хрусталя. В ясную погоду она посылает солнечные зайчики на

листву каждого дерева в лесу, что расположен вокруг.

Мне хочется немного рассказать и о комнате наверху этой башни. Из-за прозрачной крыши в солнечные дни светом здесь залит каждый уголок. Толстые фолианты раскрытыми лежат на белом полу. На сияющих полках расположились колбы со снадобьями и редкие растения. А посреди комнаты лежит каменная плита в форме ложа. Вся комната заставлена ларцами: большими и маленькими, украшенными самоцветами и простыми деревянными, старинными и еще пахнущими лаком. Хотя их расположение кажется хаотичным, но все вместе они производят весьма гармоничное впечатление.

Тогда в белой башне жил маг. Сияющий, если точнее. Вечно юный и вечно прекрасный, он целые дни проводил в комнате наверху под палящим светом. Он не был из тех магов, что нападают на людей. Они были слишком скучны для него, и жители деревеньки неподалеку очень ценили такое равнодушие. Он и селяне держались подальше друг от друга. Каждый знал свое место в этом мире: они пахали поля, а он изучал суть вещей.

Его увлечение было связано напрямую с ларцами, заполнявшими верхнюю комнату. В каждом из них содержалось чистое чувство, некогда выраженное обычным человеком. Восторг маленького мальчика, впервые увидевшего трепещущие крылья стрекозы. Скорбь матери, провожающей сына на войну. Удовлетворение пахаря, притронувшегося рукой к первым росткам зелени, появившимся на его поле. Каждое кристально-чистое чувство было поймано и заключено в ларец, и хранилось в нем словно драгоценность в вечности.

Но как оно часто бывает с увлеченными людьми, маг никак не мог найти желаемого. Целью его исканий стала любовь, которой, казалось бы, так много в нашем мире. Однако вся любовь, которую маг наблюдал, казалась ему ненастоящей и скучной. Одни люди были полны похоти, другие строили чувство на уважении и доверии, иногда любовь путали с жалостью. Словом, везде это чувство было смешано с другими, словно горсть алмазов с глиной. Это раздражало нашего всемогущего мага. И он искал все более запретные пути, не замечая, что пристальные глаза богов уже обращены на него...

Однажды, гуляя по своему лесу, он набрел на лисенка, попавшего в капкан. Лис в том году было множество, и охотники

из деревни открыли на них охоту. Я не знаю, что промелькнуло в голове мага, видевшего столетия, и почему он освободил животное и отнес его в башню. Возможно, ему было одиноко, несмотря на все его презрение к людям. Он выхаживал лисенка несколько дней, врачую поврежденную капканом лапку. И на время даже забыл о своих поисках.

Он был более похож на человека, чем нынешние Сияющие. Ему требовались и сон и еда. А спать он предпочитал на своем каменном ложе, откуда в звездные ночи через хрустальную крышу он мог рассматривать карты неба, и где он просыпался с первыми лучами солнца. Лисенок, пока заживала лапка, спал у него в изголовье.

И вот в одну из ночей боги вышли из тени и разыграли шутку над возгордившимся магом, думавшим, что ему все дозволено. Небожители решили посмеяться над своим бессмертным младшим братом и ночью наложили на башню чары. Утром следующего дня на ложе проснулись уже не маг и лисенок.

Маленькая девочка с копной ярко-рыжих волос сладко спала, пока по комнате метался крупный лис с прекрасной черной шкурой, покрытой белыми подпалинами. Впрочем, очень скоро ребенок проснулся и заплакал. И чтобы утешить дитя или просто заставить ее замолчать, пушистый лис свернулся рядом с малышкой, позволяя гладить и тереть свою густую шерсть.

Время шло. И селяне начали все чаще встречать эту странную пару. Маленькая огненно-рыжая девочка и красивый, с необычной статью лис, всюду ее сопровождавший. Ребенок познавал мир, а животное словно учило его. Хотя лис и не говорил, но казалось, они общались. Деревенский народ, привыкший к чудесам от своего Сияющего соседа из башни, старался не трогать девочку и странное животное.

Но однажды малышка сама пришла в деревню. Она хотела учиться говорить и общаться. Лиса с ней не было, он не рискнул прийти к людям. Но от девочки исходили такие мощные потоки добра, веселья и простодушия, что даже у самого дурного человека в деревне не мелькнуло мысли выставить ее за ворота.

И снова шло время. Девочку стали звать Лисьей Дочерью, и она была частым гостем деревни. Все знали, что она с большим лисом живет в белой башне, но ее об этом не расспрашивали. Все

от мала до велика полюбили ребенка. Она звонче всех пела песни, лучше всех придумывала игры, охотно помогала по хозяйству каждому, кто просил помощи. На ночь она всегда уходила в башню, а у выхода из деревни ее каждый вечер встречал черный лис.

Сменялись времена года, и малышка подросла. Двенадцать лет минуло с памятной ночи перевоплощения. В тот год снова лисицы расплодились, и охотники опять взялись за луки и капканы. Однако, увидев первые же вывешенные на заборе для просушки лисьи шкуры, девочка горько расплакалась и исчезла из деревни на неделю. Впрочем, она вернулась еще веселее, чем обычно. А лисы странным образом стали избегать капканов и охотников.

Удивление жителей деревни все росло. Прекратились ночные набеги на курятники и прочие мелкие пакости, доставляемые лисами. Появление этих животных вдруг начало приносить крестьянам удачу. Случалось, что лисы оставляли у ворот дома с большим количеством трав, которые Лисья дочь перетирала в порошок и давала страдающему. Лекарства помогали, а девочка отказывалась от благодарности и просила лишь быть добрее к лисам.

В голодные годы лисы приносили селянам часть своей добычи, оставляя тушки диких зайцев и куропаток у входа в село. Лисы выводили из леса запутавших малышей. А торговцам, следовавшим за этими рыжими зверьками, открывали короткий и безопасный путь.

Каждое доброе дело откладывалось в памяти людей. А если забывалось, то рыжая девочка напоминала о нем. То тут, то там начали появляться грубые фигурки сидящей у дороги лисы. Люди таковы, что не могут просто принимать помощь, да еще от лис – они ищут божественные силы во всем. Из мелких хищников лиса стала добрым лесным духом.

А девочка тем временем выросла в прекрасную девушку. Многие парни пытались заполучить ее в невесты, но она с затаенной печалью отказывала всем. Из Лисьей дочери она превратилась в Лисью Сестру. И все так же не оставалась в деревне на ночь, но вкладывала все больше сил в помощь людям. Ее стараниями заработала маленькая школа и лавка с травами при ней. Она обучала крестьянских детей грамоте и странным

наукам, не ясным их родителям: ходу звезд, расположению стран, силам природы. Дети искренне любили ее, а родители, выросшие с ней бок о бок, не боялись доверять своих чад стараниям Лисьей Сестры.

Стоит рассказать еще и о том, что черный лис мало-помалу тоже начал захаживать в деревню. Сначала он сделал один шаг по дороге в деревню, на следующий день на два. Доверие к рыжей девушке было так велико, что видя, какую любовь и ласку она дарит лису, к животному потянулось весь местный люд. И очень скоро великий маг и чародей, покорявший стихии, был прозван Пушком и обласкан каждым селянином.

Грубые и неопрятные простые крестьяне и ремесленники, проходя мимо школы, гладили по аристократической морде Пушка и желали ему хорошего дня. И лис, кажется, тоже привык и даже смирился с детьми, дергающими его за хвост. Он ни разу не напал ни на одного жителя деревни, а лишь скрывался в лесу, если ему грозила опасность.

А время шло. Мудрые глаза лиса следили, как рыжеволосая девушка превратилась в молодую женщину, которая стала принимать роды и лечить самых тяжелых больных со всей округи. Она набрала в школу новых учителей, и отдалась медицине, врачуя и знахарствуя. В рыжих волосах впервые появились седые прядки, и Лисья сестра стала Лисьей Матерью.

Количество идолов-лис все росло, поклонятся лисьим духам стали и в соседних деревнях. Пушка, за ум и то, что лис не старел, единодушно признали возрожденным лисьим богом, а его рыжая подруга, узнав об этом, только посмеивалась.

Божественный промысел лис подтвердили еще два значимых события. Первым стала битва за стадо, когда стая лис отбила у дюжины волков потерянных селянами овец. Пастух, который стал свидетелем расправы, клялся, что лисы растерзали матерых хищников в клочья.

Другой легендой стал Лисий бой, когда забредшая в те края банда наемников решила поживиться у деревенских людей задарма. Не успели они выдвинуть свои требования, как из леса хлынул поток рыжих, серых, бурых лисиц всех размеров и мастей. Возглавлял лисью армию известный всем в округе Пушок. Солдаты даже не успели достать мечи, как огненная волна захватила их, повалила и понесла прочь от деревни. Это

кажется, что лиса зверь мелкий и слабый. Но тысячи этих зверей с острыми зубами и прочными когтями без проблем расправились с бандой. Пару павших лисиц хоронили на церковном кладбище с речами, которым позавидовали бы многие герои.

А время продолжало идти. Черный лис следил за каждым движением Лисьей матери, за каждой ее улыбкой и жестом. Он не хотел, но замечал морщинки у глаз, подрагивающие руки, замедляющуюся речь. Она все еще была прекрасной и статной женщиной, и, безусловно, самой уважаемой целительницей и учительницей в округе. Ее любили все, но пришло время, когда ее стали звать Лисьей Бабушкой...

Она и Пушок вернулись в белую башню, открыв нижний этаж для посещений. Сюда стали приходить за советом и помощью. Дети прибегали послушать сказки, а взрослые просили помолиться за них лисьим богам.

Башня изменилась не только с приходом людей. Лис стало столько, что они спокойно и безнаказанно гуляли по лесам. Убийство лисы приравнивалось к самым тяжким преступлениям, поэтому они спокойно бродили то тут, то там среди деревьев. Лес Сияющего наполнился лисами и людским смехом.

Больше всего лисы полюбили белую башню. Они взвивались по спиральным мосткам, как языки пламени, рыжими хвостами обжигая белую облицовку. Лишь им одним, кроме Лисьей Бабушки и Пушка, разрешалось проходить в комнату с хрустальным потолком.

Таинство и недобрая магия, казалось, покинули лес. Поэтому и башню и лес вокруг люди перестали звать Уделом Света. Все чаще его называли Лисьим Уделом, а еще чаще – Лисьим чертогом. Может, кто и подозревал в статном, нестареющем Пушке бывшего владельца башни, но люди предпочитали принимать жизнь такой, какая она есть. А без мага, но с Лисьей Бабушкой и Пушком, лес стал добрее и безопаснее.

Но время шло, и однажды Бабушка заперла двери нижней комнаты башни. Она попрощалась с любимыми учениками и попросила разнести весть, что более ее не надо посещать. На голове пожилой женщины не осталось рыжих прядей, только седые. И все понимали, что это значит. Как ни печалились люди,

но желание Лисьей Бабушки было законом.

Она и ее верный друг в последний раз поднялись в верхнюю комнату башни, заполненную ларцами. Высокая статная старуха улыбнулась своему спутнику и прилегла отдохнуть на каменное ложе. Черный лис устроился у нее в головах, овеявая прекрасное лицо пушистым хвостом. Они любовались звездами всю ночь, а может – делились секретами.

Утром с ложа поднялся молодой юноша. Маг не постарел ни на один день – шутка богов не коснулась его сил. На его руках покоилась совсем старая и абсолютно седая лисица. Она, вероятно, умерла еще ночью, но маг продолжал нежно баюкать ее на руках. И с первыми лучами солнца он отправился в лес, где своими нежными руками вырыл могилу. Лес порыжел, на эти похороны пришли все лисы, даже из самых дальних окраин, за многие километры. Как пришли, так и исчезли – с последней горстью земли – словно туман.

Маг не проронил ни слова ни до похорон, ни после. Он так привык молчать, что не видел смысла в пустых разговорах. Поднявшись в свою комнату, он начал открывать один за другим все свои ларцы, выпуская собранные за столетия чувства на волю. Поднимаясь, подобно искрам, и смешиваясь друг с другом, чувства как ураган бурлили под хрустальной крышей. И наконец перемешавшись, создали три цельных и полных. В три одинаковых ларца маг уложил Истину, Надежду и, конечно, Любовь, которую так долго искал. Все они не могли быть чистыми, но были рождены смесью всех чувств на свете. И как без надежды не бывает любви, так и любовь помогает понять истину и суть вещей.

Окончив свой труд, маг прилег на каменной ложе и заснул. Он и сейчас спит там, а в изголовье стоят три запечатанных ларца.

Осталось добавить, что поклонение лисам сошло на нет. Те одичали и перестали помогать людям, а люди быстро забывают свою историю. Про Лисью Бабушку все еще ходят легенды, и порой на дорогах можно найти фигурки сидящих лис.

Место так и продолжает называться Лисьим чертогом, и иногда люди пытаются счастья, надеясь подняться на самую вершину, под хрустальный купол, и открыть один из ларцов, чтобы завладеть истинным чувством. Получилось ли у кого-

нибудь это сделать, мне не известно.

#Бусина седьмая

Когда я закончила рассказ, и наконец подняла взгляд от языков пламени, мое внимание привлекла высокая фигура. Мужчина стоял в тени, прислонившись к стволу дерева. Атос наблюдал за мной на протяжении всего повествования. Но сейчас, заметив, что я тоже смотрю на него, щурясь от света костра, он сделал шаг назад и растворился во мраке.

Сказка была завершена, и люди начали расходиться.

Я ощупала бок. Пока я рассказывала историю о Чертоге, боль ни на секунду не затихала. Док сказал, что я, вероятно, родилась в рубашке – ни один из внутренних органов не задет, кинжал Кэрка лишь разрезал кожу и чиркнул по ребру. Хотя по мне так это была не удача, а жест милости со стороны моего товарища. Скорее всего, он сам сдержал свою руку. Обидно, что только-только сняв бинты, скрывающие грудь, я облачилась в бинты, врачующие мое тело. Прикосновение к боку отдалось болью, и я раздраженно опустила руку к ноге, задев что-то прохладное. В ногах валялся мой шлем. Подняв его, я начала привычными движениями стряхивать с него грязь. Правило номер один – никогда не снимать шлем – было нарушено Кэрком. Но стоило ли об этом жалеть? Я совсем забыла, что такое свежий ветер, ласкающий кожу. Мир, ранее сузившийся до прорезей в шлеме, теперь стал широким и будто более полноцветным.

Мой шлем. То, что подарило мне имя, и, возможно, изменило мою жизнь раз и навсегда.

В один из дней своего отчаянного бега по югу страны, я устроилась служанкой в придорожную таверну. Это жалкое строение стояло на перепутье двух торговых путей и, несмотря на протекающую крышу и всего четыре места в крытой конюшне, пользовалось спросом. Сюда заезжали странствующие рыцари, мелкие торговцы и бандиты. Радужный красномордый хозяин «Теплого угла» никому не отказывал в ночлеге, если гость платил не обещаниями, а монетой.

Работа у меня была муторная: приходилось много стирать, чистить, разносить еду по комнатам, отбиваться от грязных рук на моих бедрах и не менее грязных намеков. Именно тогда я впервые остригла свои шелковые каштановые кудри, которые раньше спускались до самого пояса. Свою гордость и то, что мать называла главной моей красотой. Но в таверне «Теплый угол» жила уже девушка без матери, красоты и гордости. Ей такие волосы были ни к чему.

Имена я меняла с каждым новым местом, и в таверне меня знали как Арианну. Хозяин думал, что я беглая преступница, но за сокращение жалования великодушно не сообщал обо мне представителям закона.

Самым сложным, пожалуй, было общаться с постояльцами. Для некоторого типа мужчин девушка, даже с перепачканным сажей лицом и обкорнанными волосами, оставалась желанной добычей.

Именно эта мужская жадность до беззащитных служанок и привела лисий шлем в мои руки. Я так и не узнала, кем был его владелец – просто один из постояльцев таверны, заказавший в комнату поздний ужин. Он даже не начал со скабрёзных комплиментов, как это обычно бывало. Просто подкараулил, когда я принесла еду и, заломив мне руку за спину, повалил на кровать. Я была испугана, да. Но когда я увидела, что насильник даже не снял шлема, такого странного и нелепого, во мне впервые за время скитаний вскипела ярость.

Жизнь в бегах научила меня действовать по обстоятельствам, и я, схватив свободной рукой с подноса глиняный кувшин, разбила его о шлем нападавшего. Мужчина отпустил меня. Он выпрямился и стоял, шатаясь. Я соскользнула с кровати и схватила валявшуюся кочергу... Остановилась я лишь, когда мужчина затих. Здесь часто случались драки, поэтому на шум никто не обратил внимания.

Это был первый убитый мной человек. Человек ли? Те чувства, о которых я читала в романах: боль и отчаяние из-за отнятой жизни – ничего этого не было. Вместо этого я, стоя над телом, ощущала странную радость. Подобное чувство проснулось во мне спустя много времени... когда избивала кулаками в кровь солдата, толкнувшего меня. Но в «Теплом угле» страх перелился через край, словно молоко из наполняемой крынки, и залил растущий пожар ярости.

Я украла кошель незнакомца и сбежала из таверны. Правда по непонятной причине прихватила еще и шлем, который на долгие месяцы скрыл мое лицо от людей.

Теперь бесполезный, он лежал у меня на коленях. Кэрк повредил одно из «ушек» своим мечом, что придало шлему вид провинившегося питомца. Костер уже потух.

– Я тебя не брошу, ты останешься со мной. – Я ласково, словно зверька, погладила шлем. – Как напоминание обо всем, что было. Я не надену тебя снова, но всегда буду помнить, какие возможности ты открыл для меня. – Так, я разговариваю со шлемом... Кажется, мне все-таки нужен друг.

*Я свадьбой пьян, цветет бурьян,
И краше всех – одна
Невеста-цвет, прекрасней нет,
Нежна и холодна...
Как Алой Розы лучший день,
Зовет нас всех встречать.
Алайле ветер будет петь,
А солнце – целовать...*

– Отвратительный мотив. И стихи на редкость нелепые. – Я подошла к своему старому знакомцу, единственному барду в легионе Розы – Ауссирио. Перекупленный нами у Белых Лилий, он нес свою поэтическую чушь под звуки лиры, раздражая всех у кого был вкус к настоящей музыке. – К слову, с чего ты вдруг поешь про невест?

– А, ведь это же Лис – наш мальчик-солдат, неожиданно перевоплотившийся в девушку. – Ауссирио перебрал струны-лиры. – Ну, могу посвятить что-нибудь и тебе, пока ты еще нас не покинула:

*Девуца шлем с лисой надев,
Пошла на бой с копьем,
Ее, смелейшую из дев,
Мы дружно...*

Я резко перехватила его запястье, заставив замолчать и инструмент, и певца. Меня могли презирать после истории с обманом, но поединок с Кэрком научил людей относиться ко мне с опаской.

– Что про невест, Аусси?

– Последние новости и последний заказ. Алайла и Крамер женятся. Мне приказали написать эпос по этому случаю, а я не в настроении. – Бард начал дергать себя за жидкую бороденку.

Меня вряд ли могло что-то удивить, но свадьба посреди этого бедлама была верхом глупости. Прошло совсем немного времени, как захоронили несколько сотен солдат, павших у крепости Рэймис, еще не стихли стоны раненых, а эта парочка решила закатить свадебный пир. Видимо, им давно

уже не терпелось, или были веские причины, может даже связанные с ключом. Бедный Атос... Гостевание в его палатке, красноречивые взгляды, что он бросал на Алайлу. Вряд ли у них был роман, но мой учитель, и я это видела, был по-юношески влюблен в прекрасную госпожу нашего легиона. И на что он надеялся? Подобный неравный брак возможен только в сказках – вспыльчивый мальчишка-крайниец и высокородная дама с состоянием. Принцессы всегда выбирают принца.

Вот она и выбрала своего принца. Сложно представить, как теперь будут распределены силы в легионе. Атос и так частенько не принимал участия в управлении, взять хотя историю с ключом. Теперь против него выступала супружеская пара, у которой нет секретов друг от друга. Было ясно – Атоса эта свадьба ставила в довольно шаткое положение. Да еще удар, нанесенный историей со мной – ученик, оказавшийся не тем, за кого себя выдавал. Смерть Кэрка...

Оставив певца с его бездарной музыкой, я направилась в изумрудный шатер Крамера, надеясь застать и жениха, и невесту. Всю ночь я придумывала фразы, которые хотела бы сказать Алайле. В истории с ключом мне многое было непонятным, но я четко видела ее начало и конец. Меня заставили выкрасть некий магический артефакт, который лишал рассудка человека, держащего его. Силы ключа я почувствовала на себе, когда на выходе из замка Рэймис начала видеть кошмары из своего прошлого и убила мальчика-рыцаря Желтой Череды. Алайла, которой я передала ключ, не спрятала его, а спустя несколько дней передала Кэрку. Не сомневаюсь, что идея надеть его на шею также принадлежала ей. Они виделись тем утром, это подтвердил и сам капитан. Бессмысленная разведка, в которую отправили меня и Кэрка, имела лишь одну цель – удалить нас из лагеря. Я никогда не ходила в разведку, что наталкивало на мысль, что в отряд я попала по одной простой причине: я как и Кэрк знала, что именно мы нашли в замке Рэймис. Мы видели ключ и догадались о его силе. Я была уверена, что Алайла знала, как все закончится. Скорее всего, она надеялась, что в битве с демонами Кэрка падет весь отряд. Я спутала ее планы. Но что может одна жалкая девчонка? Останься я в Розе, для меня могли бы найтись еще смертельные задания, в этом я не сомневалась.

Сейчас, распахнув полотно, служащее дверью, мне, наконец, пришло в голову самое уместное прощание.

Они оба были здесь. Изучали приколотую на стену шатра карту Королевства и что-то тихо обсуждали. Обернувшись на звук, Алайла легко улыбнулась и собиралась уже что-то сказать, но я заговорила первой.

– Я ухожу. Сдала оружие, и все мои счета к легиону закрыты. Я знаю,

кто виновен в смерти Кэрка. И когда вернусь, а я вернусь – я буду сильнее. И убью этого человека, – я пристально смотрела на Алайлу, игнорируя Крамера.

– Смелые слова. – Судя по тому, как холодно прозвучал голос Крамера, он был в курсе истории. Значит, убийц было двое. – Смешно слышать их от беспомощного бывшего легионера.

– Смелые и бессмысленные. Дружок, ты, в самом деле, думаешь, что нам стоит тебя опасаться?

Алайла отошла от карты и, скрестив руки на груди, внимательно осмотрела меня с ног до головы. Я почувствовала себя лошадью на ярмарке. Хотелось спорить с ними, объяснять, что смерть Кэрка не пройдет просто так, что мои угрозы – не пустые слова. Но это было бы глупо.

– Я все сказала. Поздравляю со свадьбой – Я развернулась к выходу.

– Один вопрос. – В голосе Алайлы прозвучало плохо скрываемое любопытство. – Почему ты надела шлем? Как видишь, женщина при определенных талантах может и не скрывать своего лица, даже в легионе.

Я только усмехнулась и вышла. Пусть хоть что-то останется загадкой для этой стервы.

* * *

Проходя между нестройными рядами палаток, я размышляла, как много изменилось за прошедшие месяцы в легионе. Мои двухгодичные скитания до Алой Розы были словно размазанный по полотну этюд, а жизнь здесь за столь короткий срок стала законченной картиной. Я знала в легионе каждый уголок и многих людей. Кто-то ненавидел меня, кого-то ненавидела я. Но именно здесь я обрела имя и снова смогла смеяться.

У каждого костра или шатра была своя история. Вон синяя палатка лазарета с серебряными звездами и грубыми стежками, перекрывающими широкий разрез в человеческий рост. Эту палатку порезал Лунн: дурак и пьяница, который хмельным отлеживался в ней после ранения. Лунн с чего-то решил, что находится в тюрьме, и начал в прямом смысле прорубать себе дорогу к «свободе».

А вон справа седлают красивого молодого коня с коричневыми ногами и длинной белой гривой. Когда я пришла – он был еще жеребенком. Насколько я знаю, он отойдет отряду Ферроса, где ему дадут имя. А вот и сам Феррос, сидит и наблюдает за конем.

Капитан перевел взгляд на меня и едва заметно кивнул. Мы, конечно,

вряд ли пожмем друг другу руки, но и у нас было что-то общее – Кэрк.

– Лис... – На мое плечо упала рука, и я от неожиданности вздрогнула. Но сзади оказался всего лишь Сильвелл. – Или как тебя сейчас называть, я даже и не знаю.

– Все так же – Лис.

– Я просто хотел сказать: спасибо. Наверное, никто тебя так и не поблагодарил.

Я вопросительно посмотрела на парня. Он выглядел странно мрачным – таким я видела его впервые. Да и за что ему благодарить меня?

– Я уезжаю завтра вечером. После твоего рассказа моя любовь к Алайле остыла. Бывает так, ты влюблен в кого-то и не замечаешь признаков его безумия. Не слушаешь людей, игнорируешь все, что видишь сам. Но потом происходит что-то страшное. И ты понимаешь, как сильно заблуждался... – Легионер устало повесил голову.

– Ты даже не представляешь, насколько мне знакомо это чувство, – тихо проговорила я и пожала ему руку.

– Атос в кабаке в ближайшей деревне. Возможно, ты захочешь проститься с ним. Правда, он наверняка мертвецки пьян. – Сильвелл нервно передернул плечами. – Я бы не рискнул к нему сейчас подходить. Но вы много времени проводили вместе...

Я кивнула бывшему соратнику. Правда, я и так догадывалась, где мне искать моего бывшего учителя. Попрощавшись с Сильвеллом, я направилась к выходу из лагеря, ведущему к деревне и кабаку. У меня осталась единственная работа здесь: самая тяжелая и, может быть, неосуществимая.

* * *

Кабак находился не в самой деревне, а чуть в стороне. Полагаю, это было сделано, чтобы не мозолить глаза деревенским парням выпивкой и музыкой. Хотя, может быть, дело было в частых драках, которые всегда случались в подобных местах. Все любят выпивать, но никто не хочет, чтобы бедлам переезжал в твой дом и происходил у тебя на пороге.

Я вошла в задымленное помещение: чад, дешевый табак и какие-то испарения, перемешавшись, наполнили воздух резкой вонью. Под высоким потолком висели связки сушеного лука, а наверху в сизый дым уходили лестницы, по которым сновали служанки с кружками и подносами.

Атоса было трудно не заметить. Он, словно Поглощающий, расчистил

вокруг себя пространство, вызвав страх и неприязнь у окружающих. Огромный генерал одиноко сидел за угловым столом и успел, видимо, уже изрядно поднабраться. Об этом говорил ряд пустых бутылей из-под какого-то дешевого пойла, выстроившийся на столе. Упершись пустым взглядом в свои кулаки на грубой деревянной столешнице, он выглядел уснувшим с открытыми глазами. Но вдруг очнулся, взял полупустую бутылку и осушил ее в один прием.

– Еще, – крикнул он хозяйке кабака, мясистой женщине неопределенного возраста, которая, отложив грязную тряпку, принесла ему пару новых бутылей, а затем вернулась за стойку. Своей отвратительной тряпкой она натирала пивные кружки. От этого вида у меня к горлу подкатила тошнота.

Мне хотелось верить, что сейчас Атос заливает боль от утраты Кэрка. Но в тайнике моей души под замком хранилось другое знание: Алайла выбрала Крамера.

– А я все думал, когда ты появишься... – проговорил Атос, продолжая смотреть на свои руки. Но его слова, без сомнения, были обращены ко мне. Я тихонько присела на скамейку напротив него.

– Что именно ты пришла сказать, *моя леди*? – Он сделал ударение на последнем слове.

– А что я могу сказать? Да я девушка, да я врала тебе. Если это делает меня плохим человеком...

– Это делает тебя лгуньей, а мне этого достаточно, чтобы больше никогда не говорить с тобой. – Он жестом указал мне на выход и откупорил новую бутылку.

Я привыкла подчиняться его приказам и советам на тренировках. Поэтому раньше, чем я осознала, мое тело поднялось со скамейки и сделало пару шагов. Но я вспомнила Кэрка и его просьбу.

– Я хочу, чтобы ты ушел из Розы вместе со мной.

Атос посмотрел на меня недоумевающим и каким-то блуждающим взглядом. Было видно, что он очень пьян. Другого бы эта доза свалила. Даже не отвечая на мои слова, он мрачно рассмеялся и уставился на бутылку.

– Я серьезно. Ты ведь подозреваешь, что произошло с Кэрком, и кто в этом виноват...

– Замолкни!

Но сейчас меня уже ничто не могло остановить:

– Ты сидишь здесь и пьешь. Хотя у тебя-то хватило бы силы разобраться.

– Заткнись! – Он поднялся.
– ...ну ладно, не разобратся. Но уйти! Не участвовать больше в этом.
– Я предупреждаю тебя, – Атос обошел стол.
– ...а ты напиваешься, как последний трус, потому что не понимаешь, что происходит в родном легионе. И какая великая печаль! Аристократическая гордячка выходит за другого...

Кулак с размаху врезался мне в лицо. И я упала на пол, прижав ладонь к разбитым губам, сквозь пальцы сочилась кровь. Мне даже сначала показалось, что я выплюнула несколько зубов, но это оказались лишь орехи, слетевшие с соседнего стола.

– Обычно я не бью *женщин*. Но некоторые из них слишком много болтают. – Голос Атоса доносился откуда-то издалека, сквозь красный туман боли.

Где-то внутри меня, откуда-то из области живота, начало подниматься знакомое чувство ярости. Я знала, насколько силен Атос: он при желании кулаком мог забить человека насмерть. Его удар сейчас сбил меня с ног и разбил мне губы. Всего лишь. Даже пьяным и озлобленным он считал меня настолько беспомощным противником, что сдерживал себя. Я нащупала слетевшее при моем падении с соседнего стола глиняное блюдо из-под орехов.

Подскочив с диким криком из какой-то мешанины ругательств, я обрушила тарелку на Атоса. Он успел закрыть голову локтем, но блюдо все равно разбилось на части. Атос зарычал, а я, не контролируя себя, зарычала в ответ. Последние месяцы я восхищалась им, и единственным моим желанием было походить на него. Если бы я могла со стороны взглянуть на эту картину – то увидела бы, что мы стали почти близнецами в этот миг. В чаду кабака высокий парень в доспехах и низкорослая девушка в мужской одежде, рычащие как звери, с одинаковым выражением злости, исказившем лица, в почти одинаковой стойке. Я схватила стул за спинку и подняла над головой, он зеркально оторвал от пола скамью.

– А теперь аккуратно поставьте мою мебель на место.

Мы одновременно обернулись и увидели, что кабатчица достала огромный арбалет и теперь целилась в нас. Мы тихо, словно провинившиеся дети, поставили свое «оружие» на пол.

– У нас тут пристойное заведение! И если вы не умеете себя вести, то выметайтесь. – От гнева владелица кабака покраснела еще сильнее прежнего. – Ну же, чего ждем? Живо!

Отступая назад и держа руки на виду, мы вышли через неприметную дверь на задний двор кабака. Здесь рос развесистый платан, увешанный

созревшими плодами. Первым к дереву подошел Атос и, упершись спиной, съехал прямо на землю. Я обошла дерево и села так же с другой стороны. Ярость стихла.

Внезапно я начала хохотать, да так, что слезы полились и начали жечь разбитые губы. Атос с другой стороны ствола не выдержал:

– Что?!

– Это же задний двор. Ахахаха! Дерево на заднем дворе кабака! Это же писательное дерево. Мы сидим тут... – и снова засмеялась.

Сначала Атос закашлял, потом, не выдержав, тоже засмеялся. Мы хохотали, как случалось на тренировках, пока я не охрипла.

– А я думаю, чего так мокро сидеть, – сказал Атос. Приступ хохота возобновился, и у меня уже начал болеть живот, а затем и бок. Рубашка покраснела – похоже, открылась рана. Чертыхнувшись, я заглянула на сторону Атоса. Он сидел, свесив свои пепельные космы на лицо. При свете зарождающейся луны я увидела только улыбку на его полных красивых губах.

– Разве я стала хуже от того, что я девушка, – произнесла я почти шепотом. – Разве я сильно изменилась? Стала глупее? Медленнее? Разве Лис не может быть девушкой, чтобы быть твоим учеником?

Он ответил не сразу, но когда заговорил, голос его был четче – словно он протрезвел:

– Это слишком многое меняет...

– Но что?

– Ударив в таверне Лиса, я бы думал, что парень получил по заслугам. А сейчас... – он поднял голову и посмотрел на небо, и я с удивлением заметила, что он, кажется, совершенно протрезвел. – А сейчас я чувствую себя виноватым и думаю, что подпортил хорошенькую мордашку.

– Если от таких мыслей ты будешь меньше колотить меня по лицу – я, знаешь ли, не против. – И коснулась распухшей губы. Он перевел на меня взгляд и улыбнулся совсем так же, как бывало в прежние дни.

– Атос, я не могу уйти без тебя. Я обещала это Кэрку и...

– И?

– И ты мой друг. Единственный и потому лучший.

Теперь молчание затянулось на пару секунд дольше. Внезапно его огромная ладонь опустилась мне на голову. Я так испугалась, что зажмурилась, боясь, что он мне свернет шею как цыпленку. Но он неожиданно разлохматил мне волосы, потрепав по затылку.

– Твой шлем всегда мешал сделать это. – Сняв руку, он потер переносицу. – Как твое настоящее имя?

Я недоуменно подняла брови:

– Лис.

– Нет, ты знаешь – девчачье имя. Как мне звать тебя.

– Лис, – произнесла я увереннее. Другого имени у меня не было. Но он, слава богам, кажется, удовлетворился этим ответом.

– Лис, скажи, ты мечтала в детстве о той башне, о которой рассказывала? – Я утвердительно кивнула. – Почему?

– Хотела открыть один из трех ларцов. А может и все сразу. – Я нахмурилась, вспоминая. – А еще надеялась, что смогу снова разделить все чувства и забрать себе «смелость» и «силу».

– Похоже на тебя. – Он тихо рассмеялся. – Ну что ж – силу и смелость я подарю тебе сам. А до башни мы с тобой дойдем и увидим там три заветных ларца.

Я пыталась понять – он просто решил разыграть меня, или... Видимо сомнения отразились на моем лице.

– Твоя сказка более подлинна, чем ты думаешь. Я видел эту башню на севере несколько лет назад. Она настоящая: белая башня с хрустальной крышей. И целое море лис вокруг, даже океан лис, я бы сказал.

* * *

Рассветный туман стал рассеиваться. Я стояла на перекрестке дорог и отчаянно зябла. Атос отправился из кабака обратно в лагерь, заявив, что ему нужно кое-что забрать. Мне оставалось только надеяться, что по дороге он не передумает ехать со мной. А еще он мог встретить Алайлу, и позвать ее с собой... Брр, ну и мысли.

Пока его не было, я сменила повязку, чертыхаясь и обливаясь холодным потом. Первое мое серьезное ранение, но по словам Дока, лишь царапина. А что будет, если меня пырнут посильнее? Вероятно, я вообще перекинусь. Может стоит забыть о своем желании стать мечницей прямо сейчас, раз я такая нежная?

– Подвезти? – Атос приближался верхом на своем красивом гнедом жеребце. Я видела коня пару раз около его шатра, но ни разу в бою. Может это специальная «путешественная» лошадь? За жеребцом следовала лошадка попроще, чей повод был приторочен к седлу теперь уже бывшего генерала. – Ты стоишь тут как призрак.

– У меня болит бок, – мрачно сказала я.

– Так я и знал. Как только объявила себя девчонкой, началось: у меня

болит то, у меня болит се, я хочу есть, сапог натер ногу. – Он усмехнулся. – Взбодрись. У меня для тебя есть подарок.

Спешившись, он протянул мне меч, завернутый по эфес в мешковину.

– Это принадлежало Кэрку. Мне почему-то показалось, он был бы рад, что меч достался тебе.

Услышав имя, я вздрогнула – шрам на боку был ничем по сравнению с пустотой внутри от убийства Кэрка. Но освободив от ткани клинок, я невольно присвистнула. Лезвие было не из металла, а из какого-то темного камня. Непрозрачный, напоминающий черное матовое стекло, клинок выглядел мистическим артефактом. Именно его я увидела у Кэрка при битве около замка Рэймис.

– Что это за материал?

– Черный корунд. Не драгоценность, не металл – а так, нечто среднее. Такие мечи очень популярны на Симме. Они прочны как наши стальные, но выглядят очень здорово. Это, пожалуй, все.

Я рассматривала меч. Не очень широкое лезвие от острого конца до середины пересекала тонкая трещина в темном камне.

– Хорош подарок. Он же разваливается.

– Как мне рассказывал сам Кэрк, эта трещина тут со времен его вытески. Он словно с судьбой играл, каждый раз ожидая, что во время битвы меч в руках развалится. Но упрямое лезвие все держалось. – Атос нежно провел по темной поверхности пальцами и протянул меч мне. – Можешь рискнуть, если хватит смелости.

Я развернулась и сделала пару рубящих ударов, рассекая холодный утренний воздух. Меч приятно лежал в руке и был значительно легче моего последнего оружия.

– А у этого меча есть имя? Атос расхохотался:

– Имена мечам дают короли, которые никогда не бывали в бою, и романтические юнцы, которым нечем себя занять. Для настоящего бойца имя меча – всегда одно – «меч». Тебя что, воспитывали на книгах о рыцарях?

Я покраснела:

– Я знала одного аристократа, у которого был меч Бурелом.

– Держу пари, нахальный и глупый мальчишка. – Атос вскочил в седло и, освободив повод лошади, кинул его мне. – Ну, ты идешь? У нас долгая дорога впереди.

Он уже отъехал достаточно далеко, когда я, седлая кобылку, тихо проговорила:

– Да, нахальный и глупый был этот аристократ... а еще очень злой. – И в голове на миг опять раздался противный треск рвущейся ткани.

* * *

Я понимала, что сплю, но проснуться не могла. Я шла по лесу, держа за руку рыжеволосую девочку. Мне почему-то было страшно взглянуть в ее лицо, поэтому мы шли, шли, а я видела только ее макушку.

– Тебе придется сделать выбор, – глухим старушечьим голосом сказала девочка. – Тебе надо будет очень быстро уходить, не теряя ни секунды. Только так ты выживешь. И тебе придется оставить что-то ценное.

– Я не понимаю. Это все сон, – произнесла я, и как только прозвучало последнее слово, под ногами разверзлась земля и я провалилась сначала в темноту, а затем погрузилась в воду. Ко лбу прикоснулась рука, на морщинистом запястье был красивый браслет из зеленых бусин в шесть нитей.

– Иногда поражение – это новый путь. А отступление – единственная дорога к победе.

– Это все какая-то чушь. Мне никогда не снятся такие заумные сны. – Я погружалась все глубже, пока не коснулась ногами твердого дна. Вопрос дыхания меня не волновал. Это ведь был сон.

Под водой я оказалась перед огромным черным зеркалом. Раму украшала сложная лепнина, изображавшая множество переплетающихся лис, а само стекло словно замерзло. В отражении я увидела себя. Вернее мне сначала показалось, что это я. Но потом заметила, что единственное сходство – это мой шлем со стальными ушками.

В зеркале стоял мужчина в моем шлеме. Он был высок и худ, из под шлема струились песочного цвета волосы. В руке у него была тонкая сабля. Он прикоснулся к зеркалу почти прозрачными пальцами, и я против своей воли коснулась стекла в том же месте...

...и проснулась.

* * *

Первые дни нашего путешествия меня постоянно терзала одна и та же мысль. Что заставило Атоса уйти со мной? Это я была бурьян-травой без дома и семьи. В легионе меня ничто не держало, и я сбежала оттуда, потеряв только место у костра Кэрка.

Атос был не таким. Для него Роза была больше чем домом – это была работа, семья, любовница, сама жизнь. Когда я шла в кабак, то проигрывала

в уме десятки исходов нашего разговора, но ни при одном из них Атос не уходил со мной.

Как же получилось, что мой крайниец смог так лихо отбросить все свои привязанности? Поначалу я думала, что дело в Алайле. Он был влюблен в нее, и я не знала, насколько далеко продвинулись их отношения. Известие о свадьбе, которую прочил лорд Строгосс, могло сильно ударить по самолюбию Атоса. Обычный мальчишка с Края и высокородная леди – у них бы никогда ничего не вышло. Я знала, как никто другой, что птицы, сидящие на разных ветках, не бывают счастливы вместе.

Возможно, его побег из Розы был просто выходкой обиженного ребенка. Пусть поплачут, поймут как им без меня плохо, пусть ищут меня и уговаривают вернуться. Я не знаю, что сказал Атос Крамеру и Алайле, прощаясь, но за нами никто не гнался.

Я пыталась осторожно выяснить, почему он принял решение уйти. Мне было страшно напрямую спросить: «Ну и зачем ты вздумал идти со мной к башне?» Вдруг он задумается, и поймет, что у этого путешествия нет ни одной достойной причины. Но как только я задавала вопрос, как-то касавшийся этой темы, Атос сразу же его обрывал, словно сам боялся задуматься от чего он бежит. Лишь однажды я подобралась к решению загадки, когда Атос заговорил о своих амбициях.

– Лис, тебе кажется, что это здорово – быть известным бойцом, когда все встречные мальчишки, затаив дыхание, смотрят вслед, – устало произнес Атос, даже не поворачивая головы. – Мне тоже так казалось, когда я пришел в легион. Только дело в том, что генералу требуется не только махать мечом и покорять сердца. Надо подлизываться к знати, считать расходы на провиант, проворачивать какие-то темные и не всегда понятные дела. – Он вздохнул, видимо вспомнив о битве при замке Рэймис, и продолжил: – Я никогда не считал себя особенным умником. Все о чем я мечтал мальчишкой, это стать знаменитым. Но я не догадывался, что вместе со славой на меня навалится проклятая куча других забот. После гибели Кэрка я впервые задумался, что не справляюсь. И из-за моей глупости гибнут люди. Не просто люди – мои друзья. Может, мне и не стоит быть генералом. Мне надо подумать об этом подальше от легиона и Алайлы с Крамером. Порой мне кажется, что они вкладывают свои мысли в мою голову. А все, чего я хочу сейчас – разобраться, чего хочу я сам.

Это был не лучший ответ на мой вопрос, но это все, что я смогла вытянуть из Атоса. Поэтому оставалось только надеяться, что он будет размышлять о своем пути в жизни подольше. Ведь путешествие к башне стало моей мечтой, других-то у меня не было.

На одном из привалов Атос решил поохотиться. Пока мы проходили лесистые холмы, вокруг было полно дичи. Впереди на севере нас ждали горы и пустоши, и второго шанса поесть свежего мяса могло не представиться еще очень долго. Он исчез со своим кинжалом среди деревьев сразу, как я села разводить костер, но пропал на слишком долгий срок.

Я спохватилась, что его нет, лишь когда солнце начало клониться к закату, и отправилась на поиски. Несмотря на легкость движений и скорость, которую я развивала на наших совместных тренировках, вести себя тихо в чащобе я не могла. Шумя, словно лось в чаще, я кругами бродила вокруг нашего лагеря, пока не нашла Атоса. Он сидел на корточках и вглядывался в мшистый холмик, расположенный под ветвями старой ивы:

– Где тебя Войя носит? Я думала, что на тебя напали... медведи... ну или еще кто!

Он лишь приложил палец к губам и указал на холмик. Сначала я ничего не видела – трава, мох и редкие цветы – белые лесные звездочки. Но присмотревшись, я заметила копошение и уже через секунду разглядела пятерых или шестерых белоснежных крольчат, игравших возле норы.

– Кролики. – Это все, что пришло в голову. Зверята копошились, и то ли не замечали нас, то ли были не пуганы человеком.

– Да, маленькие такие.

– Мяса с них точно немного.

Атос бросил на меня такой взгляд, что я готова была провалиться сквозь землю.

– Я не собираюсь пускать их на мясо!

– Но ты же вроде как на охоту пошел!

– Кхм, да, но... – Атос снова поглядел на малышей. Еще не потерявшие детский пух, они играли, перебирая маленькими лапками. Их розовые носики смешно подрагивая, беспрестанно двигались. – Лис, ты слышала про *кызыл-каам*?

– Похоже на ругательство.

– Это на тильском. Ты ведь знаешь эту страну, прилегающую к Королевству с севера. Они вообще довольно воинственные ребята: постоянно кочуют, захватывают новые земли, но у них есть непреложное правило. Они никогда не трогают детей. Могут забрать в рабство женщин, перевешать мужчин, но ни один волос не должен упасть с головы ребенка. Потому что те еще не дошли до своего *кызыл-каам*. Каам – это что-то вроде жизненного пути, дороги в жизни. А *кызыл* – это цель или предназначение. У каждого человека должен быть *кызыл-каам*, не важно зло он принесет

или добро. Нельзя убивать детей, потому что они еще не воплотили свою судьбу, как бы ужасна она ни была. Один прерванный кызал-каам может привести к обрушению законов мироздания и мира, каким мы его знаем. Во всяком случае, в это верят в Тилле.

Атос замолчал, наблюдая за игрой крольчат.

– Я поняла, – кивнув, я уселась на траву, – цель в жизни, детей нельзя убивать. Но сознайся, ты это приплел ради красного словца. Все дело в том, что ты находишь этих крольчат ужасно милыми. И не можешь их воспринимать как добычу. Посмотри только на их беленькие ушки!

Уголки рта Атоса дрогнули, но он сдержался:

– О чем ты говоришь, Лис? Я генерал, меня не умиляют всякие там маленькие пушистые твари. Просто мяса с этих тушек на один укус.

Мы сидели на траве и продолжали смотреть на копошащихся крольчат. Мне показалось, что я чуть лучше поняла, почему Атос сбежал со мной из легиона. Может для него я стала поводом больше не жить войной и не слушать крики из лазарета. Атос теперь мог остановиться и смотреть на играющих под ивой крольчат. От войны рано или поздно все устают. А вот за крольчатами можно наблюдать бесконечно.

* * *

– ...Я все-таки не думаю, что нам стоило нападать на тех бандитов.
– Почему, ведь они были «плохими парнями»?
– Да! Но они отпинали меня по ребрам! Это, между прочим, очень больно. И они забрали мой кошель с деньгами!

– Ну, а зачем ты им это позволила?

Я схватилась за голову. Такие разговоры стали в последнее время слишком частыми. Атос решил странным образом разнообразить мое обучение. В пути помимо тренировок он время от времени отыскивал то бандитов, то разбойников, то еще какой-нибудь сброд – и не оставлял мне выбора кроме как вступить с ними в драку.

С первыми тремя я на удивление быстро справилась. Правда во время боя обнаружила, что они – крестьяне, лишь недавно решившие сколотить банду и не умеющие пользоваться оружием. Вторым моим испытанием стала парочка мечников: драться они умели, но решили не связываться и попросту сбежали от меня. Ну а третьи...

– Атос! Их было семь! Ты же видел, что их было семь!

Он то ли прекрасно притворялся, то ли в самом деле недоумевал:

– Да, семь, и они вполне могли убить тебя. Мне пришлось выходить, а этого в плане не было. Еще раз спрашиваю, зачем ты им позволила себя уронить и пинать?

– Просто я не достаточно хороша... – со скрытой обидой заметила я.

– Ты достаточно хороша. – Его голос звучал вполне уверенно. – Если бы ты не знала, что я могу помочь, и думала, что это вопрос жизни и смерти, ты без проблем расправилась бы со всеми семерыми.

– О боги... – Продолжать спор не имело смысла. Кожа на ребрах посинела, а только успевшая затянуться рана на боку вновь открылась. Мне было больно, я была зла, и что самое ужасное, я начинала верить в ахинею, которую нес Атос.

– Дело не в таланте или каких-то особых приемчиках. Не в тяжести меча и не в силе удара. Я сильнее тех семерых, но ты держишься только в паре со мной.

– Я боюсь смерти, – внезапно выдала я.

– Все боятся.

– Нет, я имею в виду, что это мой основной двигатель. Страх собственной слабости и нежелание умереть.

Мы помолчали.

– В следующий раз не наблюдай за дракой. Я должна знать, что тебя нет поблизости.

* * *

Мы остановились в каком-то крохотном поселке у подножия горной цепи. Для меня это были гигантские каменные насыпи до небес, но Атос упорно называл их «кочками» и уверял, что до настоящих гор им далеко.

Восточные поселения всегда поражали меня тем, что снаружи казались крохотными, а изнутри выглядели еще меньше. Дома, выстроенные из светлых ясеневых бревен, низкие, с покатыми крышами, словно распластавшееся под солнцем животное, – покрывали небольшой участок ровной поверхности у подножия гор. В местной таверне, под которую был переделан обычный жилой дом с соломенной крышей и низким потолком, мы заказали обед. Расплачиваться пришлось Атосу, так как великолепная семерка бандитов украла все мои деньги. Хозяин таверны вынес нам мутную куриную похлебку и ломти серого, еще теплого хлеба. Несмотря на подозрительный запах из плошки, мы накинулись на еду. С набитым ртом я задала вопрос, который мучил меня уже давно:

– Ты сказал, что я достаточно хороша – как ты думаешь, после тренировок я смогу победить Алайлу?

Атос задумчиво почесал нос ломтем хлеба:

– Вполне. У нее определенно более изворотливая техника – ты в этом деле не сильна. Но при должной ярости... – Заметив мой взгляд, он резко оборвал разговор. – Не начинай, пожалуйста!

Мы продолжили есть молча. Алайла с первого дня нашего путешествия стала камнем преткновения. Выяснив, что наши точки зрения совсем не сходятся, было принято общее решение – не обсуждать ее персону, смерть Кэрка, ключ и все с ними связанное ни под каким предлогом. Но так как во мне все еще бурлила обида на Атоса за его неспособность увидеть правду, я раз за разом провоцировала его и заводила подобные разговоры. Атос дураком не был и быстро ловил меня.

Хозяин принес две кружки душистого, явно сваренного по прошлой осени, пива. Однако Атос широким жестом загреб их себе и распорядился принести мне воды.

– Что ты такое творишь? – возмутилась я.

– Маленьким девочкам нельзя пить пиво. Это напиток мужчин. – Он отхлебнул, и его глаза удовлетворенно заблестели. Над верхней губой осталась пивная пена.

– Я старше тебя! Отдай мне мое пиво!

– Не докажешь, – решительно заявил Атос.

Я надулась. Внезапно дверь кабака открылась, и вошел молодой мужчина, измотанный на вид. Как и большинство селян к востоку от Центрального тракта, он носил свободную рубаху навывпуск, украшенную вышивкой, которая обычно изображала основной вид труда жителей того или иного края. Здесь, похоже, это было возвращение пшеницы.

– Добрые рыцари, могу я поговорить с вами? – Таким тоном обычно просят о заранее невыполнимой просьбе. – Я староста этой деревни. Меня зовут Хиал.

– Староста? А не слишком ли ты молод для *старосты*? – Атос развернулся к мужчине, а я воспользовалась его невнимательностью и выхватила свою кружку. В блаженстве прикинув к ней, я вдруг с ужасом поняла, что пиво было совсем невкусным. Видимо скрыть разочарование не получилось. Атос искоса смотрел на меня и посмеивался.

– Все мужчины старше меня ушли в легионы. Война... – Хиал поежился. – У нашей деревни беда. Демоны похищают девушек в Крылатой пещере, в ущелье, что лежит по дороге на ту сторону гор. Я обращаюсь ко всем рыцарям, которые держат путь в том направлении.

Отклонитесь чуть от своей цели и помогите вернуть дочерей нашей деревне.

У старосты был вид человека, потерявшего всякую надежду. Нам сразу стало ясно – он много раз просил о помощи, но уже не видел в этом смысла. Атос подумал о том же:

– И сколько рыцарей согласились?

– Один. Он ушел неделю назад, но не вернулся. Возможно, он просто передумал нам помогать и продолжил свой путь.

– А чем вы собираетесь расплачиваться за услугу?

– Наше селение поставляет только пиво... Но вы можете взять в жены одну из девушек. Вы или ваш юный друг.

– Смотри-ка, тебя снова принимают за парня. – Атос подвинул ко мне и свою кружку. – Ну что? Пиво или жену?

Староста стушевался. Он видимо не мог понять, в самом ли деле я девушка в мужской одежде или просто рыцарь шутит.

– А у вас есть кузнец? Такой, который занимается броней и всем прочим. – Я отодвинула от себя невкусное пиво.

– Да, конечно. – Старосте явно стало легче от того, что больше не требовалось гадать, какого я пола.

– Тогда мы возьмемся за дело. В обмен на отлично выполненный женский доспех: наплечники, щитки на бедра и нагрудник. Нагрудник на женщину. С грудью. – Я похлопала себя по груди, а староста вновь начал мучительно краснеть и бледнеть попеременно.

– Меня только забыла спросить, – вздохнул Атос. – Зачем тебе эти девушки и демоны?

– Ты сам часто повторяешь, что мне нужна практика. А что может быть лучше демонов?

– Ладно. – Мой учитель опять вздохнул и обратился к старосте. – Расскажите подробнее о похищениях.

– Демоны появились около месяца назад. Сначала просто тени в горах, мертвый скот, кучи нечистот, не похожих на звериные. Затем девушки, которые собирали в горах травы, стали приходить напуганными и не хотели туда возвращаться. Но и объяснить толком не могли, что там такого страшного они увидели. А потом самые смелые возвращались в горы на сбор и пропадали. Мы перестали пускать наших женщин далеко от дома, но они стали исчезать с полей даже днем. Один из демонов забрал мою невесту. – Губы Хиала побелели, а кулаки сжались. – Он стоял от меня не дальше, чем вы. Был похож на огромную обезьяну с белой шерстью и красными глазами. Не говорил, а только рычал. Перехватил Алеонис, как

мешок, и исчез. Я даже сделать ничего не успел.

– А почему же ты сразу не кинулся за своей невестой? – Иногда Атос бывал предельно точен и жесток в своих замечаниях.

– Я собирался. Но тогда я уже был старостой. – Парень опустил голову. – Если я уйду, старостой назначат 12-летнего мальчика. А сейчас страда.

Повисло молчание. Чтобы нарушить его, говорить пришлось мне:

– Ты сказал: «Крылатая пещера». Почему именно она? Девушки ведь пропадали повсюду?

– Именно там что-то впервые начало пугать наших сборщиц. Именно в ущелье вокруг пещеры падал замертво скот. Именно туда я пошел бы за Алеонис.

– Доесть-то нам можно? – Атос с тоской взглянул на пиво.

– То есть вы согласны, доблестные рыцари?! То есть рыцарь и дама... то есть...

– Если хочешь, чтобы мы не передумали, просто исчезни. Хотя постой. У вас здесь есть Уделы Мрака или Света, без разницы какие?

– Нет. Ближайший в двух неделях пути на юг.

Атос вздохнул с облегчением и выпил свою кружку в один прием. Вот это сила воли.

#Бусина восьмая

Мы ехали на лошадях, удаляясь от деревни.

– Почему ты спросил про Уделы?

– Ты веришь в демонов, Лис? – вопросом на вопрос ответил Атос.

– Не особо. То есть я их не видела ни разу. Читала много сказок и легенд, но если честно, думаю за историей с похищениями стоят просто разбойники.

– Разбойники или Поглощающий. Я видел так называемых демонов, но на деле это просто покалеченные животные.

Я подала лошадке, которую уже прозвала Калио, кусок сахара, утянутый из деревенской таверны:

– Что ты имеешь в виду?

– Ходят разные слухи о том, что Поглощающие больше ученые, нежели маги. Они изучают природу, ставят над ней разные опыты, коверкают ее. Иногда забавы ради соединяют разных животных: например, зад льва и морда грифа. Такая тварь не понимает, что происходит. Она не может осознать, кто она, и впадает в ярость и сумасшествие, желая убивать.

– Ты прямо философ...

– На самом деле это не смешно. – Атос повернул своего жеребца к маленькой дорожке, ведущей в горы. – Я встречался с ними, и они... достаточно сильны. Такая «тренировка» может и убить тебя.

– Поэтому ты спросил про Удел? Но ведь это может быть путешествующий маг?

– А по-твоему, Удел – это место только вокруг домовитых Поглощающих? – Атос невесело рассмеялся. – Куда бы ни двигалась эта мразь, ее окружает испоганенный ореол. Это не Уделом стоило назвать, а кругом.

Мы совсем чуть-чуть поднялись по дороге, а вместо сочной травы и деревьев, вокруг начали появляться черные безлистые кустарники и репы. Солнце, однако, светило здесь не менее ярко. Так что репейники не казались мрачным предвестником дороги зла, а только придавали ей цветов – ярко-фиолетовых, багряных, красных.

– Ты все время говоришь только о Поглощающих. А что о Сияющих?

– Их почти нет. Я видел десятки Уделов Мрака и лишь пару светлых. А я немало поездил по стране.

– А еще...

– Боги, у тебя когда-нибудь закончатся вопросы? – Атос метнул на меня гневный взгляд. Я, правда, уже привыкла к этому, и они меня не пугали. Я рассмеялась, а он хлопнул себя ладонью по лбу, признавая поражение.

– Ты ни разу не поправил Хиала. Он все время звал нас рыцарями.

– Для любого крестьянина с востока ты и будешь рыцарем, если у тебя меч. Списывай на недостаток образования. Спорить с ними нет смысла.

Я задумчиво потеряла подбородок:

– А вообще в рыцари сейчас кто-нибудь посвящает? Я имею в виду, взаправду.

– Только Церковь Прощения. У них осталось это право еще от покойного короля. Раньше в рыцари посвящали еще при дворе, но теперь... Каждый претендент на престол в гражданской войне содержит свой двор и раздает титулы, в том числе и рыцарство, как пожелает. Взять хоть нашего Строгосса: чуть что, у него новые рыцари. Но никто к этим назначениям всерьез не относится, особенно сами получившие титул. Понимают, что их рыцарство растает, как только власть сменится.

– А храмовники?

– Тупые типы. Церковь никогда не примет в свое лоно бродяг вроде нас с тобой. Там звание покупают – в основном люди, которые не знаю какой стороной держать меч. А откуда такой интерес? Маленький Лис захотел получить титул?

– Нет. – Я все-таки почувствовала себя неловко. – Но ты был кое в чем прав. Я воспитана на книгах о рыцарстве и для меня это весьма доблестный символ. В легендах они всегда помогают невинным и слабым.

– То есть хочешь сказать, что спасти девушек ты вызвалась лишь ради благого дела? – Атос закатил глаза. – Зря я тебя послушал и ушел из легиона.

* * *

Уже темнело, и мы решили разбить лагерь. Дорога все еще была достаточно широка. Атос получил указания у старосты, как дойти до Крылатой пещеры. По его подсчетам мы должны были туда прибыть завтра к обеду. Место для привала нашлось отличное – словно сама природа отрезала кусок скалы и создала неглубокую выемку, куда не залетал ветер. Хворост я предусмотрительно собрала еще внизу, и теперь огонь разводила тоже я. Где-то вдалеке выли волки.

– Лис?

– Ммм? – я пыталась высечь искру, понимая, что даже с этим заданием справляюсь как-то паршиво.

– Ты расскажешь когда-нибудь свою историю? Откуда ты и как попала в легион.

Огниво выпало из рук, и я выругалась. В сгущающихся сумерках от Атоса как всегда оставались лишь сияющие белки глаз, да посверкивающие при разговоре белые зубы.

– Я знаю, что ты из замка, но не дворянка. Однако ты умеешь читать и похоже, прочла немало. Ты же понимаешь, что учеба – это роскошь в Королевстве. Я начинаю сомневаться, что твой отец в самом деле был оружейником. – Он немного помолчал. – Я бы не хотел, чтобы ты мне снова врала.

Солнце скрылось за горой, и в темноте раздался удар камня о камень. Отличнейшая искра подожгла сухой мох. Теперь уже с первого удара.

– Я на самом деле дочь оружейника. Я не врала тебе. И да – у меня есть образование, которое лучше, чем обычно получают люди моего сословия. Еще я играю на клавесине и умею вальсировать. И различаю до тридцати видов бальных платьев. Это все, что я могу тебе рассказать. Вопросы есть?

– Что такое клавесин?

Я тихо рассмеялась и начала распаковывать еду, что мы взяли с собой. Атос задумчиво протянул:

– Я серьезно. Если я найду его тебе – ты сыграешь?

* * *

Мы следили за этой нелепой сценой уже минут десять. С безопасного расстояния, разумеется. Все-таки волки.

Животные сидели полукругом и выжидающе смотрели на вершину чахлой сосенки, может метра три с половиной. Никто из них не пытался запрыгнуть на низкое дерево, поэтому хищники выглядели скорее скучающими. На верхушке сосны печально висел человек с копьем. И с такой же безысходностью, как и у волков, он смотрел на них сверху.

– Знаешь, пора уходить, Лис. Мы на это уже столько времени потратили.

– Да ты прав, пора потренироваться. У нас сегодня еще битва с чудовищами по расписанию.

Мы, посмеиваясь, направились в другую сторону, туда, где предположительно должна была находиться пещера. Дорога как раз раздваивалась: по левую руку оставался незадачливый путник и подстерегающие его волки, по правую – куда мы и направлялись – расстиралось ущелье. Где-то там среди олейника, репья и густой травы был скрыт путь в Крылатую пещеру. Не успели мы сделать и пары шагов, как до нас донесся жалобный крик:

– Господа, не могли бы вы помочь?

– У тебя же копье, дуралей. – Атос сложил ладони около рта, чтобы его крик долетел до человека на дереве. Но волков эта перекличка похоже не сильно волновала. – Если ты не знаешь, я тебе скажу – именно это оружие дает в бою преимущество за счет радиуса поражения. Просто ткни их острым концом.

– Я пытался. – Голос мужчины звучал жалобно и слезливо. – Один из них чуть не вырвал мое копье. Так что я предпочту отсидеться вместе с копьем наверху.

– Ну, тогда удачно оставаться. Мы спешим. – Атос развернулся и начал седлать коня, привязанного к дереву неподалеку.

– У нас мясо закончилось, – протянула я, просительно взглянув на своего товарища.

– Волчатина невкусная. Или ты про человечину? – Атос нахмурился. – Или ты опять пытаешься творить добро из чистых побуждений?

– Вроде того. – Я широко улыбнулась. Магические свойства моей улыбки не подкачали. Когда-то моя мать сказала, что это единственное, что делает меня из просто симпатичной девочки настоящей красавицей. На щеках выступают ямочки, а глаза начинают искриться. В те времена я и правда много улыбалась.

Сейчас же это было больше похоже на оружие. Я улыбалась Атосу – он хмурил густые брови, тихо ругался, потом смотрел на меня как на бездомного щенка, и делал то, о чем я просила. Я не улыбалась ему слишком часто, чтобы не выработать у него привычку не обращать на мою уловку внимания. Но человек на сосне мог сидеть там слишком долго.

– Проклятье заberi твою душу! Чего ты зубоскалишь? – Атос отвел взгляд, но я нарочно улыбалась достаточно долго, чтобы, когда он поднял лицо, то снова увидел все мои тридцать два зуба. – О боги, ты издеваешься. А как же демоны?

– Они подождут, – сообщила я, доставая свой надтреснутый меч из ножен и направляясь к сосне. – Сейчас наделаем волчьих шапок.

Волков мы распугали в считанные минуты. Большая часть из них была

хилыми и больными тварями, которых даже убивать-то было жалко. Парочка более сильных кинулась на нас, но даже я, с моим несовершенным стилем, легко расшвыряла зверей. Из чувства солидарности я дала Атосу пару минут погоняться за волками и удовлетворить свою обиду на неожиданную остановку, а сама между тем смотрела, как человек спускается с дерева.

Любитель посидеть на соснах оказался молодым мужчиной лет тридцати. Он был «отвратительным блондином», как я про себя называла такой тип людей. У него было блондинистым абсолютно все. Слегка выющиеся волосы, слишком уж правильные черты лица, ярко-голубые глаза и застывшее выражение отчаянной уверенности в себе. Словом, он выглядел так, будто не мы его только что спасли от кучки драных волков, а он нас.

Одет он был довольно дорого: прекрасный бархатный жакет и панталоны изумрудного цвета, когда-то бывший белым шейный платок, заколотый изящной брошью в форме русалки. Дополняли вид сапоги из тонкой кожи, на мой взгляд, более подходявшие для паркета, чем для гор. Совсем уж не к месту смотрелись кружевные манжеты. Сколько бы, интересно, выручила за них Далия?

– Ах, господа! – Он вытянул непристойно дорогие на вид кожаные перчатки из-за пояса. – Позвольте...

Его взгляд застыл на мне, и я буквально услышала скрип маленьких колесиков в его голове. Тон из дружелюбного превратился в холодный, словно замерз по дороге.

– Я вижу, тут только один господин. – Он резко перевел взгляд с меня на Атоса, который пнул волка под зад. Зверюга с рыком унеслась в лес.

– А я вообще тут не вижу господ, – насупилась я.

– Позвольте выразить вам благодарность. Меня зовут Гардио, я странствующий воин.

– Хреновый из вас воин, – заметил Атос. – Я Атос, это Лис. Благодарите ее за то, что мы за вами вернулись. А сейчас нам пора убивать демонов.

– Тех самых, что похищают девушек? Двуногих ящеров? – наш новый знакомый оживился. Я все больше и больше начинала его ненавидеть. Он попросту пропустил мимо ушей то, что только благодаря моим усилиям он был спасен. Уф, одно слово – «отвратительный блондин».

– Ага. А вы не тот рыцарь, которого отправили спасать девушек неделю назад? Вы все это время храбро просидели на дереве? – Я надеялась, что в моих словах было достаточно яда.

Странствующий воин смерил меня высокомерным и холодным взглядом, но все же ответил:

– На самом деле всего пять дней. И не недооценивайте этих тварей, дорогая, они весьма кровожадны. К тому же, – он передернул плечами. – Терпеть не могу животных. Они грязные и у них могут быть блохи.

– Пойдем. – Атос кивнул в сторону лошадей. Он избрал самый правильный стиль поведения: просто не замечал болтовни Гардио.

– Пойдите. Я ведь тоже направляюсь в Крылатую пещеру. Я могу помочь вам в свершении правосудия.

– Вряд ли. – Губы Атоса скривились в усмешке.

– Не стоит судить о моем мастерстве по этому досадному происшествию! Я докажу...

– Можете бежать за лошадьми, – искренне веселясь, предложила я. – А если добежите за нами до пещеры, то мы сможем использовать вас как живой щит.

Путь мы продолжили верхом. Настырный Гардио не отставал. Он видимо и в самом деле хотел помочь, либо просто не знал куда податься. Его бесконечный монолог о доблестях жизни странствующего война заполнял воздух. Мы с Атосом молчали. Мне не давала покоя пара фраз, брошенная Гардио, и мысли, на которые меня наводили эти слова, были совсем плохими...

* * *

– Мы едем в западню, – наконец, произнесла я. Дело шло к полудню, и воздух накалился. Мы уже давно спустились в ущелье. Гардио продолжал преследовать нас, треща без остановки. Однако мои слова заставили его замолчать и прислушаться к нашему разговору.

– Знаю, – откликнулся Атос.

– Как давно? – спросила я. Голова нашего невольного спутника начала вертеться вслед за брошенными словами. Я – Атос. Я – Атос.

– Еще с деревни. – Атос поправил перевязь. – Но удовлетвори мое любопытство: что заставило тебя так подумать?

– Ящеры, которых упоминал этот тип, – я глянула на Гардио. – Хиал описал нам демонов совсем иным образом. Там было что-то похожее на обезьян.

– Это определенно были ящеры, – кивнул Гардио.

– Дети вы наивные... – покачал головой Атос. – Деревня производит

ячменное пиво, а на рубашке старосты пшеница? Чушь. Почему при наличии трактирщика старостой стал этот юнец, уверяющий, что никого старше его и двенадцатилетнего мальчика не осталось? И наконец, кто бы стал отправлять девушек из деревни собирать травы за полтора дня пути в горы? А ты зацепилась за описание демонов, я разочарован.

Мне стало стыдно, и чтобы скрыть это, я постаралась сразу же перевести тему.

– Но кому это нужно? Заманивать из деревни вооруженных людей. Это ведь не из-за денег. Мы не выглядим как ходячая казна, а тем более он.

Гардио принял оскорбленный вид. Атос же ответил:

– Сейчас узнаем. Спешиваемся. Вон вход в пещеру.

Я не стала задавать вопрос – а стоит ли нам вообще идти в западню. В голове мелькнуло, что это наказание за мой торг по поводу «добрых дел». Но глядя, как Атос привязывает поводья к кряжистому дубку, мне подумалось, что он просто мог заскучать и это очередная тренировка. Даже волки стали для него, генерала сотни сражений, поводом размяться. Впервые за дни нашего путешествия я испугалась, что он может затосковать по прошлому. Тогда к башне мне придется либо идти одной, либо забросить эту идею совсем.

– Не стоит ли девушке остаться здесь? – Вопрос Гардио прозвучал как бы невзначай. Мужчина старался не смотреть в мою сторону.

– Давай, выкладывай уже. Какие у тебя проблемы? – Я вспыхнула как сухой тростник. – Лучше уж здесь и сейчас, чем в пещере перед врагами.

– По моему глубокому убеждению, истинная леди должна сидеть дома и заниматься благородными делами. Крестьянка должна пахать в поле. Ремесленница заниматься достойным трудом. Но меч... – Губы «отвратительного блондина» изогнуло презрение. – Путь меча совсем не занятие для девушки.

– Со своим мечом я управляюсь лучше, чем ты со своим копьем, господин Охотник-на-волков.

– Вам стоило бы сидеть дома и рожать детей на благо государства.

– А вам...

– Замолкли! – Атос всегда умел создавать из шума тишину одним словом. – Устроили тут птичник. Лис, угомонись, а тебя, парень, я вообще не знаю. Впереди у нас темная пещера, в которой нас уж точно не ждет ничего хорошего. Поэтому предлагаю засунуть обоюдные претензии куда поглубже и достать оружие.

Пришлось сжать зубы, ведь так или иначе он был прав. Гардио тоже вздохнул и, выражая всем своим видом покорность судьбе, кивнул мне. Как

только голова не отвалилась.

Перед нами был большой, метров пять в ширину, и хорошо освещенный естественным светом вход в Крылатую пещеру. Сложно было думать о каких бы то ни было демонах в такой солнечный день. Арка входа обросла буроватым мхом и лишайником. Казалось, пещера просматривается целиком. Однако на небольшом расстоянии от входа внутренние своды резко уходили вверх, в необъятную тьму. Задней стены пещеры тоже не было видно. Только мирное голубиное воркование доносилось изнутри.

Первым вошел Атос, затем храбрый Гардио. Я замыкала шествие. Нам не пришлось изготавливать факелы, нас ждали уже при входе. Худой староста Хиал из деревни стоял, опершись о каменный выступ. На губах его блуждала легкая улыбка.

– Здравствуйте, господа рыцари. Вы даже нашли нашего потерявшегося помощника? Мы очень признательны вам.

– А вы приткий, староста, – заметил Атос. – Добрались сюда без лошади быстрее, чем мы.

– Я знаю пути, – загадочно объяснил Хиал. Сверху донесся птичий шум, и на землю плавно слетели белые перья. – Судя по всему, вы уже в курсе, что девушек спасать не надо. Поэтому предлагаю разойтись миром. Вы сложите свое оружие в ту кучу. – Он указал на груды мечей, щитов и непонятного стального хлама. – И мы вас отпустим.

Я сделала еще один шаг, чтобы встать ближе к Атосу, и под каблуком моих походных сапог что-то хрустнуло. Я пригляделась. Из-под подметки торчали тонкие выбеленные кости... Да это же человеческая кисть...

– Нет, не отпустите, – тихо сказала я, кивнув Атосу на свою находку. – Отсюда еще никого не отпускали. Мы ожидали здесь встретить демонов, но встретили всего лишь людей, творящих демонические дела.

Воркование сверху нарастало, и от этого почему-то становилось тревожнее. Я плотнее сжала рукоять своего щербатого меча. Дыхание Гардио стало более прерывистым.

– Не хотел бы вас разочаровывать, – произнес Хиал. Голос его начал странным образом меняться. Он становился менее разборчивым. Перья с полотка сыпались уже постоянно. Наверху птицы явно устроили перепалку. – Мы не люди, притворяющиеся демонами. Скорее – наоборот.

Что-то упало с потолка метрах в четырех впереди нас. Сначала мне показалось, что это мешок. Но существо поднялось на ноги. Высокое, ростом с Атоса, и издалика похожее на человека. Тело упавшего было плотно покрыто оперением, а из плеч под неестественным углом росли

огромные крылья. Существо начало расправлять их, воркуя. О боги, в размахе они достигали пары метров. Я посмотрела на его голову. Там, где у людей начиналась шея, у твари находилась крупная низко посаженная голубиная голова, вымазанная какой-то слизью. Странный демон развернул голову боком и взглянул прямо на меня своим круглым птичьим глазом. Только вот птичьего там было мало. Налитое кровью и странно разумное око рассматривало меня с интересом.

– Коронация, – заворковало существо. – Коронация. Коронация.

Словно пыльные мешки с потолка пещеры начали валиться – один, второй, третий... твари падали и начинали расправлять крылья. На конце каждого крыла был острый коготь. Гардио задышал со свистом. Атос, кажется, просто перестал дышать. Внезапно я услышала его ровный и спокойный голос:

– Их очень много, Лис. И я не смогу тебя прикрывать. Это должен быть твой лучший бой. Ты готова?

Я кивнула, не думая о том, что он стоит ко мне спиной и не может этого заметить. Я впервые в жизни увидела демонов или монстров, как их назвал Атос. Но сейчас все мое внимание было сосредоточено на мече. Атос, впрочем, понял мой ответ – возможно, он почувствовал шевеление воздуха.

– Хорошо. Отнесись как к неожиданной удаче. Будешь внукам рассказывать о таких противниках.

– Для того чтобы появились внуки, нужны дети, – ехидно заметил оттаявший Гардио. Он стоял рядом. На одно мгновение я взглянула на него и заметила, что копеечник изменился: осанка, то, как он перехватил свое копье, нацеленный на тварей взгляд. Возможно, я ошибалась на его счет, и он не был уж так бесполезен.

– Коронация, коронация, – повторяли твари, сопровождая это гортанными звуками. Теперь все они стояли, расправив крылья. Всего с потолка упало около двух десятков странных и пугающих существ. Ноги заканчивались птичьими лапами с когтями, которые царапали каменный пол пещеры, производя мерзкий звук вдобавок к беспрестанному воркованию. Хиал стоял между своими «друзьями». Хотя он еще походил на человека, его внешность начала меняться. Контуров тела стали размытыми, а черты лица словно перетекали с места на место. Он махнул в нашу сторону изломанной рукой, местами покрытой перьями, и люди-птицы бросились на нас.

Когда ты тренируешься биться с одним и тем же противником день за днем, ты прекрасно знаешь все его сильные и слабые стороны. Конечно, хороший мечник вроде Атоса всегда сможет удивить, используя новые приемы в бою или какие-то хитрости. Но один человек всегда останется одним человеком: с его особым стилем боя, своей скоростью и техникой.

Именно поэтому Атос заставлял меня сражаться с бандитами. Он прекрасно понимал, что если мне предстоит сцепиться с группой людей, о манере боя которых я ничего не знаю, шансов у меня немного. А если ко всему это будут еще и не люди...

Клекот в пещере стоял оглушительный, но и без него мне было просто до одури страшно. Я впервые видела подобных чудовищ, и как бы ни старалась храбриться – коленки предательски затряслись. Раньше мне казалось, что разные непонятные твари живут только в народных сказаниях, и только там. Но вот они здесь, размахивают своими отвратительными крыльями, покрытыми слизью.

«В тебе мало силы. В будущем станет больше, но ты никогда не догонишь в ней меня – не тот рост, не та комплекция, не тот пол. Что у тебя есть, так это скорость. В том числе скорость мысли. Используй ее. Обдумывай битву наперед. Принимай решения за доли секунды». Атос уже сражался, но его слова всплыли в моем ошарашенном разуме очень вовремя. Ближайший «голубь» с воркованием ударил меня, целясь в лоб. Я успела поднять оружие, и меч Кэрка выдержал удар. Мысли понеслись, словно горный поток.

«Крылья? Нет. Тело – неясно, как прочны перья. Ноги? Слишком много шансов, что враг останется жив. Глаза! Хорошая большая мишень – ведет к мозгу».

Оттолкнув существо, я незащищенной ладонью перехватила клюв снизу и задрала голову этой обезумевшей курицы, после чего резким движением вонзила меч в глаз. Тварь осела – сработало. Ликовать было рано, меня окружили еще две птицы, и одна из них движением крыла отбросила меня к стене. Меч так и остался торчать из первого монстра. Высоко подпрыгнув, тварь прицелилась когтями мне в горло, а я судорожно доставала застрявший в ремнях пояса кинжал.

Голубь был подбит в этом прыжке. Копье пробило ему голову и отшвырнуло к выходу. Гардио, только-только появившийся в поле зрения, не задержался ни на секунду и нырнул в сторону, доставать из

поверженного врага свое копьё. Я не стала рассуждать о его поддержке, а последовав примеру, ринулась доставать свой меч из первого убитого монстра. Вся панорама битвы в Крылатой пещере вдруг разложилась передо мной словно доска с матицца. У моего противника были фигуры в состоянии «эдо» – я не знала их мощи и стратегии. А у меня была лишь фигура «камень» – самая простая и неприметная, всегдадвигающаяся по полю в одиночку. Но если игрок был достаточно силен, «камень» приносил изящные победы – пересекая трижды все поле и вызывая обвалы и землетрясения. Я и сама была камнем, метко брошенной морской галькой.

Мне показалось, что я убила уже десятки монстров, и это заняло несколько лет. Меч выдерживал удары, но руки потихоньку слабели, а дыхание сбивалось. Твари не были тупыми животными и тоже учились, но вряд ли они были изощреннее людей по части боя. У них был небольшой выбор оружия: когти да клювы.

Страхнув с конца меча очередной труп, я пошатнулась. Пришлось опереться клинком о каменный пол пещеры. Повсюду летали перья – словно огромные белые мухи, роящиеся над трупом в канаве. Я огляделась. Оказывается в трех метрах от меня стоял Гардио, а еще чуть подальше Атос добивал последнюю птицу.

– Всего шесть, Лис. Я разочарован. Помнишь, разбойников было семь. Тебе надо больше стараться. – Атос вдруг прыгнул к стене и резко ударил своим широким мечом во тьму. Для меня этот маневр был неясен, но затем из затененной ниши со стоном вывалился Хиал.

Фальшивый староста уже не был человеком, но еще не до конца превратился в одного из этих монстров. Атос воткнул меч в ямку под ключицей. Однажды на тренировке он показательно стукнул меня рукояткой в эту место – мне было до жути больно. Видимо Хиалу тоже: он стонал и метался по полу.

– Хиал, наш старый друг! *Нареки врага своего, и он станет смертным*, не так ли? Отвечай. Если ответы будут быстрыми – я буду милосерден. А если нет... – Атос провернул клинок в ране. Я заметила, как Гардио поморщился.

– Коронация, – прохрипел полумонстр.

– Какая еще коронация? Какое отношение монстры имеют к нашему Королевству? У нас гражданская война, до нового короля и коронации надо еще дожить.

– У вас свои короли, у нас свои. – На губах ложного старосты выступила кровь, он говорил с трудом. Взгляд его упал на темное от крови лезвие меча Атоса. Улыбка стала шире. – Прекрасный меч. Дивный.

Сколько крови он повидал!

– Зачем вам оружие? – задал вопрос Гардио, и я оглянулась на груды железа на полу пещеры. – Вы заманивали сюда рыцарей, и та куча оружия... к чему это? Не проще ли есть крестьян?

– О, вы, люди, всегда переоцениваете вкус своего мяса. Вы жилистые или сальные. Ахр-хар-хар...

Смех прервался с новым поворотом клинка Атоса.

– Оно придет и будет новая коронация. А меч чудесный, он бы нам славно послужил... – С этими словами монстр рванул в сторону с такой силой, что меч Атоса, вонзился в тело и пропорол его до самого сердца. Хиал, если его и вправду так звали, обмяк в луже собственной крови.

– Какая мерзость, – прошептал Атос и, достав меч из монстра, вышел из пещеры. Неподалеку он присел на камень и начал вытирать лезвие кусками сухой прошлогодней травы.

Я и Гардио остались. Наш блондин подошел к куче доспехов и начал их перебирать. Вряд ли он собирался воровать что-либо, скорее делал это из любопытства. Я же подняла взгляд к потолку. Сейчас, когда глаза привыкли к полумраку, я заметила огромные белые сферы, надломленные на конце. Это было похоже на гигантские яйца, крепившиеся к своду пещеры. Мы сражались с только что вылупившимися птенцами.

– Посмотри. – Гардио уже отошел от кучи железа, и пальцами касался одной из стен. Я подошла к нему. – Ведь не похоже, что это сделано недавно? Как думаешь?

Про себя я отметила, что его тон был спокойным и обратился он ко мне, а не к Атосу. Женщины, кажется, отвоевали в его мире небольшое право на ношение оружия. Затем я взглянула на стену, на которую указывал мне Гардио. Камень покрывали довольно примитивные рисунки. Сначала я подумала, что это прямоходящие собаки, но рассмотрев, поняла, что это голуби, которыми был сейчас завален пол пещеры. Эти рисунки и вправду выглядели довольно старыми.

– Они точно сделаны не месяц назад. Все что могу сказать.

– Думаешь, эти твари жили здесь давно? А это что-то вроде их портретов. Ха-ха, генеалогическое дерево монстров.

– Вам не надоело там разгуливать? – Атос встал и подошел к выходу. – Давайте уже уйдем отсюда. Битва была несложной, но у тебя, Лис, голова разбита, а Гардио хромот. Надо привести себя в порядок.

Мы с блондином осмотрели себя, словно только вспомнив, что пару минут назад закончился бой. Коснувшись затылка и поднеся пальцы к глазам, я увидела кровь. В самом деле, голова разбита, а почти не болит.

Направляясь к выходу из пещеры, я спросила у Атоса:

– Ты не думаешь, что нам стоит остаться здесь и оглядеться?

– А что если в глубине пещеры нас ждет еще кто-нибудь? – Он передернул плечами. – Сегодня я уже достаточно узнал о видах птиц этих гор.

* * *

– ...ну, давай, скажи наконец откуда такое презрение к женщинам?

Мы сидели вокруг костра в сумерках и собирались поужинать ароматной походной похлебкой из вяленого мяса и сушеных овощей. Сегодня была очередь Атоса готовить, и надо признать, кашеварил он лучше меня. Над костром в маленьком котелке закипала густая похлебка, а я все старалась выпытать у Гардио его секреты.

– О чем ты, Лис?! – После битвы нам стало легче общаться и мы уже обращались друг к другу по именам. – Я считаю положение дам в обществе привилегированным! Я восхищаюсь ими.

– Ими, но не вами, – заметила я. – Видимо, я не дама.

Атос только посмеивался, помешивая варево и наблюдая за нашей перепалкой.

– Сложно назвать дамой коротко стриженую девочку в мужской одежде и с мечом...

– «И хорошо сражающуюся» – ты забыл добавить!

– Пусть так. – Гардио протянул свою походную плошку Атосу. Тот начал разливать наш ужин. – Но все-таки – не леди.

– Да расскажи уже. Твоя мать ушла с головой в науки? Невеста променяла тебя на фехтование? – Я продолжала наседать я. Гардио вздохнул:

– Иногда мнение – это просто мнение. Для меня женщина – это прекрасное и возвышенное существо, дающее новую жизнь. Она заботится об очаге, уюте. Она всегда готовит пищу для усталого супруга. – Гардио с осуждением поглядел на Атоса. Но тот был слишком занят разламыванием хлеба и делал вид, что ничего не слышит.

– И что же – если у меня так не выходит, значит я плохой человек? – Я уже поняла, что этот разговор никуда не ведет. Что он по-детски несерьезен и незначим, но остановиться не могла.

– Беда не в том, что не выходит. А в том, что ты, дорогая моя, не стремишься выполнить главную женскую цель. Пусть ты супруга воина, но

тебе и Атосу пора задуматься о детях...

Я только взяла в рот первую ложку супа и тут же поперхнулась, услышав такие слова. У Атоса же волосы на голове встали дыбом. И мы наперебой заговорили.

– Мы не... не...

– Совсем нет. Ты ошибся. Чушь.

– Глупость.

– Смешно.

Гардио нахмурился еще сильнее:

– Тогда это совсем плохо – юной девице твоего возраста находиться постоянно с парнем, который тебе не супруг, и даже, видимо, не возлюбленный. Это никуда не годится...

Есть продолжили молча. Я уже пожалела, что завела этот разговор и чувствовала себя крайне неловко. Стараясь не поднимать голову от плошки, я слушала ночь, стрекот странных незнакомых насекомых в сухой траве, ветер, завывающий в ущелье, которое мы оставили позади.

– Куда вы идете? – вдруг спросил Гардио. Мы с Атосом переглянулись, но я промолчала, решив, что сегодня мой язык и так уже натворил много бед.

– На север. На крайний север Королевства. У нас там есть дело.

– Жаль. – Судя по голосу, ему и вправду было грустно. – После гор я иду на запад.

– Ха, я так и думал. – Атос указал на него своей ложкой. – Держу пари, на ярмарку Оттиса!

Гардио улыбнулся и утвердительно кивнул. Объяснений не последовало, и пришлось спросить:

– А что это?

– Знаешь, что такое Врата Ремира?

Об этом знал каждый ребенок Королевства. Всю нашу страну от востока на запад пронзала горная цепь Хаурака. Именно ее мы сейчас проходили, по одному из самых низких перешейков, пронзенных ущельями. И если с востока и запада горы были низкими, то в самом центре страны они набирали ужасающую высоту.

Именно для этого и были созданы Врата Ремира. Во времена одноименного правителя, объединившего территории с юга и севера от гор, в середине новоиспеченного Королевства была проложена дорога через Хаурака. Обычный король удовлетворился бы проходом, прорубленным в толще гор, но Ремир мечтал о вечной памяти. В течение трех сотен лет бесчисленное количество ремесленников, каменотесов, рабочих и простого

люда обтесывали горы Хаурака. Ремир уже умер, а работа шла под управлением и присмотром его детей и внуков. Итогом стал самый странный монумент Королевства – Врата Ремира. На триста метров горы... просто прекращались. Горная цепь, тянувшаяся с востока, обрывалась ровной отвесной стеной, гладкой и отшлифованной сотнями тысяч рук. Ее верхушка терялась в небе, но вся обозримая часть была выверенной до миллиметра. Затем следовал обычный участок пути, и через триста метров западная цепь Хаурака встречала сестру, зеркально повторяя ее отшлифованный бок. Между двумя горными цепями, когда-то бывшими одним целым, теперь лежал Центральный тракт, соединяющий север и юг. Вместе с Хаурака, с высоты птичьего полета он изображал крест, нанесенный на всю нашу страну. Тракт был основной торговой дорогой, первым путем для легионов, самым оживленным местом Королевства.

– Я знаю Врата, но они тут при чем?

– Ярмарка Оттиса – это ежегодный турнир для вольных воинов, вроде нашего друга. Не для простолюдинов, а для изящных господ. – На этих словах Атоса я взглянула на Гардио, но тот похоже не заметил сарказма в словах крайнийца. Атос продолжил. – Она всегда проводится у Врат Ремира с северной стороны. Гардио поступил мудро, что не пошел по тракту с юга, сейчас там идут оживленные бои легионов. Лучше пройти по этому перешейку и вдоль гор подойти к Воротам с востока.

– А почему бы нам не пойти с ним? С севера-то боев нет, – я прямо загорелась идеей посетить ярмарку. Я никогда не была с северной стороны гор, и хотела по пути к башне получить как можно больше новых впечатлений.

– Там слишкомлюдно. – Атос поморщился, и что-то едва уловимое проскользнуло в его взгляде и голосе. Что-то похожее на плохо скрытую тайну. – Там могут быть те, кто узнает меня и расскажет об этом... тому, кому не стоит.

Последняя ложка с похлебкой застыла у меня в руке, я так и не донесла ее до рта.

– Ты так и не сказал никому в легионе, куда ты уходишь?! Просто исчез?

– Ага.

Мы сцепились взглядами. В моем, как я надеялась, ясно читалось: «Трус! Ты побоялся встретиться с Алайлой!». В его – я видела: «Только посмей сказать это вслух!».

– Так. – Гардио поднялся. – Я не знаю, что у вас тут происходит, но не подожгите друг друга, друзья мои.

– Все в порядке, Гардио. *Так ведь, Лис?* – Я лишь угрюмо кивнула на вопрос Атоса, а он развернулся к блондину. – Могу я попросить тебя об одолжении?

– Для человека, рядом с которым я убивал голубей-демонов – все что угодно.

– Можешь на ярмарке поспрашивать про коронацию?

Гардио стоял, слегка раскачиваясь с носка на каблук, затем спешно облизнул губы и засунул руки в карманы:

– Ты ведь знаешь, Атос, что сейчас идет война. Никто не знает, кого и когда коронуют.

– Я про другую «коронацию», – тихо и медленно, словно стараясь донести весь смысл сказанного, проговорил Атос. – Я найду тебя позже, но мне надо знать, слышал ли об этом кто-нибудь кроме нас с вами.

Гардио опустил подбородок на грудь, словно заснув, и на долю секунды мне показалось, что он просто забыл, что идет разговор. Однако уже через миг он резко поднял голову с мрачной решимостью.

– Хорошо. – Он приложил кулак к груди.

Атос повторил жест.

– Мне надо отлучиться. Я слишком много выпил сегодня, – Гардио покинул нас, направившись к ручью.

– Почему вы выразили друг другу почтение жестом легионеров? – Я все еще злилась на Атоса из-за того, что он сбежал из легиона тайком. Но как всегда любопытство было сильнее любой обиды.

– Этот знак придумали не в легионах, – сказал Атос, снимая с огня уже пустой котелок. – Это древний символ Братства, в которое входят люди, объединенные одной тайной. Что-то вроде клятвы. Легионеры просто украли жест из истории, переиначив его. Так всегда и бывает.

#Бусина девятая

Для многих людей горы – это безлюдный мир, где гуляют ветры и дикие бараны. Мир яркого, ослепительного солнца и абсолютной тишины. Я была воспитана именно на таких представлениях, поэтому очень удивилась, узнав, что и в горах есть жизнь.

За те дни, что мы проходили перешеек, мы видели деревеньки, разбросанные тут и там – в ущельях, на плато и даже с домишками, прикрепленными к отвесным скалам.

Местные жители – загорелые мужчины и женщины, все, как на подбор, жилистые и напоминающие вытянутыми лицами лошадей. Крепкие старики и старухи, чумазы детишки, пальцами указывающие на меч Атоса. Воины были здесь в диковинку, но нас не гнали, словно уродов, а наоборот – привечали. Мы стали для горцев чем-то вроде почтовых голубей – с нами передавали новости от деревни к деревне, расспрашивали о том, что происходит в мире внизу.

В горных тружениках было гораздо больше энергии, чем в крестьянах на равнинах. Они чаще смеялись, обнажая белые крепкие зубы – и сеть морщинок от яркого солнца разбегалась от уголков глаз. Это были люди, не знавшие ужасов войн.

У них были свои обряды приветствия гостей, и их хлебосольность поражала меня. На стол выставлялись окорока, копченые в дыму, баранье жаркое, салаты из редиса и репья (кто бы мог подумать). Вино из горного винограда и хмельные кваски. Чистейшая родниковая вода и хлеб из житицы. Об этом странном злаке я узнала от Атоса.

Своих лошадей мы продали еще в первой деревне. Дороги тут были слишком крутые для них. Местные жители бодро покоряли вершины на мулах, но такой вариант гордый Атос даже не рассматривал. Так что, расставшись с моей Калио и жеребцом Атоса, мы продолжили путь пешком.

На одном из взгорий мы проходили прекрасное поле, по которому волнами пробегал ветер. Упругие растения с крепким стеблем и множеством красных мелких соцветий, идущих от основания до верхушки, заполняли все поля сколько глаз хватало.

– Не думала, что горцы и цветы выращивают, – произнесла я. Нежные красные лепестки развернулись к солнцу, словно следили за ним. Подобные цветы хорошо смотрелись бы даже в букетах.

– Это не цветы. Смотри. – Атос наклонился и сорвал что-то. Он протянул ладонь, и на ней я увидела почти круглое и приплюснутое зерно, довольно крупное, с боб величиной. Посередине странного зерна шла неглубокая выемка. – Это житица, горный хлеб. Культура, которая цветет и плодоносит одновременно и круглогодично. Правда, лишь на определенной высоте. Поэтому внизу ее не выращивают. Иначе крестьяне могли бы кормить все Королевство.

Я взяла зерно в руку. Оно было упругим, приятного желтого цвета:

– Житица... Знаешь, похоже на кофейное зерно.

– Ты знаешь, что такое кофе? – Гардио, отставший на прошлом склоне, наконец, догнал нас.

– Да, я даже пила его в замке.

– В замке? Ты жила в замке?

– Да, и играла на клавесине, – добавил Атос. – А теперь, если позволите дамы и господа, пойдем дальше.

Так состоялось мое странное знакомство с житицей. Именно тогда я впервые задумалась, как легко странный чудак Гардио вошел в наш, как мне казалось, прочный союз. Он не нарушал идиллию, а только придавал ей своего рода пикантность, периодически подначивая то меня, то Атоса. Он был старше, но никогда этого не показывал. Богаче, но молчал об этом. Единственное, чем он гордился, было рыцарство – и это единственное, в чем Гардио был фальшив от и до. Он не был посвященным рыцарем, не был храмовником, однако чтит кодексы чести и постоянно твердил о них с видом человека, имеющего на это полное право. И если я пыталась подловить его на лжи, Атос резко обрывал меня – тайны Гардио решено было не трогать, и мне пришлось смириться.

Несмотря на наши обоюдные недомолвки и его презрение к моей женственности (или, вернее, к ее отсутствию), мне было жаль расставаться с новым товарищем. Я знала, что наше совместное путешествие почти завершено. Впереди была лишь пара деревень, а за ними – дорога по другую сторону гор Хаурака – неизведанный север. Там меня ждала башня. Но это почти не занимало мои мысли. Кто знал, может, Атос просто соврал о том, что видел этот сказочный лес с лисами. Мы больше не говорили о башне, просто шли к ней, наслаждаясь дорогой.

В новой деревне, предпоследней по подсчетам Атоса, мы обнаружили на центральной улице очень неприятную картину. Похоже, собирались кого-то вешать. Самосуд был обыденностью для горцев, так как в деревнях не было никаких стражников или законотворцев. Здесь любое преступление рассматривал староста и собрание поселян. Нечто вроде суда

происходило и сейчас. Поэтому принять нас на постой не могли до тех пор, пока процесс и казнь не будут свершены.

Бледный мужчина преклонных лет с сальными волосами и бегающими глазами стоял на деревянных мостках под крупной липой. Вокруг, кажется, собралось все население деревни. Другой мужчина, на мой взгляд, мало отличавшийся от преступника, зачитывал приговор. Как выяснилось, муж заподозрил жену в измене и убил ее «кяткой». Орудие убийства находилось тут же. Станный железный инструмент с затупленными когтями – наминавший по форме лапу животного с растопыренными пальцами. От Атоса я уже знала, что такие кятки используют при сборе житицы – им «прочесывают» растение снизу вверх, собирая зерна. Я даже представить себе не могла, как долго надо было бить человека таким «оружием», чтобы лишить его жизни.

Обвиняемый не отпирался, он просто молил своих земляков о снисхождении. К тому же, по его словам, неверность жены была мнимой, и худшим наказанием для него стали муки совести.

– Кошмар, – буркнул Гардио, стараясь не смотреть на мостки и липу, на которой уже готовили петлю. – Это варварство. За убийство по страсти отнимать жизнь у преступника, который раскаялся и даже не пытался бежать.

– Он убил свою жену, – заметил Атос в своей обычной немногословной манере. – Родного и близкого человека, доверявшего ему. По-моему, все просто – смерть за смерть. Весьма справедливо.

Они стояли слева и справа от меня – один был жесток, а другой хотел милосердия. Я на секунду почувствовала себя душой, за которую борются демон и ангел. Правда, мои друзья не боролись и вообще вряд ли обращали на меня внимание. Именно поэтому я должна была что-то сказать. А мне так хотелось походить на Атоса.

– Убить самого близкого человека, не ждущего удара, – подло. Он заслужил смерть.

Во взгляде, который кинул на меня Атос, почему-то читалось не одобрение, а скорее тревога. Но я не обратила на это внимание и во все глаза разглядывала деревенских жителей. За толпой в отдалении от нас стояла весьма странная пара. Женщина с маленьким мальчиком, державшим ее юбку. Сомнений не было: они оба были с Заокраины.

Бывшее государство, располагающееся за Краем, откуда прибыл Атос, было уничтожено каким-то магическим взрывом многие годы назад. Вот так, за одну ночь. Его народ раскидало по соседним странам, но без дома и без надежды его обрести эти люди быстро стали изгоями. От взрыва

образовалось магическое облако, которое накрыло целый народ, наделив их талантом: предсказывать, гадать, создавать амулеты и привороты. Но ни в Королевстве, ни в приграничных государствах никто не любил магию. У нас были свои Поглощающие и Слепящие (так иногда именовали Сияющих, а в отдаленных глухих уголках их звали и вовсе Ослепляющими), и мы не доверяли мистическим искусствам – обычно они вели к смерти.

Внешность заокраинцев (или «ока» как стали называть их после уничтожения страны) была также весьма непривычной для наших земель. Если люди из Края часто, как Атос, обладали пепельной шевелюрой и смуглой кожей, то ока словно умножали эту внешность в десять раз. Эта была южная нация с шоколадной глянцевой кожей и абсолютно белыми волосами.

Женщина и мальчик были лучшими представителями ока, словно срисованные из книг, которые я читала. Одетые в национальные одежды, пестрящие яркими цветами и множеством слоев, обвешанные с ног до головы амулетами, бусами, браслетами и кольцами, – они смотрелись дико в этой горной деревне, словно попугаи среди серых воробьев.

Женщина была уже немолода, но все еще статна и привлекательна. Мальчику было лет пять, а может, и того меньше. Он держался за юбку женщины, словно малыш. Мать и сын ока в таком месте? Взгляды их были прикованы к одной точке. Внезапно послышался резкий хруст.

Я против воли повернула голову и тут же пожалела об этом. Убийца уже качался под липой на короткой пеньковой веревке. Обошлось без длительных мучений – когда его столкнули с помоста, он повис, а петля сломала шею. Зрелище было неприятным и в чем-то неправильным. Я, разозлившись на себя, снова посмотрела на ока, но те уже были довольно далеко от места казни. Женщина с мальчиком направлялись к выходу из деревни, тому, через который мы должны были пройти после отдыха и ужина.

У липы задержался только один селянин. Я не поверила своим глазам, но он покупал кятку, которой убийца совершил свое преступление. Он уверял старосту-судью, что инструмент еще неплох – и послужит ему. Я лишь покачала головой: у горцев, видимо, совершенно другие понятия о смерти. Мне пришлось догонять Атоса и Гардио, уже нашедших нам кров на ближайшие часы.

Старосты в горных селениях звались главоочами. Именно в дом местного главооча мы и направились вместе с его пухлой и жизнерадостной женой, пожелавшей «захватить интересных путников» именно для своего стола.

Она рассадила нас и начала заставлять глиняными блюдцами и горшками грубую столешницу, покрытую льняной скатертью. Как по волшебству перед нами возникли суп из житицы, мясное рагу с горным водянистым картофелем, пирожки, жаренные в виноградных листьях, и много ароматного чая с лавандовым цветом и медом для сладости. Сам хозяин дома вошел чуть позже, вздыхая:

– Теперь он будет там до утра болтаться. Убрали бы и раньше, да ведь нельзя! Традиция.

Жена, и без того носившаяся по дому, словно ураган, мигом подлетела к мужу и перехватила у него шерстяной тулуп, погладила по плешивой голове и подтолкнула к столу. И все это в одно движение. Будь она мечницей, а не домохозяйкой, у меня не было бы ни одного шанса против такой скорости.

– Ну что ж, пусть висит, – печально сказала она, раскладывая ложки. – Утром похороним в святой земле, и пусть что грешник. Свое уже отмучился.

– Святая? – заинтересовано протянул Гардио, уже набивший сытным рагу обе щеки. – А кому поклоняются у вас в деревне?

– Дай подумать. – Староста присел. – Кашми-хлебопашцу, Ириде-ткачихе, да и пара идиотов – горным баранам.

Его жена осуждающе громко поставила перед ним плошку:

– Ну и что, что баранам? Люди-то хорошие. Не бродяги какие-нибудь.

– Ах, оставь...

– Таким людям нельзя позволять даже проходить через нашу деревню! Не то что покупать хлеб, Гейбо.

– Вы об ока? – вдруг догадалась я.

– Моя жена, Сикфа, чересчур болтлива и остра на язык. – Староста шикнул на супругу. – Я держусь тех взглядов, что, коли без воровства и убийства – так все люди неплохи. А ока даже стоит пожалеть – уж сколько столетий мотаются по чужим землям.

– Они отрабатывают проклятие, которое на себя навлекли их деды и прадеды.

Резкий голос справа чуть не заставил меня подпрыгнуть. Атос, в общем и целом не любивший застольных бесед, редко вставлял слово. Но теперь он ответил с тихой, едва сдерживаемой яростью. Жена главооча

закивала:

– Молодой рыцарь прав. Они прокляты, и в том только их вина. Нельзя пытаться природу магией и не ждать ответного удара.

Но Атос словно не слышал ее слов. Он продолжил:

– Из-за внешнего сходства с крайнийцами нас часто путают. Считают, что раз мы из соседних стран, то мы тоже неучи, воры и голодранцы. Такое родство выставляет нас не в лучшем свете.

– Ах, душечка! – Хозяйка, подлетев к Атосу, неожиданно потрепала его по щеке, да так, что мой друг смутился и покраснел. – Ну, кто же вас спутает? Вы не похожи совсем! Край – развитая страна, я слышала, у вас даже строится университет – куда уж выше. Вы совсем не родня ока!

Атос заулыбался, и обстановка за столом чуть разрядилась.

Я меланхолично жевала, уставившись на огонь в очаге. Он напоминал мне прошлые дни и костер Кэрка. А староста был, видимо, славным человеком.

– Вы не могли бы рассказать сказку или предание?

– Сказку? – Гардио выглядел удивленным. А вот Атос, кажется, понял мою просьбу. В его радостной улыбке появилась нотка ностальгической грусти.

– Что-то вроде местного предания? – Главооч пожевал губами. – Вы, путешественники, всегда так любите наши местные байки. Что ж, я, пожалуй, могу кое-что рассказать.

Сказание Гейбо:*Выбор беспутного Малута**

Вы сегодня стали свидетелями не самого радостного события в нашей деревне. Да, такое случается и у нас тоже: люди воруют, дерутся, спиваются, а иногда и убивают. Но каждый человек в своей жизни делает выбор: стать злым или нет. И я хотел бы рассказать вам сказание из нашей местности о трудности выбора.

В нашей деревне, во всяком случае, по словам старожил, жил когда-то парень Малут. Он был здоровенный детина и мог бы быть гордостью своих родителей, если бы не одно «но». Парень просто не мог принимать какие бы то ни было решения. От совсем простых до самых важных.

Он хотел бы жениться, но не знал, кого выбрать: хохотушку Рыжую Битси или же серьезную Тайлу. Он хотел

работать в поле, но не мог решить, что ему засеять: житицу или горный овес. Он хотел перемен, но не знал, ехать ему в город или подниматься еще выше в горы и обзаводиться собственным хозяйством.

За каждым выбором Малут видел только возможность ошибки, и она страшила его. Он размышлял: «А что, если я выберу не то, ведь я же буду грустен и недоволен. Лучше тогда вообще не выбирать». Но жизнь текла, и Малут начал понимать, что в его рассуждениях правды мало. Сверстники переженились и завели детей, у всех процветали поля и огороды. В конце концов наш герой получил в своей деревне прозвище – беспутный Малут. И прилипло оно к нему так, что все – от детей до стариков – называли его только так.

Тогда Малут решил, что единственная, кто поможет ему – это богиня местного родника Калалады. Ведь если не под силу богине заставить его делать выбор, то никто уже не поможет. И Малут отправился в путь.

А надо сказать, родник Калалады находится высоко в горах, и дорога туда довольно сложная. Кусты так и норовят столкнуть с тропы, камни осыпаются на горных переходах, и земля уходит из-под ног. Много страху натерпелся Малут, но все твердил себе: «Нельзя же вечно быть беспутным! Уж богиня-то мне поможет». Он перебирался над пропастью по веревке, перепрыгивал расщелины, и двигало им лишь желание получить помощь богини.

Наконец Малут достиг родника, над которым, склоняясь и любуясь на свое отражение, проводила дни вечно юная богиня Калалада.

– Богиня! – срывающимся голосом вскричал Малут. – Я больше не могу так жить – никак я не могу сделать выбор, все мне кажется, что последствия меня погубят. Дай мне своей божественной силы, чтобы делать выбор и не бояться.

Но богиня лишь нахмурилась:

– Ты, беспутный Малут, шел ко мне через овраги, кручины, горы и расщелины. Каждый раз ты знал – оступишься и упадешь, разобьешься насмерть. Но каждый раз, чтобы дойти до меня, ты делал выбор идти дальше, вперед. Твое желание увидеть меня было так сильно, что ты делал выбор не думая – плохо или хорошо тебе будет. Как тело твоё дышит – выбирая

вдох и выдох, так и ты, сильно желая чего-то, – выбираешь сердцем. Так чего же ты хочешь от меня, Малут?

И парень пристыженно опустил голову:

– Спасибо, богиня. Все, что я желал – то получил.

И Малут направился обратно в деревню. Страх перед выбором отступил, да и был ли он когда-то? Малут сделал предложение Битси, и через месяц начал возделывать рощу дикого винограда. Виноград вышел совсем плох, но Малут больше не боялся – он просто снова сделал выбор и засеял житицу. Вот она уродилась на славу.

В нашем селе мы помним Малута, потому что постоянно делаем выбор, который и определяет наше будущее. Но каким бы оно ни было, чтобы оно наступило, выбор надо делать, и бояться его не стоит.

* * *

История главооча хоть и была коротка, но понравилась мне. За окном стемнело, и хозяйка дома начала уговаривать нас остаться. Ночевать под открытым небом никто не хотел, и мы с благодарностью приняли предложение переночевать в местном сарае, среди сена и старой утвари.

На прощание перед сном я обратилась к главоочу:

– Спасибо, Гейбо. Ваша история и впрямь интересна. Люди гор очень отличаются от тех, кого я знала на равнинах. Даже взять историю с кяткой убийцы. Один из ваших селян просто взял и купил ее – ведь жизнь должна продолжаться, а хорошее оружие не должно пропадать.

Староста нахмурился:

– Это был не наш селянин. Мы, конечно, все намерены жить дальше, но пахать землю орудием смерти мы непривычны. Видимо, этот человек пришел из других мест, где подобное дурным не считается. Я отдал ему кятку бесплатно.

* * *

Мы устраивались спать на пахучих тюфяках из соломы. Гардио вошел в сарай первым и мало того, что успел ухватить самый мягкий из тюфяков, так еще и выбрал место, откуда сквозь люк на крыше проглядывало горное

звездное небо. Мне достался матрасик с какими-то жужжащими насекомыми.

Гардио же разлегся и устался в потолок, потом неожиданно заявил:

– Как мне ни симпатичны наши хозяева, но то, что сегодня произошло в деревне, неправильно.

Атос не стал спорить, а очень внимательно посмотрел на меня. Я тоже решила промолчать, и, воспользовавшись этим, наш блондин продолжил:

– Жители гор считают, что им не нужна власть или суды, но, по сути, без какого-либо закона сами становятся преступниками.

– Это не преступление. Это справедливость. – Мне стало невыносимо, что Атос отмалчивается.

– А что такое справедливость, Лис? Кто определяет ее границы? Для одного убийство детей врага оправдано его верой, для другого – высшая справедливость заключается в службе плохому и старому королю, – он замолчал, поглощенный то ли мыслями о сказанном, то ли воспоминаниями.

– Справедливость – это то, что я чувствую сердцем.

Я понимала, что мое утверждение слабовато, и вновь взглянула на Атоса. Он обустроивал свой угол для сна и решительно не замечал наш спор.

– Твое сердце, его сердце, их сердца – они все такие разные. Получается, что у каждого своя справедливость, пока нет общего закона. И пока его нет – то, что было сегодня в этой деревне, называется не справедливостью, а мстью.

– Разве такого рода месть может навредить? – Я вспомнила всех людей, для мести которым у меня были основания. Последнее время список возглавляла Алайла.

Гардио засмеялся:

– Иногда я забываю, насколько ты молода. Лис. Месть никогда не заставит тебя чувствовать себя хорошо. Если внутри ты светлый человек, то со временем ты изведешь себя из-за нее. И всегда останется возможность превратиться в мстительного Сэма.

– Какого еще Сэма? – Атоса почему-то развеселил мой вопрос. А Гардио лишь получше устроился на своем тюфяке. Он развернул ко мне свою отвратительно блондинистую голову:

– Ты же вроде всякие сказания собираешь. Неужели не знаешь про мстительного Сэма?

– Это вроде глупого Тома, – поддакнул Атос.

– ...или смелого Ральфа.

– Погодите. Том, Ральф – это вроде нарицательные имена. Глупый Том из южных сказок о мальчике... Он так гордился тем, что прочел одну книгу, что возомнил себя мудрецом. И прожил всю жизнь, не замечая, что все за его спиной смеются над ним. Глупым Томом называют обычно зазнаек, у кого ума нет совсем.

– Ага, а смелый Ральф это реальный человек. Это был военачальник Тилля, который, идя на бой с Королевством, сжигал все деревни у себя за спиной, чтобы не было возможности отступить и вернуться. Смелость здесь весьма сомнительная. – Атос зевнул и потянулся.

– Хорошо, с этими все ясно. Но кто такой Сэм?

– Да тоже некий герой народных баек. Парень, который из-за желания отомстить потерял всю семью. Вроде бы он ненароком убил кого-то из родных, кажется, мать.

– Да нет. – Гардио решительно помахал рукой. – Там была речь о сыне. Он так увлекся местью своей жене-изменнице, что убил сына.

– Неприятный тип.

– Это метафора, Лис. Просто метафора.

Я улеглась к своим насекомым, размышляя о Сэме, Томе и прочих ребятах, чьи имена вдруг неожиданно стали частью нашего мира. Мечь, определенно, страшная штука. Раньше, пока я была в бегах, она меня не притягивала, хотя, видят боги, поводов для нее у меня было предостаточно. Справедливость и мечь – как солнце и луна. Можно подменить одно другим, но разница все-таки очевидна.

Интересно, кем был на самом деле этот Сэм. Насколько надо увлечься местью, чтобы потерять все ради нее. Для того чтобы забыться в мести и получить от нее удовольствие, надо, наверное, иметь другой склад характера. Это что-то вроде риска: есть ведь совсем не азартные люди, а для иного и матицца – повод спустить все деньги. Наверное, мечь – это тоже чувство, растворенное в крови человека. У кого-то ее совсем нет, а для прочего нет ничего кроме нее.

Мои глаза слипались, а в голове зудел какой-то неразрешенный вопрос. Но я была слишком измотана путешествием и легко провалилась в сон, оказавшийся кошмаром, о которых я почти забыла.

* * *

Я стояла на деревянном помосте под липой, и на шее у меня была веревка. Мне захотелось как-то оправдать себя, но рот был словно водой

заполнен. Я повернула голову и увидела, что на помосте со мной стоят еще два человека.

Рядом с такой же петлей на шее стоял Атос, его лицо было перекошено от ярости. За Атосом стоял незнакомый мне мужчина. На голове у него был мой лисий шлем, из-под него по ветру разлетались длинные песочно-золотистые пряди.

Вдруг глаза мне закрыли темные руки, об лицо ударились бусины браслета:

– Всегда приходится делать выбор, Ягн’еночек, – прошептал глубокий и низкий женский голос с хрипотцой.

Помост у меня под ногами зашатался, и я упала. Я готова была услышать хруст моей ломающейся шеи – моей или тех, кто стоял со мной. Но вместо этого уши залил шум и крик разрываемой ткани. Он был так невыносим, что я проснулась.

* * *

Утро только разгоралось, когда мы зашли в маленькую деревеньку на северных склонах Хаурака. Собственно название «деревня» сильно польстило бы этим семи домишкам, расположенным в окружении низкорослых горных виноградников. Пора сбора плодов еще не пришла, и проглядывавшие между листьев виноградные гроздья даже на вид вызывали во рту ощущение едкой неспелой кислоты.

Как и везде в горах нас вышли встречать, едва мы пересекли какую-то невидимую черту при входе. Молодой крепко сбитый староста представился Таррой, потом представил свою жену – тоже Тарру, и дочерей... и они звались Таррами. Заметив наши недоуменные лица, главооч объяснил:

– У нас тут сорок шесть душ в деревне, и кого ни спроси – каждый будет Таррой. В обычае нашей деревни называть детей двумя именами – Тарра и истинное имя. Истинное имя знают только мать с отцом да супруги при свадьбе. Мы верим, что демоны могут навредить человеку, лишь зная его настоящее имя.

– Мы не демоны, – на всякий случай уточнил Гардио.

– А-ха, я вижу! Но они могут подслушать разговоры людей, вот и весь сказ.

– А вы не путаетесь? Ведь если вы крикните «Тарра, помоги мне!» – выбегут все ваши поселяне.

– Скорее ни один. – Тарра-главооч поскреб переносицу. – Ленивые бестолочи они, вот кто. Но для различий мы даем клички – есть Тарра-косой и Тарра-скромница, Тарра-толстый кошель и Тарра-не-туда.

– Интересно узнать, откуда произошло последнее имя. Что именно «не туда»?

– Лучше не надо, моя хорошая. Юным девушкам знать такое не полагается. – Староста смутился, а Гардио и Атос расхохотались.

Пока крайниец уточнял карту в доме главооча, мы с Гардио решили прогуляться по деревне. Лучи утреннего солнца из припекающих становились жгущими. И я в который раз в этих горах подумала о сущности сжигающего света. Когда-то в детстве я уверилась, и никто не мог меня переубедить, что Сияющие лучше Поглощающих. Разумеется, в рамках воспитания я понимала, что смерть и проклятие несут и те и другие – слишком много и часто мне напоминали об этом взрослые. Наш замок находился в дне пути от Удела Света, а в такой опасной близости любопытным детям надо часто напоминать о том, что может произойти за гранью этого мира.

Так или иначе, в детстве я поверила, что свет и солнце, из которых высшие маги черпают силы, не могут служить абсолютному злу. Моя вера продолжалась до тех пор, пока не обнаружили на одном из полей умирающую девушку. Поговаривали, что она ходила за грибами в лес и нередко заходила на территорию Сияющего. Когда ее нашли привязанную к столбу посреди пшеницы, она была иссушена, как сухой лист. Жара и зной, умноженные на тысячу раз, сделали за день с помощью магии то, что могло бы продолжаться неделю. В ее теле не было влаги, но глаза... Когда девушку нашли, она все еще смотрела из-под иссушенных век большими влажными глазами на тех, кто пришел. Она уже не могла говорить, но ее глаза кричали и молили о смерти.

Даже сейчас, спустя многие годы и километры от этой истории, по моей спине пробежали мурашки. Солнце и свет бывают беспощадными, а Сияющие ничем не лучше Поглощающих.

– Ты чувствуешь? – Гардио тронул меня за руку, но я была так глубоко в своих воспоминаниях, что подпрыгнула от страха. – Да что с тобой?

– Все нормально. Просто невеселые мысли.

– Прислушайся.

Гардио указывал на строение, находившееся посередине деревушки Тарра. Похожее на прочие дома, только в разы меньше, оно было вымазано какой-то бурой краской, делавшей его еще непригляднее. Вначале мне казалось, что я слышу только гомон селян, что-то объясняющих Атосу, но

потом заметила мерный гул, который исходил от здания. Словно внутри находилось что-то живое, издающее очень тихий, но постоянный звук, подобный низкому реву трубы или боевого рога.

Я подошла к зданию и прислонилась ухом к двери. Звук, несомненно, шел оттуда.

– Проклятый артефакт, а. – Гардио подошел сзади. Желваки на его лице напряглись.

– Вещь Поглощающих? Но как ты узнал?

– Я частенько их видел и слышал. Великое множество. А когда их часто видишь, начинаешь, что ли, чувствовать их ауру.

– Постойте. – Я схватилась за голову. – Что значит, ты их часто видел, ты же не..?

Гардио рассмеялся:

– Успокойся, Лис. Я не Поглощающий. Просто мой отец... коллекционировал такие вещи. Была у него такая тайная страсть. Ему они казались атрибутами власти и силы. Но сам он не мог совладать даже с родственниками. – В голосе Гардио зазвучала неподдельная грусть.

– Он умер?

– Да, уже как пару лет.

– Ты не рассказывал о своих родителях. Это впервые. – Я сознательно избегала этой темы с Атосом, боясь, что он начнет расспрашивать про мое прошлое. На Гардио эти страхи почему-то не распространялись.

– А что рассказывать. Все как у всех. Отец любил меня, а я – его.

В моей голове мелькнула мысль: «О, дорогой, далеко не у всех отцы любят своих детей. Иногда они могут забыть о кровных узах. Дня за три». Но вслух я ничего не произнесла.

– Господа что-то ищут?

Я второй раз за день испугалась подкравшегося сзади человека. На этот раз это был селянин. Кривобокий, с одним плечом выше другого и лицом, покрытым угрями, этот мужчина мог вызвать только неприязнь. Но я была научена горьким опытом и знала, что реальное зло обычно имеет обличье красоты. Поэтому дружелюбно обратилась к подошедшему:

– Я Лис, это – Гардио. Мы идем на север.

– А я Тарра-Красавчик. – Мужчина неприятно захихикал. – Мои земляки любят пошутить. Вы что-то высматриваете здесь?

– Там что-то недоброе внутри, – не стал юлить Гардио.

Крестьянин кивнул.

– А как же – главное сокровище нашей деревни. Бедренная кость Тарра. Однажды через наши земли шел Поглощающий, и в благодарность

за нашу доброту он оставил нам один из своих талисманов. Бедренная кость человека по имени Тарра. Поглощающий рассказал, что смог убить того только лишь когда узнал его имя. С тех пор эта кость хранится здесь, а все в нашем селе носят ее имя, чтобы истинное имя не было известно никому из демонов или магов. Хи-хи-хи.

Я нахмурилась, а Гардио заметно побледнел.

– Как вы можете хранить этот предмет? От него же просто несет злом.

– Именно, – ничуть не смущаясь, кивнул Тарра-Красавчик. – И это знают все, включая равнинных бандитов. Мы находимся ниже прочих деревень на Хаурака, и раньше набеги к нам совершали по три раза в год. Теперь они боятся. Мы этих мерзавцев уже десятки лет не видели. К тому же кость Тарра может излечить.

– Вот это что-то новое. Проклятый артефакт и лечит, – не выдержала я. Мой сарказм Тарра воспринял как восхищение.

– Именно! Именно. Правда, чаще убивает, – добавил он. – Но рискнуть ведь стоит. К нам приходят со всей горной цепи, несут безнадежных больных, которым терять уже нечего. Это как игра в дум-каа: либо выиграешь, либо проиграешь.

Гардио силой развернул меня за плечи и стал уводить от сарая, даже не попрощавшись с Таррой. Вслед нам понеслись его мелкие смешки.

– Проклятые артефакты всегда будут привлекать людей.

Эта фраза заставила меня вспомнить про Алайлу. Я отчетливо увидела, как она подбирала ключ из травы, когда я баюкала мертвого Кэрка на коленях. Ее взгляд был холоден, но жаден.

– Такой артефакт может лишить человека воли?

Гардио покачал блондинистой головой:

– Редко. Чаще люди просто показывают свои пороки, гоняясь за властью обладания такой вещью.

– Я знала кое-кого... у нее есть ключ, сводящий людей с ума. – Я задумалась. – Как думаешь, такой предмет может быть связан с теми монстрами, которых мы встретили в Крылатой пещере?

– Вряд ли. Иногда страшные и таинственные вещи происходят независимо друг от друга.

– Этот ключ и вправду был жутким. Он заставлял слышать свои страхи. – Атос не хотел слушать меня. Каждый раз, когда я пыталась завести разговор об Алайле и ключе, это приводило к ссоре и длительному молчанию. Поэтому я так стремилась поговорить о ключе хоть с кем-то.

– Ну и сказка на ночь. Теперь я стану шарахаться еще и от ключей, – вздохнул мой друг. Он явно не хотел продолжать разговор. – Пойдем, Атос

у ворот нас уже заждался.

Крайниец и правда метался у ворот, выходящих на север, как запертая в клетке белка.

– Я устал от этих чертовых Тарра. Их тут слишком много.

Когда мы уже вышли из деревни, Гардио махнул в ее сторону рукой и произнес:

– Как им может помочь то, что они скрывают свои имена от демонов? Их личный демон живет посреди деревни и каждую секунду отравляет им жизнь.

* * *

Обычно кажется, что горы заканчиваются резко. То есть ты идешь сначала вверх или вниз, и тут бац – и уже равнина. На самом деле я толком даже не поняла, когда мы перешли Хаурака и оказались на северной стороне. Просто вдруг мы там очутились.

Был полдень, и солнце все так же беспощадно жгло. На моей памяти это было самое безоблачное лето за долгие годы. Наверное, крестьяне уже волнуются, как бы солнце не спалило их посевы.

– Полдень. Время тренировки. – Атос остановился. На протяжении всего нашего путешествия он продолжал следовать этому правилу, введенному еще тогда, когда мы были легионером и генералом Алой Розы.

Гардио обычно на время наших тренировок растягивался на траве и читал какую-то маленькую книжку (мне так и не удалось узнать язык на ее обложке, а он упорно молчал об этом). словно скрывшись за книгой, он пытался изо всех сил не замечать, как неподобающе я себя веду, когда сражаюсь с Атосом. Однако сегодня что-то изменилось. На самом деле все было просто, и я могла бы догадаться и сама: мы спустились с гор.

– Пожалуй, время сказать «прощай». – Он произнес это с такой искренней грустью, что мне тоже стало печально. Его запыленный в путешествии зеленый камзол, копье в креплении через спину, идеально блондинистая голова – я привыкла к этому, как и к Атосу.

– Мы не прощаемся. Я же сказал, что найду тебя, чтобы узнать то, что ты выяснишь. – Атос, похоже, не сомневался, что сможет найти Гардио на просторах Королевства без особого труда. – После дел на севере. У нас уговор.

– Я бы хотел попрощаться с каждым из вас... отдельно. – С этими словами наш блондин подхватил Атоса под локоть и увел от меня

подальше. Я видела только, что он взволнованно что-то говорит Атосу и несколько раз ударяет себя кулаком в грудь. Атос молча кивал, а затем похлопал его по плечу. Этот жест был чем-то вроде высшей похвалы от бывшего генерала. Он мог не говорить этого, но я знала, что и мой хмурый учитель полюбил болтливую и непутевую Гардио.

Закончив с Атосом, «противный блондин» подошел ко мне. Выше меня, может, лишь на полголовы, он производил впечатление подростка более чем кто-либо из нашей команды. Сейчас его глаза сверкали:

– Послушай, Лис. И постарайся не перебивать, – добавил он с нежной улыбкой. – Ты знаешь, что я не одобряю твой стиль жизни и тот по-детски упрямый настрой, с которым ты его отстаиваешь. Я все еще считаю, что место женщины у очага. И я искренне надеюсь, что ты найдешь и свой дом и своего мужчину...

Он сделал небольшую паузу, ожидая потока возражений с моей стороны. Но сейчас было не время и не место, поэтому я лишь мягко улыбнулась.

– ...Но я в самом деле желаю тебе счастья, каким бы оно ни было. А главное – береги себя. Мне почему-то кажется, что впереди у вас с Атосом много проблем. Пожалуйста. – Его голос чуть дрогнул. – Будь осторожна, девочка моя.

Он неожиданно обхватил мое лицо ладонями и по-отечески поцеловал меня в лоб. Затем, не давая мне опомниться, развернулся на каблуках и зашагал на запад. Этот поцелуй, может, глупый и нелепый, показался мне таким искренним, что у меня защипало глаза. Чтобы не выдать себя, я сильно прикусила губу – обычно боль помогала отвлечься от грустных мыслей.

Атос подошел сзади и положил руку мне на голову. Он не стал заглядывать мне в глаза, за что я была ему благодарна.

* * *

– Та же самая ошибка! Что с тобой делать?

Я упала на траву, перед глазами все плыло. Мне казалось, я блестяще провела несколько атак и почти добралась до Атоса, но он исхитрился вывести меч слева и рукояткой ударил мне в солнечное сплетение. Боль была ужасной. Атос сел на траву:

– Лис, это уже третий раз, когда ты попадаешься на этот маневр. А ведь его довольно легко парировать.

Мне нечего было ответить, и я молчала, со свистом втягивала воздух, пытаюсь унять боль и восстановить дыхание.

– Беда в твоей памяти.

– Что не так с моей памятью?! – спросила я сорвавшимся голосом.

– Помнишь, мы видели поле житицы?

– Ну...

– На какой высоте она росла?

Я встряхнула головой:

– А какая разница?

– Какого цвета была рубашка главооча? Сколько кружек на стол выставила его жена? Сколько ночевок мы провели при переходе по Хаурака?

– Да разве это важно? – Я была раздосадована. Все эти вопросы не имели смысла и совсем не относились к тренировке и моему поражению.

– В этом и беда. – Атос приложил палец к своему виску. – Ты делишь все сведения на важные и бесполезные. Ты запоминаешь только то, что, как тебе кажется, может пригодиться. Это расслабляет твой разум, и ты перестаешь управлять собственной памятью.

– По-твоему, если запоминать все мелочи, это поможет мне в бою? – Я вроде бы начала улавливать его мысль, но от обидной правды лишь больше хотелось поспорить.

– Конечно. Запоминай каждую деталь, каждую травинку. Поворот тропы, узор на рукаве, трещину в миске. Запоминай, и твоя память станет шире. Она позволит запоминать больше движений, больше атак в битве. Она начнет управлять телом, а не наоборот. Каждая хозяйка зажиточного дома упражняет свою память лучше, чем ты. Она идет на базар и помнит, что у одной торговки молоко всегда несвежее, а хлеб надо брать именно этот, у которого корочка твердая. Ты сочла бы эти сведения глупостью, но именно они позволяют ей расширить память и выучить красивые мелодии, – он не удержался от легкой улыбки. – Чтобы сыграть их на клавесине, например.

Я покачала головой. Иногда Атос любил поумничать.

– А ты сам? Думаешь, твоя память так хороша? Например, когда мы в первый раз встретились?

– Когда я ссорился с Аусси по поводу его перехода в нашу армию. Я оставил барда у шатра и пошел узнать о поставке продовольствия. С дороги я случайно столкнул мелкого паренька в странном шлеме. Ладно, вставай – начнем тренировать твою память прямо сейчас.

Я поднялась и почему-то почувствовала, что краснею. Он помнил. И

это показалось мне безумно важным.

* * *

Мы стояли у распутия. Впереди перед нами лежала широкая дорога, мощенная тяжелыми серыми плитами, а направо уходило несколько мелких тропок. Погода все-таки испортилась (к радости крестьян, наверное). Дул сильный ветер, грозящий за пару дней набрать ураганную силу.

– Сейчас у нас небогатый выбор – мы можем двинуться ближе к морю и идти рыбацкими поселками, но при этом заложим нехилый крюк. Или же идти напрямую, но на пути у нас город Штольц.

– Серебрянный Штольц, – удивилась я. С географией у меня всегда было плохо, это отмечал даже старый лорд, иногда посещавший уроки. Но я была уверена, что этот город мы оставили далеко на западе. Интересно...

– Он самый.

Взглянув на Атоса, я поняла, что ему совсем не хотелось появляться в больших городах, где его могли узнать. Но у меня были свои причины.

– Разве это не северная столица оружейного дела и мастеров по броне? – Он кивнул. – Помнишь, мы договаривались с Хиалом-монстром о том, что в обмен на «спасение девушек» местный кузнец выкует мне броню. Ну вот – броня мне все еще нужна.

– Я и так тебя кормлю за свой счет, – со смехом ответил Атос. – Теперь я должен тебе еще и броню покупать?

– Я сама заработаю. – Его ответ уязвил меня, и он это знал.

– Как, неужели решила сыграть на...

– Даже не начинай!

– Я не уверен, найдем ли мы для тебя...

– Умоляю!

– На худой конец, бубен, не клавесин, конечно.

Я в сердцах швырнула в него мелким камнем с дороги, но он увернулся и только рассмеялся.

– Неужели для мечника не найдется работы в крупном городе?

– Допустим. Но броню тебе в один день не выкуют, даже на переработку имеющегося образца уйдет неделя в лучшем случае.

– Ну а мы куда-то спешим? Башня-то не исчезнет за неделю. Я никогда не бывала на севере, Атос.

Он задумался. Порыв ветра растрепал его волосы, откинув их со лба. Почему-то мне захотелось вернуть их на место, и даже рука дернулась, но я

вовремя остановила себя.

– Хорошо. Делаем броню и идем дальше.

Я едва не затанцевала от радости. А волосы на лоб Атос вернул сам.

Серебряный Штольц – город, получивший свое название из-за огромного количества серебряных и золотых дел мастеров, составляющих основную массу местных жителей. Так как серебра в этих краях было больше чем где-либо, то и ремесленников, работающих с ним, тут оказалось в достатке. Разумеется, на время войны город хоть и сохранял свое название, но производимый в нем товар сильно изменился. Мечи, кинжалы, алебарды и топоры, броня и шлемы, – все это расплзлось по Королевству из Штольца со скоростью заразы.

Местные мастера умело работали не только с мягкими металлами, сталь и различные сплавы также были в ходу. Оружие, выходящее из Штольца, считалось самым лучшим в нашей стране – это знали все.

Однажды к нам в замок заезжал друг лорда, старый раздутый петух в серебряной броне. Металл так чудно светился на солнце, что я была очарована доспехом целую неделю. И нашему учителю по бою пришлось, наверное, в течение месяца заверять меня и юного мастера, что серебро не годится для настоящего боя и вряд ли сможет служить надежной защитой.

Нет, серебряной брони мне уже не хотелось.

Мы вошли в город в сумерках. Серебряный Штольц сильно отличался от южных городов, где я бывала, и уж конечно был несравнимо прекраснее всех горных деревень на свете. Дома здесь, высотой в три, а иногда четыре этажа были покрыты белейшей штукатуркой, а углы и проемы обрамляли балки красного и коричневого дерева. Крыши были сплошь черепичные. А дорога под ногами, думаю, мало отличалась от столичной. Отличный камень, отшлифованный сотнями ног.

На нас тут не смотрели как на диковинку, все были слишком заняты своими делами. Люди в опрятных одеждах: женщины в чепцах, мужчины в суконных камзолах. После сел Хаурака я словно попала в высший свет, и мне вдруг стало неловко за свою испачканную одежду и растрепанные волосы. Атос, судя по всему, испытывал то же самое чувство, но ни за что не признался бы в этом, даже самому себе.

Внезапно мирно шедшие люди побежали, послышались крики. Идиллия тихого вечера взорвалась женским визгом и мужской руганью. Атос встал передо мной, и его рука легла на рукоять меча. Однако его тревога оказалась напрасной, на нас не обращали внимания – все люди бежали в одном направлении. Откуда-то из-за зданий валил черный плотный дым.

– Пожар, – сказал Атос, снимая руку с меча. – Беда крупных городов. Пойдем, я знаю тут неплохую гостиницу.

Здание оказалось в паре кварталов, и это бурое и замшелое строение я бы никогда не назвала «гостиницей». Снаружи дом сильно отличался от однотипных бело-штукатуренных домиков. Деревянный терем с грубой отделкой в два этажа. Окна были покрыты копотью, и я внутренне содрогнулась. Атос каким-то образом почувствовал мою неприязнь и улыбнулся:

– Может, снаружи и внутри неказисто, но это лучшее место для наемников и бродяг, ищущих работу. Недорого, сытно, можно услышать слухи и получить заказ на работу. Такие места есть в каждом городе. Если ты не собираешься последовать советам Гардио и обзавестись малышами, тебе стоит запоминать такие логова.

Мне было нечего ответить, и мы вошли в «гостиницу». Изнутри она была еще гаже, чем снаружи. Может, поэтому посетителей там не было совсем. Стол неспешными движениями протирал сухой старик с длинной бородой и печальными блеклыми глазами. Он указал нам на стол у мутного окна и подошел принимать заказ.

– Привет, Кристофер. Как твои дела? – Похоже, что Атос и хозяин неплохо знали друг друга.

– Не очень. Но богам душу пока не отдал. Накопил денег и отправил старшего сына в Ларгориум, изучать науки. Глядишь, будет толк. – Кристофер говорил усталым и безжизненным голосом. Так обычно выглядят люди, которым все осточертело, но изменять они свою жизнь все равно не намерены.

– Добро. Но что-то у тебя пусто сегодня.

– Так пожар. Все убежали к приюту Фриоса. Уже шестой на этой неделе.

Атос пропустил столь интересные новости мимо ушей.

– Что насчет работы, Кристофер?

– Не сезон. – Владелец гостиницы задумался. – Можно податься к купцам в телохранители, место-другое там всегда есть. Но там же полугодичные контракты, а ты никогда не любил задерживаться надолго в Штольце. Ну и, разумеется, охота.

– Охота? В лесу с собаками? – Уже задав вопрос, я поняла, что выгляжу круглой душой в глазах обоих мужчин. Мне не привыкать...

– Охота, моя дорогая, это поиск преступников. А у нас сейчас крупный лов – ищут поджигателя.

Атос указал за окно, и Кристофер кивнул.

– Проклятый «любитель погорячее» спалил уже шесть зданий за шесть дней. Неуловимый, как сам Войя. И главное, запаливает всё сплошь приюты, библиотеку, монастырь, церковь, школу. Как будто какой-то больной ублюдок решил изнасиловать разом все общественные устои. – Старик вздохнул.

Мы поужинали в молчании сваренными в молоке овощами и поднялись на второй этаж.

– Спокойной ночи. – Атос произнес эти слова как-то неловко. И до меня только дошло, что он заказал две разные комнаты, хотя это было дороже, чем одна. Все время, что мы были в путешествии, мы просто желали друг другу спокойной ночи, и каждый отворачивался от затухающего костра. Но город и общество диктуют иные правила поведения.

В горах мы были друзьями и приятелями, напарниками в битве, учителем и ученицей. Но в Штольце мы внезапно превратились просто в молодого парня и девушку, которым аморально спать в одной комнате.

Вся эта правда обрушилась на меня, как холодный душ. Я пробормотала что-то невнятное и ушла в свою комнату. Спать на кровати я почему-то не могла. Устроилась на полу и представила, что я снова под открытым небом.

#Бусина десятая

Погода продолжала портиться, и с утра зарядил мерзостный дождь, больше похожий на мокрую пыль. Мне хотелось подышать воздухом, Атос же не пожелал мокнуть, поэтому остался в гостинице, и я отправилась на прогулку одна. Правда, у меня был свой интерес: мне хотелось послушать, что говорят в городе о пожарах. Если я всерьез намерена заработать на броню, мне требовалось пойти туда, где всегда кипит жизнь – вне зависимости от дождей и пожаров, – на базар.

Торговая площадь Штольца была на удивление маленькой для такого города. Народу в утренний час было немного. Ночью шел ливень, да и сейчас дождь образовывал лужицы, собиравшиеся в углублениях между камней мостовой. Рыночники, расхваливающие свой товар, то и дело вступали ногами в эти водные ямы, окатывая покупателей брызгами.

Разнообразием товаров Штолец похвастаться не мог. Большую часть лотков и стеллажей занимали металлические изделия. Оружие, броня, украшения, посуда, даже детские игрушки. Безусловно, я нигде раньше не видела такой искусной гравировки, точеных линий сабель, красивого цвета выплавки, но каких-либо продуктов, простой еды я что-то на лотках не заметила. Вспоминая южные рынки, я ожидала увидеть мешки с пряностями и связками трав-приправ, огромные прилавки с мясом и птицей, молочные бидоны, свежую выпечку, распространяющую такой аромат, что текли слюнки. Но все это оставалось в воспоминаниях. Наконец я набрела на пару лоточников, что продавали муку и крупы, еще двое – живых поросят. И все. «Где же, Войя побери, жители Штольца берут еду?» – мелькнула у меня мысль.

Однако целью моего визита было не желание купить пропитание, а слухи. И в этом мне повезло. Посреди базара стоял глашатай, с выражением смертной скуки читавший с промокшего листа последние новости. По традициям Королевства статус городского глашатая был довольно престижным – нужно было собирать новости у путешественников и чужестранцев, узнавать самые интересные сплетни, обмениваться голубиной почтой с соседними городами. Обычно глашатаи не состояли на особой службе, их кормил, как мог, город, ведь такие люди все равно ему нужны.

«Сплетни – это хлеб для голодных до новостей барышень», – говорил когда-то давно человек, звавший себя моим отцом.

Перед глашатаем Штольца лежала помятая шляпа, и несмотря на то, что утро лишь началось, а народу на площади было совсем немного, кто-то подбросил городским «ушам» пару олов. Однако заработок, видимо, не радовал глашатаю, его голос звучал как из глубокого колодца, а взгляд смотрел сквозь толпу неприветливо, если не злобно.

– ...по пожарам это все. Если будут еще известия, я выйду днем, господи.

Я мысленно выругалась. Те известия, которые были важны для меня, глашатаю уже отчитал. Ну что ж, он скоро закончит выступление, и надо надеяться, мне удастся узнать у него о пожарах.

– Новости с побережья: в Ларосс прибыла партия тончайшей шерсти с Симма. Качество высокое, так же, как и цена. На мой взгляд, она даже завышена – за три оборота они дерут по сотне олов. Западные вести: в Кармаке открыт набор на обучение офицерского состава для личной гвардии Совета мудрецов. В течение трех месяцев они ждут юношей от двенадцати до двадцати лет, крепкого телосложения, с покорным нравом и интересом к военной службе.

Толстуха, покупавшая муку, при этих словах встрепенулась, однако глашатаю ее осадил:

– Нет, Марта. Роббина не возьмут, он слишком толст для Кармака. Новости с юга: по последним вестям у Переправы Черной гончей произошла самая кровопролитная за последние годы битва. Число убитых идет на тысячи.

Мне показалось, что подо мной пошатнулась мостовая. Битва на юге. Легионы! Однако жители Штольца словно и не слышали этой новости и продолжили заниматься своими делами. Лишь одна я стояла пораженная количеством убитых – тысячи человек. Северяне совсем забыли, что такое война, их не интересовали междоусобицы южных князей. Им было плевать, кто будет править страной, пока те проливали кровь легионов на юге.

– Как я слышал, столкнулись четыре претендента на престол. Кто это был точно, скажу через неделю. Если только и мой дом не спалит. – По толпе прокатились мрачные смешки. – Наибольший урон понес один из шести участвующих легионов. Оказался зажат между рекой и тремя противниками: этих глупых солдат попросту либо резали, либо топили.

У меня начали подрагивать пальцы – верный признак приступа ярости. Где-то там гибли люди, а этот дурак насмехался над ними. Там могла быть и Роза. Кто знает, сколько моих друзей могло погибнуть у Переправы Черной гончей?

– В общем-то пока все. И я и вправду рекомендую съездить за

шерстью в Ларосс. – Глашатай начал собирать деньги из своей шляпы, а я подошла к нему, не решаясь задать вопрос. Все мысли о поджогах вылетели из головы. Мне хотелось узнать лишь об Алой Розе. Участвовала ли она в той битве, скольких потеряли, и как получилось, что битва принесла столько смертей.

Но мне не хватило смелости. Бросив на меня презрительный взгляд, глашатай удалился, прихватив свою мокрую шляпу и нахлобучив ее на оттопыренные уши. Что измениться, даже если я узнаю о том, что случилось с легионом? Смогу ли я им помочь? Захочу ли я это делать? Я вычеркнула эту страницу из истории своей жизни. Атос – другое дело. Я видела, как он, задумавшись, может произнести одними губами имя Алайлы или Крамера. Замечала, как он чертил в пыли планы былых битв. Для меня легион был в прошлом, но для него – нет. Если я расскажу ему эти слухи – не потеряю ли я моего крайнийца? Скорее всего, мне придется идти к Белой башне в одиночестве. А ведь это всего лишь слухи. Может, Алой Розы и не было у злосчастной переправы.

Наконец я решила – расскажу Атосу об этих новостях, как только мы закончим с башней. Пусть выясняет, что произошло, но потом. Вероятно, к тому времени я буду либо мертва, либо счастлива. Это решение меня немного успокоило. Разве могла я догадаться, что последующие события начисто вытеснят у меня из головы утренние сплетни на рынке Штольца.

* * *

Когда я вернулась к гостинице, мой друг уже стоял снаружи. Словно исполинский голем он возвышался над небольшой дверцей. Вид у него был словно он что-то задумал.

– С утра, пока ты гуляла, я пообщался с Кристофером и узнал подробности, – поделился Атос. – Насчет поджогов и прочего.

– С чего ты взял, что я буду зарабатывать охотой? – как можно более невозмутимо ответила я. – Может, я найду более простое задание.

– Брось. Поджоги приютов и церквей? Ты не пройдешь мимо, мой маленький поборник справедливости.

– Это Гардио был поборником, – нахохлилась я. – А я приспешник высокомерного крайнийца. Выкладывай, что узнал.

Мы остановились на маленькой площади, на которую выходили фасады четырех домов. Посредине примерно метра на полтора от земли возвышался фонтан, изображающий русалку. Довольно часто

встречающийся фонтанный персонаж. Мой взгляд остановился на ее огромной груди. Мужчины-ремесленники, ну что с них взять...

– За поимку поджигателя объявлена награда в пять сотен оллов, на броню тебе хватит с лихвой. Но надо, чтобы поджигатель сознался – иначе все добропорядочные граждане начали бы доносить друг на друга. И еще кое-что. Сейчас главная подозреваемая – женщина-ока, которая пришла в город шесть дней назад.

Я отвлеклась от русалки и взглянула на Атоса.

– Да, Лис. Та самая, которую ты видела в горах. Ока здесь редкость, она успела лишь погадать паре женщин, но сразу после первого пожара исчезла. Собственно, это единственная причина для подозрений. Ты сама видела, что ворота охраняются – поэтому известно, что город она не покидала.

– А что ты сам думаешь?

– Важно, что думают другие. Сейчас все охотники прочесывают трущобы. Истинное место для отребья, вроде ока. Но другие охотники, в отличие от меня, не знают, как хитер и изворотлив этот народец.

Я скрестила руки на груди, нетерпимость к ока в Атосе из милого недостатка в моих глазах превращалась в отвратительнейший изъян.

– И где ты намерен искать «преступницу»?

– Там, где не подумал бы искать никто другой. Но я хочу услышать твои предложения.

Я задумалась. Вся эта история с ненавистью к ока, которую эта женщина несла за собой, как шлейф, из горной деревни в процветающий город. Чувство зверя, затравленного и забитого, озирающегося в поисках приюта, – о, это чувство было мне знакомо как никому другому. Во мне проснулось новое желание: я хотела начать охоту, чтобы спасти зверя от ловца.

– Я знаю то, чего не знает никто другой в городе, – тихо сказала я. – Включая тебя. С женщиной ока был ребенок. И если она хотя бы на десятую часть женщина, а не демон, каким ты ее рисуешь, она будет искать спасения именно ради ребенка.

Губы Атоса сжались в тонкую линию, точный признак того, что он сердится. Но мой друг молчал, позволяя мне продолжить.

– Мы знаем, что женщина с ребенком, обвиняемая в страшном преступлении, ищет спасения. Кто ее примет? Не трущобы, это ясно – там свои законы, но укрывать ее, рискуя своей шкурой, никто не будет. Ремесленники? Никто в городе с ней не свяжется, себе дороже. В этом деле помогут только женское сострадание и взаимовыручка. Это единственный

шанс для ока. В Штольце есть женский монастырь?

– Ха! – Атос улыбнулся, словно подловил меня на чем-то. – Есть. Монастырь Святейшей Сефирь. Его сожгли первым. Монахини сейчас ютятся в уцелевшем левом крыле здания. Ты думаешь, они бы стали прощать того, кто разрушил их храм?

– О, Атос. Как плохо ты знаешь женщин. – Теперь уже я позволила себе улыбнуться. – Показывай дорогу.

* * *

Сгоревший монастырь представлял собой мрачное и гнетущее зрелище. Обломанные зубцы некогда белых башен торчали, словно гнилые зубы изо рта бродяги. С пасмурного неба на пепелище сыпал все тот же моросящий дождь.

Пострадали не только стены, но и, видимо, обширный сад монахинь. То тут, то там из земли печально тянули к небу ветви обгорелые деревья. Земля была истоптана – наверное, теми, кто пришел тушить пожар. Я присела около размолотой в грязь клумбы и сорвала с полусломаной веточки землянику. Подняв ягоду двумя пальцами, я взглянула сквозь нее на солнечный диск, проглядывающий сквозь плотные тучи.

– Чем обязаны? – Около нас бесшумно возникла женщина той породы, возраст которой не определить. После тридцати они впадают в безвременье. Бесцветные волосы, уложенные в две косы, затейливый головной убор, характерный для дочерей Сефири, серый, как и накидка из толстой шерсти.

– Мы ищем тех, кто сделал это. – Атос рукой указал на уничтоженный монастырь.

– Все ищут. Мы ищем, горожане ищут. Что толку. – Женщина вздохнула.

Я поднялась с корточек, зажав земляничину в кулаке.

– Мое почтение, мать-настоятельница.

Статус женщины выдало серебряное шитье на рукавах.

– Девушка-охотница? – Монахиня покачала головой, окинув меня взглядом. – И куда катится этот мир.

– Насколько я помню, Сефирь и самой был не чужд путь меча. Когда ее солнценосного брата схватили враги, именно она возглавила армию против демонов. В мужской одежде, остриженная и с мечом.

Я заметила, что Атос заинтересовался беседой. Настоятельница же

сомкнула ладони, слегка прижав их к себе, затем слегка наклонила голову.

– Выдающиеся познания в нашей вере.

– Позвольте мне пройти на территорию монастыря и поговорить с вами. – Я сложила руки в таком же жесте и тоже наклонила голову. Атос наблюдал за нами, как за диковинными птицами.

– Мужчинам к нам нельзя...

– О, я подожду здесь. – Свою досаду мой друг скрыл плохо.

Мы прошли мимо обгорелого остова монастыря к уцелевшему крылу. Постройка была явно хозяйственной, предназначенной для хранения, а не жилья. Ее уродство, вероятно, ранее скрывал белый фасад монастыря. Теперь же грубый песчаник торчал из обгоревших стен, дополняя собой жуткую картину.

Пока мы шли к временному жилищу монахинь, мать-настоятельница представилась Клэррис, тринадцатой из местных Первых дочерей. Я представилась в ответ, и мое имя, похоже, не удивило ее:

– Так откуда такая осведомленность, Лис?

– Моя родная тетка сделала что-то ужасное в молодости. Что именно – в семье никогда не обсуждалось, но это черным пятном легло на мою семью, – удивительно было говорить абсолютную правду после двух лет постоянной лжи. – Моя мать всю жизнь замаливала этот грех в ближайшей церкви Сефирь. Я почти полдетства провела на службах между дочерьми Светлейшей. А истории о ее жизни всегда были лучшей сказкой на ночь.

Мы подошли к песчаной стене, за поворотом оказался вход в убежище. Под дождем пара монахинь кормили цыплят.

– Вы с юга, – отметила Клэррис, открывая передо мной грубую дубовую дверь, ведущую внутрь строения. – Это заметно по голосу и манерам. Что привело вас на север?

– Гонюсь за мечтой. – И вновь я сказала правду. Больше объяснений не потребовалось.

Мы вошли на кухню, где, несмотря на нищету, было удивительно чисто, а в воздухе витали приятные ароматы. Было ясно, что раньше помещение не имело отношения к готовке. Но даже самодельный очаг выглядел вполне уместным. Настоятельница по традициям Дочерей разлила в маленькие чашки без ручек чай с сильным ароматом вербены и можжевельника. Я отпила, и блаженное тепло впервые за утро разлилось по телу.

– Я не хочу притворяться, Клэррис, – начала я говорить прямо, стараясь не напугать женщину. – Я знаю, что в монастыре прячется женщина ока. Я хочу ее повидать.

– Какие глупости. Ока подозревают в поджогах, в том числе и нашего любимого дома. Стали бы мы ее прятать?

А лгунья из настоятельницы получше, чем из меня. Пока она отвечала, у нее не дрогнул ни один мускул на лице. Глаза не забежали, а бледные скулы не покрылись румянцем. Железная выдержка.

– Я не враг ей.

– А разве есть у нее в городе друзья? Говорят, ей самой готовят костер, ярче, чем все наши пожары. – Клэррис вздохнула и потерла глаза. Я только сейчас заметила, что она гораздо моложе, чем я думала. Просто очень сильно уставшая молодая женщина. Неудивительно: быть ответственной за монахинь, когда не знаешь, где жить и что есть – испытание не из легких.

– Лис, я сказала все, что знала. Ока у нас нет. Думаю, вам стоит покинуть нашу обитель.

– Хорошо. – Я кивнула и направилась к двери. У выхода я развернулась. – Только еще одно. Здоров ли малыш?

– Он простужен, – отозвалась монахиня и тут же застыла как статуя, глядя на меня пронзительным взглядом серых глаз.

Молчание затянулось. Наконец женщина поставила чашку на стол:

– Мы не отдадим ни ее, ни мальчика толпе. Сейчас все в Штольце жаждут крови, и никого не интересует истина. Не будет ни суда, ни расследования – только костер. Дочери Сефирь помогают гонимым и брошенным, даже если те виновны...

– Даже?

– Я не верю в виновность ока, – твердо сказала Клэррис, и в голосе ее прозвучали стальные нотки, благодаря которым она, наверное, и стала руководить целым монастырем.

– Настоятельница, тех слов, что вы сейчас сказали, мне бы хватило, чтобы привести сюда десятки охотников и проверить здание сверху донизу. – Клэррис напряглась, словно лань, готовящаяся к прыжку. – Но у меня нет такой цели. Я хочу поговорить с ока. Хочу сама убедиться в ее невиновности и, если получится, помочь.

– Откуда вы узнали про ребенка? Никто не знал...

– Мы шли, на день отставая от этой парочки, с гор Хаурака. Я и мой спутник. – Я вспомнила об Атосе, мокнущем под дождем и проклинающем меня, и улыбнулась.

– Чем вы можете доказать, что не причините им вреда? У вас оружие. – Голос Клэррис все-таки дрогнул. Но я все равно была в восхищении: неподдельная отвага – так защищать потенциальных преступников из чистого милосердия.

– Я не могу доказать ничем, – спокойно сказала я, пожав плечами. – Но вы можете мне поверить.

Настоятельница подумала с минуту и, прикусив нижнюю губу, беспокойно кивнула, а затем рукой указала на еще одну дверь на кухне. Мы направились из светлого помещения в темный коридор, и какое-то время я просто шла на ощупь, петляя, словно в узких туннелях подземелья. Наконец мы вышли в маленькую каморку.

На лежанке в углу сидела женщина ока. На носу ее красовались очки, а сама она листала толстый фолиант. Я не сразу заметила, но в ее ногах примостился, как котенок, темнокожий мальчик. Сон его был беспокойным, кажется, у него был жар.

Ока сразу заметила, что Клэррис явилась не одна. Она не сводила с меня взгляда, но тот не казался мне настороженным или испуганным. Нет, спокойные глубоко фиолетового цвета глаза разглядывали меня с любопытством. А мои – ее. Если у крайнийцев черты лица были крупными – как нос-клюв Атоса или его пухлые губы, то у заокраинцев они были просто огромными. На лице ока каким-то чудесным образом умещались обрамленные густыми ресницами, чуть навывкате, глаза, приплюснутый нос с широкими ноздрями, красиво изогнутые губы.

– Дэвочка-воин из дэрэвни гор, – произнесла ока. Говорила она со странным, царапающим слух акцентом. Впрочем, ее голос – глубокий, звучный и низкий – несколько смягчал неприязнь. Мне почудилось, что я слышала его раньше, но я так и не вспомнила, где же именно.

– Я Лис, – решила представиться я.

– Извэль.

– Вы умеете читать? – Настоятельница, наблюдая за нашим разговором, отошла в тень и стояла молча, скрестив на плоской груди тонкие руки.

– А почему бы и нэт? Это нэмное, что уцэлело от мэстной библиотеки. Все сгорэло...

– И это сделали не вы, Извэль?

Ока подняла голову и взглянула мне прямо в глаза. Она произнесла очень четко и внятно:

– Жэчь книги – прэступлэние похуже многих. Я грэшна, но не настолько.

– Я хочу вам помочь. – Я подошла к лежанке. – Но для этого мне надо знать все, что знаете вы. Возможно, ответ на то, кто настоящий преступник, лежит на поверхности.

– Я знаю, кто он, – с легким недоумением пожала плечами Извэль. –

Но ты его нэ найдешь, дэвочка-Лис. Если он нэ захочет – нэ найдешь.

Конечно, верилось с трудом, что ответ был так очевиден для нее. Но я решила подойти к вопросу издалека и потихоньку вытянуть ответ:

– Что вы делали, когда пришли в город?

– Я шла своэй тропой вмэсте с Кимом. – Она погладила спящего мальчика. – Пришла в город, погадала нэскольким лэди, все как всэгда. А затэм сгорел монастырь, и всэ ополчились на нас.

– Но кому нужен был пожар? Глаза ока недобро сверкнули.

– Тому, кому нужэн хаос. Смятэние и нэнависть. Всэ чэловеческие чувства. – Для безграмотной гадалки ее речь была просто пугающе правильной и насыщенной. – Кому-то нужна кровь и жэртвы.

Она помолчала, а потом вдруг взяла меня за левую руку. Ее рука, с виду неприятная, с узловатыми суставами и неровными пальцами, на ощупь оказалась очень нежной:

– Скажи мне, дэвочка-Лис – много ли ты путэствовала со своим огромным другом?

Так, Атоса ока тоже помнила по деревне. Ответить я не успела.

– Знаэш ли ты что-нибудь о сущэствах, которые собирают людское оружиз?

Кровь отлила разом от головы, рук, да и от ног тоже. Я покачнулась и села рядом с Извель. Видимо, этого ответа и ждала гадалка.

– Ты оказалась здэсь не случайно. Тебя, как и мэня с Кимом, затянуло в жэрнова судьбы.

– Откуда...

– Ты видэла его в дэревне, Лис'енок. – В ее устах мягкое слово прозвучало как «лисийенок», но мне почему-то не стало противно такое обращение с ее стороны. – Мужчина, купивший инструмэнт убийства. Я пошла за ним на свою бэду. Я слэдила, хотэла понять его мотивы. Но он замэтил слэжку и растворился в городэ. А затэм начались пожары. О, много-много оружия, обагрэнного кровью, он купит, если начнутся бунты и линчэвания.

– Расскажи мне о тех, кто скупает оружие... – прошептала я. Она в ответ приложила палец к моим губам.

– Ты поможэш мэня, Лис'енок. Ты найдэш истинного поджигателя. А я расскажу, что знаю. – Она вдруг вздрогнула. – Но врэмени мало. Торопись, скоро кровь нэвинных хлынет на мостовую Штольца.

Монахиня в углу истово начала читать молитву своей Святой. Мне тоже стало не по себе. Что ж, сделка была предложена честная.

– Он не человек? – спросила я, хотя была уверена в ответе.

– Дажэ нэ близко, – ответила Извель. Затем она протянула раскрытую ладонь, и я подумала, что она требует платы как все гадалки за предсказания. – Ким очэнь любит зэмлянику, я хочу порадовать его.

Ягоду, которую я продолжала держать в кулаке с самой улицы, никто не видел. Да я и сама забыла про нее. Ока была самым мистическим существом, которое я встречала на своем пути, – и теперь моей задачей стало спасти ее и убить монстра. Еще одного монстра по дороге к моей Белой башне.

* * *

– Она там, – с ходу сказал Атос, видимо, все прочитав на моем лице... и даже больше. – О, нет! Не говори, что она невиновна и ты намерена защищать ее!

– Ага. – Я направилась через сожженный сад, усиленно думая, каким будет мой следующий шаг. Атос молча шел сзади, хлюпая по грязи. Но наконец он не выдержал.

– Лис, это плохая затея. В городе сейчас крайне беспокойно. Сегодня ждут очередного пожара, и люди уже на пределе. Пока тебя не было, я видел, как мать пытается сдать охотникам родного сына как поджигателя. А он уверял, что это ее месть за сворованные им деньги.

– Город кипит от ярости. «Скоро кровь невинных хлынет на мостовую», – тихо повторила я слова Извель.

Внезапно Атос схватил меня за плечо и резко развернул к себе лицом. Он склонился так низко, что мне показалось, еще чуть-чуть – и он клюнет меня своим носом.

– Не стоит помогать ока. Это не игра. Не пара бандитов и не кучка монстров. Это живые люди, простые горожане, доведенные до паники. Сможешь ты ради своей благородной цели убивать подобных тебе – простых людей?

Я резко сбросила его руки с плеч и пошла в сторону. Но, сделав пару шагов, раздумала и развернулась:

– Если они собираются сжечь невинную гадалку только за то, что она иной расы, – да! Я с радостью взрежу им животы и горла. – Я распалялась все больше и больше. – Люди мерзкие и отвратительные. Я никогда не испытывала к ним особой любви. А два года назад совсем потеряла в них веру. И чем сплоченнее некий кусок общества, тем свободнее они себя чувствуют. Целый город против одной женщины – да они смельчаки, что

позволяют своему гневу готовить костер. И молодцы, ведь их страх перед пожарами оправдывает любую грязь в методах.

Горло пересохло и саднило. словно закрывшийся занавес, с неба хлынул грязно-серый дождь. Плотные капли разбивались о мою голову и заливали глаза. Я плохо видела Атоса и чувствовала, что он всматривается в мою размытую дождем фигуру.

– Я хочу узнать только одно, господин генерал. Хватит ли у тебя духу искать правду и остаться *на моей стороне*. – Акцент я сделала на последних словах. Мне казалось, что дождь глушил мои слова и уносил их с водой в землю.

– Я не понимаю тебя, – глухо произнес Атос. – Я не понимаю твоей ненависти к людям. Но я останусь на твоей стороне.

Я почувствовала, как мои плечи расслабились. Напряжение спало с шеи и рук, которые, как оказалось, были сжаты в кулаки.

– Поджоги устраивает человек-голубь... или кто-то ему подобный. Ока – ее зовут Извель – в этом уверена. И она может рассказать что-то о них, но заговорит, только если мы поможем найти настоящего преступника.

Атос убрал с лица мокрые пряди, я все еще плохо видела его, но мне показалось, что он выглядит заинтересованным.

– Монстры в городе... хм...

– Где бы ты стал искать кого-то вроде них?

– В лощине, в темном лесу, в скалистой пещере. Не среди людей. Нужен план. – Атос снял свой тяжелый от воды плащ и повесил мне на плечи. Плащ закрыл меня до пят и немного волочился по земле. Весил он, наверное, килограммов десять. – Для плана нужно сухое место. Вернемся к Кристоферу, слушаем людей.

– Мне не нужен плащ. – Мне хотелось, чтобы в голосе прозвучали неприступность и гордость. Но вместо этого, как всегда в такие минуты, голос дрогнул и выдал во мне обиженного ребенка.

Атос легонько шлепнул меня по макушке:

– Я не забочусь о тебе, Лис. Просто плащ от воды стал ужасно тяжелым. Считай, что, дотащив его до гостиницы, ты отработаешь свое проживание там.

И, больше не добавив ничего, он двинулся сквозь пелену дождя через мертвый сад. А я, злясь и приподнимая полы плаща, словно крылья огромной летучей мыши, побрела за ним.

#Бусина одиннадцатая

Когда мы вошли в гостиницу, зал первого этажа сильно отличался от того, каким мы его застали вчера вечером. Он словно ожил. Вокруг в клубах табачного дыма сидели люди. Мужчины в потертых доспехах, курившие крепкий табак, и молодые парни в ярких плащах.

На нас никто не обратил внимания, все взгляды были прикованы к одной фигуре в центре комнаты. Поджарый странник средних лет с серебристым коротким ежиком волос и пронзительными глазами сыча что-то громко вещал.

Мы заняли столик в углу, и Кристофер за пару мгновений принес нам странный рыбный суп и кувшин квасков. Я наконец сняла с себя тяжеленный плащ, но с меня все равно потоком лилась вода. Рассудив, что есть я все же хочу больше, чем высохнуть, я решила пока не подниматься к себе. Мне не было дела до оратора, но я невольно прислушалась к его речи:

– ...просто забыли саму суть. Кто мы есть – и что мы есть. Это наша родная земля, но мы редко об этом вспоминаем. Посмотрите же, вокруг сплошь симмианцы и тарасийцы. И где – в самом сердце Королевства! Не стоит даже говорить о бродягах-ока, они же просто прогнили от древней магии. Нам хватает наших Поглощающих и Ослепляющих. Нам не нужна грязь, которую ока притащили со своей оскверненной земли. Их стоит выкинуть за пределы страны, а тех, кто не уйдет по-хорошему, предать немедленной смерти.

Атос, кажется, тоже прислушался к речи и скривился, то ли от странного вкуса супа, то ли от жестоких слов. Но люди вокруг говорившего, похоже, разделяли его взгляды: они одобрительно загудели. А во мне поднялась волна негодования. Атос, словно почувствовав это, бросил на меня короткий взгляд и цыкнул языком. Этот звук он всегда издавал на тренировках, когда был недоволен мной.

Я начала рассматривать стоящего в центре зала. Мужчина с седыми волосами был странно одет: плащ из блестящей черной кожи, больше походившей на чешую, и белые одежды под ним из льна или схожего материала. Простой, но изящный крой. Мне казалось, что я видела когда-то подобные одеяния, но где именно, вспомнить не смогла. Наверно, моя невнимательность и плохая память, о которых говорил Атос, в самом деле становились для меня проблемой.

Видимо, то, как я бесцеремонно разглядывала мужчину, не осталось

незамеченным. Человек жестом указал в нашу сторону и громко заявил на весь зал:

– Мои добрые друзья-охотники! Нам повезло, сегодня нам компанию составляет генерал Алой Розы, сэр Атос. – Он поклонился, но мне почудилось, что сделал он это в насмешку. Сарказм, с которым был сделан поклон, заметила не я одна. Даже через целый стол я почувствовала, как Атос напрягся – ему был крайне неприятен этот человек.

– Я не имею звания «сэра», – холодно ответил мой друг. – И здесь по делам, не связанным с легионом. Все солдаты и легионы на юге. – Он вернулся к своему супу, предпочитая даже это отвратительное месиво продолжению разговора с человеком в черном плаще.

Мужчина же подошел к нам и протянул мне руку ладонью вверх, словно надеясь, что я подставлю ему свою для поцелуя.

– Дорогая леди, ваш друг, похоже, не собирается нас представлять. – Так как я не протягивала руку, говоривший догадался спрятать свою. Я отметила, что на нем были перчатки тонкой черной кожи, такой же, как и на плаще. – Меня зовут сэр Урмальд, я принадлежу к числу рыцарей Церкви Прощения.

Молчать дальше было бы невежливо:

– Лис, принадлежу, в основном, сама себе.

Урмальд вежливо рассмеялся. Атос не звал его разделить с нами стол, но он имел право стоять над нами, возвышаясь как старое истрепанное пугало.

– Позвольте узнать, что вы делаете в Штольце? И принимаете ли участие в охоте на ведьму-поджигательницу?

– Мы ищем доспех. – Я поняла, что Атос будет пренебрегать разговором с Урмальдом сколько сможет, и отвечать пришлось мне. – Мне нужен хороший доспех. А охота... Думаю, вы удивитесь тому, как она завершится.

– Неужели леди знает, где прячется грязная ока? – Этот человек-сыч буквально буравил меня взглядом, но после перепалок с Атосом это были детские игры. Мой учитель мог посмотреть так, что потом еще долго приходилось осматривать себя в поисках оставленных от взгляда дыр.

Впрочем, его слова были более хлесткими и жесткими, чем его взгляд. Мне очень хотелось ответить ему: «Она не грязная ока! И у нее есть имя – Извель. Она умнее тебя и, скорее всего, прочитала больше книг. Может, она и не ходит в церковь, но ребенок спокойно спит у ее ног, а монахини, чей дом сгорел, защищают ее ценой собственных жизней». Но, разумеется, сказать такое в гостинице, полной цепных псов, было бы самоубийством.

Поэтому я лишь покачала головой:

– Сэр Урмальд, позвольте узнать, почему сегодня здесь таклюдно?

– Мы ждем. – Церковник оперся о низкую деревянную балку. – В день по пожару с начала недели. Сегодня должен быть седьмой. Мы считаем, что если все вместе направимся на место трагедии, как только об этом сообщат, то шансов выследить гадалку будет больше.

– Идет дождь, – вдруг выдал Атос. – Вы и вправду думаете, что здание может гореть под таким ливнем?

– Известно, что ока используют черную магию. Думаю, в поджогах не обошлось без нее. – Урмальд был самодоволен и ничуть не сомневался в своих словах. А так поступают лишь глупцы. Следующие его слова только подтвердили мои подозрения, – Как дела в легионе? Как ваша прекрасная Алайла и мудрый сэр Крамер?

Злость почти ощутимой волной прокатилась от Атоса к церковнику, и я поняла, что, если ничего не сделать, крайниец просто вскочит и пересчитает Урмальду зубы. Я поспешно схватила Атоса за руку под столом и сжала ее.

Атос растерянно посмотрел на меня, словно не ожидал, что я решусь успокаивать его таким образом, и сердито выдернул руку, – но опасность драки миновала.

– Нам надо тренироваться, прошу простить нас. – Он поднялся и прошел мимо охотников во двор. Пожалуй, даже хорошо, что я не стала переодеваться в сухое. Дождь продолжал лить, а меня ждали два часа оттачивания мастерства.

* * *

Хотя тренировка затянулась, небо не успело расчиститься. Дождь прекратился, но темно-серые небеса напоминали жидкую грязь пополам с талым снегом. Было ясно, что солнце сегодня уже не выглянет.

Атос загонял меня до полусмерти, но сам совсем не казался уставшим. Он словно обдумывал что-то.

– Может, хватит? – Я подняла обе руки над головой, признавая поражение. – Мы тренируемся сегодня дольше, чем обычно. Я устала.

– Мы не тренируемся. Мы ждем, когда случится пожар. Ждем, когда вся эта толпа молодчиков хлынет на место трагедии в поисках ока.

– Я уже говорила – ее зовут Извель. А что нам делать на месте пожара?

– Когда-то мне рассказывали, что преступники любят незаметно

посещать места своих злодеяний. Может, мы найдем в толпе монстра? Сможешь ли ты его узнать?

Я попыталась возродить в своей памяти лицо крестьянина, купившего кятку в горном селении. Вышло плохо, но я на всякий случай кивнула и села на грязный деревянный ящик, стоявший во дворе. Правда, было сложно назвать двором маленькое пространство между домами с задней стороны гостиницы. Как и все в этом мире, Штольц, имея глянцевый белый фасад, обладал на редкость уродливой изнанкой. Изнутри город был набит домами и людьми. Из окна в окно над нашими головами тянулись бельевые веревки с серыми простынями. Запахи с кухонь со всей улицы смешивались и порождали вонь. Со всей этой охотой за поджигателем серебряная столица севера нравилась мне все меньше – может, поэтому я начала замечать ее уродливую сущность.

– Ты, похоже, не очень любишь церковников, а? – спросила я, а Атос, севший на ящик напротив, поднял голову.

– Когда я был ребенком, я провел с ними пару лет. Не самые приятные воспоминания, хотя и после я видал немало их «благих» дел.

Ну и ну. Атос и Церковь Прощения. Насколько я знала, ее власть не распространялась на Край, откуда был родом мой друг. Поэтому я слабо представляла, где они могли встретиться.

– Ты еще ребенком попал в Королевство?

– Нет, это была отдельная небольшая миссия в Крае. – Он недобро усмехнулся. – Первая и последняя. Церковники набирали детей из бедных семей для служения своему богу, не особенно интересуясь мнением самих послушников.

Я тогда уже был беспризорником без семьи. Церковным рыцарям казалось, что если засунуть кучу мальчишек в одно место и заставить их жить по распорядку, то все у них в головах наладится, и они воспылают любовью к правильным святыням. Им даже в голову не пришло, что чужой для нас бог с неясными правилами только подогревал бунт, к которому стремятся все юные головы.

– Вы разгромили миссию? – спросила я с легкой улыбкой.

Атос внезапно погрузился. Я видела его в ярости, в злобе, добродушным и возбужденным. Но впервые... в такой отчетливой грусти.

– Попытались. Но бунт подавили и в качестве наказания и урока остальным... повесили пятнадцать мальчишек. Они не были моими друзьями, но это были дети. Прошел еще год, прежде чем я смог сбежать из этой тюрьмы.

Я потрясенно молчала. Причин не любить Церковь у Атоса было

предостаточно. Конечно, скитаясь два года по югу, я тоже насмотрелась всякого. Несправедливость, похоть, грязь, убийства из жадности. Наша страна была переполнена этим. Но церковники всегда старались держаться над толпой, а не быть ее частью. Они если и не являлись, то притворялись символами морали. Возможно, кучка храмовых рыцарей, отправленных в Край, просто была редкостным сбродом. Может, они перепугались и решили пойти на отчаянные меры, думая, что случившееся в их забытой богом стране никогда не выплывет наружу. Видимо, так и случилось – эту историю я слышала впервые, а судя по возрасту Атоса, с тех пор прошло немало времени. Я решила воспользоваться словоохотливым настроением крайнийца и узнать его получше:

– Ты был беспризорником? Был сиротой?

– Нет, – спокойно ответил он. – Моя семья продала меня в рабство в возрасте семи лет.

Я ругнулась на свое любопытство и прикрыла глаза. Может, мне и не надо узнавать его так быстро? Слишком много тяжелой правды для одного дня.

– А ты? – Внезапный вопрос Атоса застал меня врасплох. – Что случилось с твоими родителями и семьей?

Я помолчала, подбирая слова. Мне не хотелось врать другу.

– В каком-то роде я тоже лишилась семьи с их легкого согласия. Но вернее будет сказать, что меня попросту изгнали. Моя мать и мой отец оба повторили фразу: «Ты мне не дочь». Это произошло более двух лет назад...

Мне не хотелось вдаваться в подробности этой скверной истории сейчас, спас меня Урмальд, который вышел к нам во двор.

– Отдыхаете? Сир. Леди. – Храмовник удостоил нас двумя изящными поклонами. – Мне показалась неполной наша беседа. А также мне кажется, что вы что-то скрываете. И, если вы позволите...

– Не позволю. – Атос подошел вплотную к Урмальду. Как не был высок храмовник, он едва доставал крайнийцу до подбородка. И это не говоря уж о том, что Атос был в два раза шире в плечах тощего служителя церкви. Мой учитель наклонился к храмовнику, почти коснувшись лица Урмальда острым носом, и произнес: – Нам с вами не о чем говорить.

Рыцарь церкви в ответ почти прошипел:

– Говорят крайнийцы и заокраинцы были очень дружны до взрыва. В вас ведь течет почти одна кровь? Может, вы просто покрываете преступницу?

– Ты!!!

И хотя Атос успел сгрести Урмальда за воротник, беды не случилось.

Вернее, случилась, но беда совершенно иная. Крик, полный безысходности, раздался с улицы:

– Горит! Пожар! Церковь Прощения горит!

Урмальд растерянно хватал ртом воздух, а Атос резким движением оттолкнул его.

– Беги и туши свой храм, приятель. И искать тебе ветра в поле, пока мы ловим настоящих поджигателей.

* * *

Пожар – это всегда бедствие и напасть. Неважно, в маленькой деревушке или крупном городе. Даже каменные дворцы горят, ведь люди всегда умудряются набить свои дома легкогорящей древесиной, маслами, бумагой и прочими прелестями. В итоге одна искра порождает огненный вихрь, жадно съедающий все на своем пути.

В страхе перед огнем есть что-то первобытное, что глубоко сидит в каждом из нас. Но также и завораживает. У огня есть боги и храмы, мы впустили его в свой дом: даем обогреть нас ночью и готовить нашу пищу. Но иногда... Да, иногда мы вспоминаем, что это наш враг.

Церковь полыхала на фоне сгущающихся сумерек подобно столбу пламени. Дело было, разумеется, в самой форме строения. В каждом городе Церковь Прощения строила свои храмы на один манер: не занимающий места в длину и ширину храм, как копье, пронзал небо, возвышаясь на десять, а иногда и более этажей. Нависая над каждым жителем, эта стела должна была напоминать о пути на небо. По мне, так она вселяла только трепет.

Сейчас Церковь было похожа на огненный меч. И я вспомнила слова Урмальда о том, что ока используют для поджогов магию. Не знаю насчет Извель, но монстр, пришедший с гор, явно поколдовал. Огненные языки жадно лизали черный сланец отделки. Такого при обычном пожаре быть просто не могло. Разве что, если бы все здание натерли каким-нибудь маслом.

Жители с ведрами, храмовники и просто зеваки заполнили каменную площадь перед Церковью. Те, кто пытался потушить огонь, действовали не слаженно, проливая воду и передавая ведра без четкой цепочки. Паника царила не только на лицах, но и в умах людей. Неудивительно – седьмой пожар за семь дней.

Мы прибыли раньше других охотников, и я жадно прочесывала

взглядом толпу. Но искать среди этого месива людей неприметного крестьянина было так же невозможно, как найти на гигантской мозаике кусочек с трещинкой. Не говоря уже о том, что день убывал, а небо темнело. Силуэты становились размытыми.

Люди и люди: в шляпах, кафтанах, с водой и без, при оружии и с детьми, женщины-мужчины-старики. У меня начала болеть голова от попытки разглядеть того, кого я видела лишь однажды. На плечо мне вдруг опустилась ладонь.

– Расслабься, – прошептал мне на ухо спокойный голос Атоса. – Смотри не глазами, а умом. Ты найдешь его.

Мой разум заработал, шестеренки завертелись. Спокойно. Поджоги: приюты, церкви, монастыри. Каждый раз здание поджигали изнутри, иначе бы они так не выгорали. Поджигатель бывал внутри. Но в такие здания не каждого пускают. Пустят ли прохожего с улицы в женский монастырь? Нет. Тогда кого же пустят? Разные религии, разные назначения зданий. Что их объединяет? Только то, что там внутри были люди, и все.

– Люди, – прошептала я, пробуя слово на вкус. На губах оседали пепел и гарь.

Что делают все люди? Каждый человек? Дышит, живет, смеется, ест, работает, любит. Ест. Мой взгляд приковала маленькая тачка. Ест. Каждый из нас ест: неважно, монахиня ты или рыцарь Церкви. Маленькая тележка с яблоками свежего урожая. Такая маленькая радость для приютских детей или для усталых от работы монахинь. Каждый из нас ест, а тот, кто привозит еду, должен сам донести ее до кухни – ведь доставка включена в стоимость. Крестьяне всегда так делают.

Я начала двигаться через поток людей, уже не слыша их криков и завываний. Все вокруг стало лишь картинкой – декорацией к крестьянину, лениво опершемуся на тележку. Вокруг царил хаос, а он медленно жевал яблоко. Мужчина средних лет, он не был печален или озабочен, а лишь с любопытством поглядывал на пожар. Меня он заметил слишком поздно.

Я схватила этого неприметного человека и, встряхнув его, заглянула в удивленное лицо. Без сомнения это был тот самый покупатель кятки из деревни. Лишь сейчас память услужливо указала и на бегающие узкие глазки, и на выступающие скулы. Но в лице крестьянина проскользнуло что-то еще. Мне показалось, что передо мной гигантский хореk с горящими глазами.

– Эй, девка. Ты от пожара с ума сошла, что ли, – возмутился крестьянин, но, заметив у меня в руке меч, вдруг замолчал. Теперь он даже не пытался высвободиться из моей хватки. Мужчина прекратил жевать и с

вызовом смотрел на меня. Ну да, не показалось: в чертах его лица вновь проскользнула хорьковая морда. Значит, он не человек-голубь, а возможно, их кузен или какой еще близкий родственник.

Крестьянин разглядывал меня так, словно пытался узнать, что именно я знаю. Этот вопрос прямо висел на его противной харе.

– Все, – процедила я сквозь сжатые в ярости зубы. – Я знаю все.

И вдруг он заорал. Просто крик, но настолько громкий, что на нас стали оборачиваться люди. Затем еще и еще. Подтянулись охотники с Урмальдом во главе. Атос стоял неподалеку, держа меч наготове. Когда крик затих, вокруг кроме потрескивания огня, поедающего Церковь, не осталось ни звука. Хорек-крестьянин громко и внятно произнес:

– Ока сожгла здание. Она спряталась у монашек Сефирь. Они спрятали ее из милосердия. Это все ока. Мерзкая грязная гадалка.

Я еще не осознавала, что происходит, но почувствовала, что сейчас случится что-то страшное. Люди были измотаны, напряжены, негодовали. И сейчас они поверили этому лгуну. Вся масса лоточников и храмовников колыхнулась и тут же забыла про пожар. Всего лишь в паре кварталов находилось *истинное зло*. Вся ненависть, которую они копили семь дней, готова была выплеснуться на чудовище и растереть его в порошок без остатка. Толпа загудев, устремилась к монастырю.

Сносимый потоком, Атос крикнул мне через гул гневных криков:

– Лис! Беги туда! Как ветер! Если хочешь спасти ее!

Я бросила последний взгляд на хорька, он победоносно улыбался. Я могла убить его прямо сейчас, но это не помогло бы. Некому было бы признаться и оправдать Извель. Взять с собой его я тоже не могла, не было времени. Я расцепила пальцы и нырнула в толпу, которая двигалась к монастырю.

* * *

Протискиваясь сквозь тела, я понимала, что теряю драгоценное время. Оно утекало сквозь пальцы как вода. Я была далеко от начала того потока, что собирался затопить монастырь Сефирь в поисках Извель. Людская река, в которой я упорно пыталась плыть, просто несла меня. Необходимо было менять тактику.

Я оттолкнулась от земли со всей возможной силой и оказалась на спине мужчины. Еще два шага и я пошла по головам. Мне что-то кричали вслед, да и бежать по людям не было выходом. Это был шаткий мост,

готовый в любую секунду рухнуть. Я метнулась в сторону домов, подпрыгнула и зацепилась руками за балку. Несколько мгновений мне потребовалось, чтобы подтянуться на ней, а дальше дорога была ясна. Крыши!

Сбивая сапогами ненадежную черепицу, которая летела на толпу внизу, я мчалась по крышам за потоком. Я слишком плохо знала город, чтобы самой найти монастырь. Но вот люди внизу знали его досконально. Я в очередной раз играла в погоню за ветром. Мчалась так, что дыхание стало с хрипом выходить из пересохшего горла. То, как плотно стояли дома, и что показалось мне днем крайне уродливым, сейчас спасало мне жизнь. Приходилось перепрыгивать со здания на здание, и будь просвет между ними чуть больше – я могла бы упасть и запросто свернуть шею.

Вдалеке показались обгорелые зубцы монастыря, и я прибавила скорости. Мне надо было обогнать толпу. Вдруг солнце выглянуло из-за туч и осветило тень, бегущую за мной. В ней я увидела длинноногого серебряноволосого мальчика. Шаг сбился, и я чуть не слетела с крыши. Мой Принц, как отголосок моего прошлого, бежал рядом со мной. Лишь размытый силуэт, но все же пугающе реальный.

Откуда возникло это видение? Из твоего сердца, прошептал давно забытый голос маленькой глупой девочки. Разгневанная толпа, одинокая женщина, совсем невинная, одна против ярости людей. Их злость. Все это напоминает тебе о прошлом, шептала девочка в моем сердце. Я уже не видела тени, бегущей за мной. Зато увидела Извель.

Ока стояла посреди сожженного сада в одиночестве. Ветер трепал ее бесчисленные юбки, которые сами словно языки пламени охватывали ее тонкий стан. Чуть в отдалении стояли монахини, покорно сложив руки ладонь на ладонь.

Я обогнала толпу лишь на пару метров. И я была на два этажа выше. Дома же обрывались. Никаких удобных ящиков или навесов – лишь два этажа свободного падения. На одной из тренировок Атос учил меня падать с меньшим уроном. Что там было? Прими удар не на пятки, а на большее число точек? Запястье, плечо, затем перекатиться. Я мало что помнила. Моя память. О Войя, опять ты прав, Атос!

Я спрыгнула со здания, и это были несколько секунд потрясающего полета. Затем я упала в грязь, и несколько раз перекувырнулась, прежде чем смогла встать на ноги. Одну из них, похоже, я вывихнула. Я подбежала к Извель, чувствуя дикую боль в лодыжке и прихрамывая.

– Какого Войи ты вышла! – заорала я на нее. Но ока стояла невозмутимо, глядя на толпу, которая стала замедляться, но уже была очень

близко.

– Мнэ был сон. Если бы я нэ вышла, монахинь бы убили, – она махнула рукой в сторону. – Уходи, Лис’енок, тэперь уже слишком поздно.

– Это мне решать, – прошептала я и, обнажив меч, развернулась к окружавшей нас толпе.

Меня, видимо, не восприняли всерьез, так как один из горожан с нечленораздельными криками бросился на Извель. Ударом слева направо я распорол его горло, и он рухнул на землю, булькая кровью. Эта первая жертва чуть замедлила толпу.

Охотники стояли в отдалении. Как разумные люди меча они наблюдали и выжидали.

– Она невиновна! – выкрикнула я. – Дайте мне время. Суд. Я докажу... архг...

Другой мужчина кинулся уже на меня и почти достал рукой, но был насажен на меч. С распоротым животом, качаясь, он упал на руки кого-то из своих товарищей.

– Это она преступница! Почему ты покрываешь ее, – закричала женщина в толпе. – Мы разорвем ее на части! Мы сожжем вас обеих!

В толпе раздались крики одобрения. Я могла резать этих почтенных горожан на куски, но лишь по очереди. И это был лишь вопрос пары мгновений, пока люди не поймут, что им надо лишь навалиться всей толпой. На меня кинулись еще двое или даже трое. Люди без оружия – наверное, простые ремесленники. Убивать их было проще, чем голубей-монстров. Но в какой-то мере намного сложнее.

Когда еще пара тел упала в грязь, я обернулась к Извель и крикнула ей:

– Это твои невинные?! Чья кровь прольется на мостовую? Это не люди, а животные, жаждущие крови. – Та лишь стояла, закрыв руками лицо. То ли плакала, то ли молилась.

Я обернулась к толпе, которая в нерешительности замерла.

– Вы твари, готовые убить из желания обвинить в своих бедах хоть кого-то. Это происходит каждый раз! Это произошло и со мной. Ваша слабость позволяет вам становиться монстрами...

Внезапно из предплечья моей правой руки выросло оперение стрелы. Один из охотников с луком пустил в ход свое оружие. Я не задумываясь метнула левой рукой маленький кинжал, один из трех, имевшихся на поясе. С меткостью у меня всегда были проблемы. Вот и теперь я попала охотнику в глаз, а не в руку, как планировала.

Казалось, время остановилось. Я перестала чувствовать руку и понимала, что, если ослаблю пальцы, взять меч снова уже не смогу. Уши

заполнил знакомый стон рвущейся ткани. Нагнув голову, я зубами схватила древко стрелы, с рычанием выдернула ее из предплечья и выплюнула кровавую стрелу на дорогу перед толпой.

– Я убью вас одного за другим, если понадобится, – прошипела я. – Но вы не пройдете к этой женщине.

Кажется, мои слова лишь разозлили их. Толпа начала сжимать кольцо вокруг меня и ока. А я усилием воли сжала пальцы, державшие меч. Мелькнула мысль, показавшаяся мне успокаивающей: «Это конец. Слава богам».

– Стоять.

Окрик, словно гром, прорезал пространство вокруг. Голос, который заставлял слушаться, отточенный раздачей команд сотням солдат. Такой знакомый и родной голос.

Атос стоял на каменной насыпи, служившей до пожара кладкой забора. Он держал за шкурку торговца яблоками. Люди перестали нападать на меня. Они не отрываясь смотрели на огромного крайнийца, державшего за воротник чахлого крестьянина, и были словно под гипнозом.

– Говори. – Атос толкнул мужчину вперед.

На хорьковом лице виднелись следы от дорожек слез, он запинаящимся голосом произнес:

– Это я устроил все поджоги.

По толпе прокатился вздох.

– Он врет. – От группы охотников отделился Урмальд. Церковник указал тощим пальцем на Атоса. – Он заодно с ока и с этой демоницей-мечницей. Он хочет оправдать их за счет невинного...

Но договорить ему не дал сам крестьянин:

– Я приносил яблоки в каждое из мест, где устраивал поджог. Меня вспомнят все.

Вскрик на этот раз донесся от монахинь, где белая как снег Клэррис подняла руки к лицу, причитая: «Да. Да. Да». Справа от меня среди людей кто-то сказал: «Я тоже его помню». Между тем торговец яблоками продолжил:

– Вы спросите меня, зачем я это сделал? Ответ прост – я чудовище.

Никто не засмеялся. Кажется, все попросту перестали дышать. А крестьянин оглядел толпу и начал меняться. Как и Хиал, он не закончил превращение – и остался чем-то средним между человеком и животным. Омерзительная морда хорька с залысинами и человеческими глазами среди шерсти, сочившейся гноем. Женщины заголосили, а мужчины начали шептать молитвы. Сам монстр обернулся и спросил Атоса:

– Этого довольно? У нас был уговор.

Мой друг коротко кивнул и поднял свой огромный меч. Одним махом он снес чудовищу голову, и та покатилась по грязи прямо в толпу. Люди, пятась, очищали ей путь, с жадным любопытством разглядывая уродливое лицо получеловека-полудемона. Меня начало тошнить. Я пошатнулась, но не упала, а мягко оперлась на руки Извель, которая схватила меня сзади за плечи и нежно обняла.

Какой-то торговец в синем кафтане крикнул Атосу, указывая на меня.

– Это проклятое отродье перебило наших друзей. Ее приговором станет смерть.

– Устав Штольца гласит, что защита невинных – это задача города. – Голос Атоса стал холодным как лед, он сверлил толпу взглядом и продолжал гипнотизировать людей. Внезапно мне показалось, что разъяренная толпа превратилась в стадо покорных овец. – Девочка защищала невинную женщину, которую вы собирались убить без суда.

– Но наши друзья...

– ...пали жертвой своей жестокости, – закончил Атос. – Город, не чтящий своих же законов, это просто шайка преступников. Штолец чтит свой Устав?

Ответом ему было молчание.

– Мы покидаем город. – Он спустился с каменной кладки и подошел ко мне. Внезапно он порывисто обнял меня и на ухо уже сказал, совсем иным голосом, срывающимся и тревожным. – Ну и напугала ты меня, дурочка.

Мне хотелось что-то ему ответить, но из его объятий я внезапно увидела одного из убитых мною горожан. Молодой парень с нашивками гильдии золотоискателей с распоротой грудиной и неестественно вывернутой шеей смотрел прямо на меня. Его лицо было в оскале и мне показалось, что он гораздо больше похож на монстра, чем человек-хорек. С этой странной мыслью я потеряла сознание.

#Бусина двенадцатая

Звуки доносились издалека. Мое тело покачивало, словно я лежала в гамаке в ветреную погоду. Сознание возвращалось неохотно, предчувствуя боль, которую предстоит испытать брэнной оболочке. Звуки превращались в слова, а слова – в разговор, суть которого ускользала от меня.

– Зачем тебе книги, ты что, умеешь читать?

– А ты?

– Ты своровала их?

Последовал вздох.

– Нэт, дорогой. Мнэ подарила их настоятельница Дочэрей. Их библиотека уничтожена. Сожжена. А она, как и я, считаэт, что книги живут, лишь пока их кто-то читаэт.

В разговоре возникла пауза. Ощущения начинали возвращаться к частям моего тела. Например, я поняла, что у меня жутко ноют запястья, а вот плечо, куда вроде бы попала стрела, совсем не болит. Боль в руках была странной и ноющей, будто они были связаны толстой веревкой.

– Ты нэнавидишь ока, нэ так ли, мальчик с Края?

– А за что бы мне вас любить?

– Ты прав. Мой народ много ошибался, и часть нашей вины пала на Край. Извини мэнэ...

– Как будто мне от твоих слов станет легче... – В голосе прозвучала неуверенность. – Но почему-то стало. Ты первая из ваших, кто извинился.

Я пыталась открыть глаза, но тело отчаянно сопротивлялось. Ему было больно, неудобно, и душу тревожили странные воспоминания. Нечто, о чем не хотелось думать. Но это «нечто» определенно нагонит меня, как только я очнусь.

– Этот парень вообще говорит?

– Ким? Нэт. На его глазах убили всю его сэмью, с тех пор он замолчал.

– Вот Войя. Ужасная история.

– Сейчас я ишу эму новый дом. Мы направляэмся к токану.

Я не выдержала и застонала. Приоткрыв глаза ровно настолько, чтобы понять из-за чего меня качает, я успела заметить лишь плечо Атоса, на котором покоилась моя голова. Зато причина боли в запястьях разъяснилась. Крайниец нес меня на спине, а чтобы я не соскальзывала, связал мне руки, чтобы они обхватывали его шею. Жестоко, но эффективно.

Услышав стон, он насколько мог бережно снял меня с закорок. Хотя

минувшая битва была простой, тело болело так, словно меня мешком с камнями поколотили. Я снова издала жалобный стон, но не смогла никого разжалобить – Атос широко улыбался.

– Проснулась наконец. Я думал, мне придется тащить тебя до башни.

– Почему меня несли, как куль? – спросила я возмущенно тихим голосом, надеясь все-таки получить в свой адрес немного сострадания.

– Мы убегали из города. Я не знал, как долго горожане удержатся от того, чтобы отомстить тебе. Пришлось бежать без оглядки. Мы даже не успели зайти в гостиницу – все вещи остались в Штольце.

Теперь я уже выругалась. Мой лисий шлем был среди котомок, и мне жаль его потерять.

– Но взгляни на это с солнечной стороны. Мы живы. Ты почти цела. И с нами твоя ока. – Атос отошел, и я увидела Извель, за юбку которой цеплялся маленький Ким. Так как я, растирая запястья, сидела посреди дороги в пыли, ей пришлось присесть рядом. Она взяла мои ладони в свои и приложила наши руки к своему лбу.

– Я обязана тебе жизнью, Ягн’енок, – тихо сказала темнокожая женщина.

– Предыдущее прозвище шло мне больше. – Я вздохнула и поднялась.

Вокруг, сколько хватал взор, была серая равнина с мелким рваным кустарником. Все краски пейзажа сводились к темно-серому, светло-пыльному, грустно-бежевому и подобным тонам. Ни строений, ни признаков жизни.

– Мы все еще идем на север? – поинтересовалась я, а Атос кивнул.

– Правда, теперь без еды и денег. Увлекательно, не так ли?

Я рассмеялась:

– Ты только подумай. Как только я собираюсь обзавестись броней, меня сразу же калечат. И брони я не получаю. Второй раз уже – дурная примета.

– Я знаю отличного кузнэца. – Извель бросила осторожный взгляд на Атоса. – Но он в токоне.

– Даже не думай...

– А что это? – Слово звучало знакомо, но я редко общалась с ока в своей прежней жизни. Токан... Было в этом слове что-то первобытное и сильное. Какая-то магия родства. Понятия не имею, откуда в голове возникли такие мысли. – Это какой-то город?

– Это что-то вроде кочевой банды, – хмуро ответил Атос.

– Кочевой сэмыи, – поправила Извель, погладив Кима по голове. – Один есть нэподалеку. На сэвере, куда вы и идете. Я вэду туда Кима. А

вы... вам я обязана жизнью, и мэншее, что могу вам прэдложить – это пополнить припасы и кошель из рук моего народа.

– Деньги, полученные дешевыми трюками с гаданием и воровством. Нет, спасибо – увольте.

В глазах Извель вспыхнули опасные звездочки:

– Словно зарабатывать убийством болээ достойно, – отчеканила она.

Они, казалось, сейчас вцепятся друг другу в глотки. Убийство... убийство. Почему меня так задевало это слово. И тут я вспомнила. Едва успев отвернуться от своих спутников, я упала на край дороги в пыль, и меня вырвало. Боль, не сравнимая ни с одной физической раной, тисками сжала мое сердце. Я все еще считала, что была права и действовала, как следовало. Но это не отменяло того, что я убила безоружных людей. Не рыцарей на войне, не монстров, жаждущих моей смерти, а простых ремесленников и торговцев. Пусть одержимых и забывших себя. Но... Но.

Меня трясло, а сзади Атос и Извель стояли молча. То ли они не знали, что делать, то ли понимали происходившее слишком хорошо.

– Такое случается, – наконец сказал мой наставник. – И тебе придется это пережить. И жить с этим каждый день.

Извель ничего не сказала, она присела сзади и, обхватив меня за плечи, запела странную гортанную песню, похожую на чудную колыбельную. Мы сидели посреди пустоши, впереди была неизвестность, а позади – трупы, которые еще не раз посетят мои кошмары. Но от песни ока мне стало легче. И я снова смогла дышать.

* * *

Мы двигались на северо-запад, чуть отклоняясь от конечной цели. В первую же ночевку, голодную и весьма мокрую, Атос устроил Извель допрос. Однако выяснилось, что ока знала о монстрах не многим больше, чем мы.

Они многолики, и чаще всего второе их обличье – звериное. Они собирают оружие, которое побывало в бою, и хранят его для неясных целей. Чудовища редко убивают сами, но создают ситуации, провоцируя людей на ссоры и драки. Такое вредительство позволяет им получить еще больше запачканного в крови оружия. А еще – монстры повсюду.

Извель вела Кима от южных границ, где его родителей забили камнями люди, сопровождавшие одного из дворян. Ока ничего не воровали, солдаты сделали это просто ради потехи. Мальчик стал свидетелем этого убийства и

с того дня перестал говорить. Из того же странного извращенного чувства юмора солдаты решили не убивать ребенка и бросили Кима на дороге, где по счастливой случайности его нашла Извель.

Сейчас она вела его в северо-восточный токан. Как мне объяснили, всего кочевых семей было в Королевстве четыре, и хотя ближайший к месту печальных событий токан был на юго-востоке, Извель не решилась идти через поля битв и оставлять малыша в столь беспокойном месте. Для самих ока токаны были чем-то вроде городов, где они виделись со своими, передавали новости, заключали браки. Для всего остального мира это была просто шайка немых гадателей и шарлатанов. Как надеялась Извель, Ким снова сможет обрести семью – сама она не могла взять на себя заботу о мальчике, но была уверена, что в токane его примут в одну из семей, прокормят и вырастят.

Они с Кимом прошли долгий путь с юга. И везде, в каждом городе, селе или просто поле ока натыкалась на демонов с человеческими лицами. Их жажда накопления оружия была сильнее чувства самосохранения. Где-то чудовища действовали сообща, где-то поодиночке, но везде ими двигала единая цель, совершенно не ясная для человеческого разума.

Атоса разочаровало, что Изель так мало рассказала о монстрах. Но, как мне показалось, после всей истории этого печального путешествия он несколько оттаял к ока, в основном из-за ребенка. Тот, видимо, признав в Атосе мужчину и пример для подражания, неотступно следовал за ним, отпустив наконец юбку Извель.

Степь, которой мы шли, была бесплодна. Голод вынудил нас охотиться. Хотя, говоря «нас», я имею в виду только Атоса. Извель с ребенком никогда не держали в руках оружия. А я, как выяснилось, обладала талантом спугивать любую дичь на километры вокруг: то ли своим топотом, то ли аурой «сидящего в засаде глупого хищника», как это называл Атос. В итоге на охоту крайниец уходил с моими метательными ножами и, когда ему везло, возвращался с двумя-тремя тощими степными зайцами.

Этим вечером он, как обычно, потрошил добычу в отдалении от нашего костра. Это делалось для того, чтобы зарыть внутренности подальше от места сна, на случай если объявятся хищники покрупнее нас самих. До сих пор мы никого не видели, но рисковать не хотелось.

Извель расчесывала мои волосы. Она стала заниматься этим каждый вечер, а я не спорила. В этом действии было что-то из детства, когда длинные волосы мне расчесывала и заплетала в косы мать. Сейчас мои кудри чуть отросли, и ока принималась расчесывать их до шелкового

блеска каждый вечер. В походной сумке Извель обнаружился гребень из странного материала: он не был из кости животного или из дерева, привычных материалов для расчесок и гребней. Гребень был похож на мыльный камень или окостеневшую кожу странного буро-зеленого цвета. Извель так и не создалась, из чего он был сделан, как я ни расспрашивала.

Сегодня, когда руки ока мелькали над моей головой, я впервые заметила странный браслет, украшавший запястье женщины.

– Что это? – Я коснулась пальцем зеленой бусины, и та с приятным глухим звуком стукнула свою соседку по нитке. – Какое-то украшение?

Извель перехватила запястье, словно боясь, что я сниму браслет.

– Это подарок, Ягн’еночек. От старого друга.

– Старого, в смысле старика? У меня такое ощущение, что я слышала о подобном украшении в какой-то сказке.

– А ты любишь сказки? – Ока улыбнулась и погладила меня по голове.

Костер тихо потрескивал и отбрасывал наши тени на большой валун, около которого мы разбили лагерь. Костер, собирающий людей для историй. Я все еще видела в искрах пламени веснушки Кэрка, моего мертвого друга.

– Вообще-то да. Очень люблю. Расскажешь что-нибудь? Твой народ, наверное, знает тысячи сказаний.

– Ну, кое-что я могла бы рассказать тебе прямо сэйчас. Мнэ кажется, настало время.

История Извель:Об ягненке и волке.***

Когда-то давно на свэте жил малэнький и славный Ягн’енок. Однажды в его жизни произошло большое горэ. Настолько большоэ, что Ягн’енок захотэл забыть свой дом, родных и самого сэбя. Малыш нацэпил лисью шкурку, надэясь, что тэперь все будут принимать его за настоящую лису.

Лисы были хитрыми, сильными и смэлыми животными. Таким хотел стать и маленький Ягн’енок. Но эму не хватало опыта и знаний. И тогда он попросил помощи у крупного матерого волка.

Волк нэ был глуп, и понимал, что пэред ним не лисица, а всэго лишь Ягн’енок в лисьей шкурэ. Он мог бы пэрэкусить Ягн’енка пополам, но вдруг впэрвые в жизни испытал жалость к слабому созданию и рэшил эго охранять.

И Ягн'енок подумал, что он наконец стал сильным...

* * *

– Достаточно! – Я вскочила на ноги, чувствуя, что мои щеки полыхают от стыда. Я впервые прервала рассказчика у костра, но слушать Извель дальше у меня не было сил. – Ты не имеешь права!

– Права на что, Ягн'еночек? – Ока хитро прищурилась. – Я всего лишь рассказываю сказку.

– Волк в твоей истории был не дурак. А Ягненочек, по-твоему, дура? Ты ничего обо мне не знаешь. Никто не знает...

Ока поднялась. В свете костра она казалась старше своих лет. Тени глубоко прочертили морщины на ее красивом лице. Не понятная мне печаль словно залегла в каждой складочке на лице ока:

– Если никто нэ знает, так, можэт, настала пора для Ягн'еночка рассказать свою историю?

– Нет! Зачем... Возможно. – Я чувствовала себя потерянной и вправду не знала, что говорить и говорить ли. Я очень долго жила, храня свою тайну и свою историю.

– Дорогая, – Извель мягко положила мне руки на плечи и заставила меня сесть. – На площади перед монастырем Сэфирь, когда ты защищала мэня, ты чувствовала сэбя сильной?

– Да... пожалуй... – промямлила я, не понимая, куда она ведет.

– А я в тот миг впэрвые увидэла тэбя слабой, милая. Слабой, испуганной, зажатой в угол своим прошлым и страхами. Я впервые поняла, что пэрэдо мной нэ Лис'енок, а Ягн'еночек. Тэбе четырэ ночи подряд снятся кошмары, ты мэчешься во сне.

– Я должна рассказать тебе? – тихо спросила я, стараясь не встречаться взглядом с Извель.

– Нэ мнэ, Ягн'еночек. Ему.

– Ему? – я снова возмущенно вскочила. – Это глупо. Я могла бы рассказать тебе, поделиться. Но зачем знать ему?

Ока хрипло рассмеялась и указала на камень, на котором костер тенями начертил наши силуэты.

– Я всего лишь тэнь от костра на камне твоей жизни, милая. Я скоро уйду из нее и пойду своэй дорогой. А этот чэловек важэн для тэбя, ваши судьбы связаны. Но он растэрян – он нэ понимаэт тебя. Так почэму бы нэ помочь ему?

Я пропустила мимо ушей чушь о связанных судьбах:
– Что это даст ему или мне?
– Понимание дает доверие, а важнее этого нет ничего. Он должен узнать тебя, чтобы довериться.
Я произнесла едва слышным шепотом:
– А что, если он отвернется от меня?
– Позволь ему самому решать, Ягн’еночек. Ты не поверишь, какие запасы доброты скрываются в самых хмурых сердцах.
Я перевела взгляд на Атоса, разделяющего степного зайца, и Кима, наблюдающего за ним. Затем я встала и, не оглядываясь на Извель, направилась к нашим охотникам.

* * *

Когда я подошла, Атос как раз закончил свежевать тушку и протянул ее Киму.
– Неси к Извель. Пусть готовит ужин.
Малыш кивнул с таким серьезным видом, словно выполнял самое главное задание в своей жизни, и побежал к костру. Атос поднялся, собираясь последовать за ребенком.
– погоди. Мы можем поговорить? – спросила я твердо. Страх и неуверенность я растеряла еще пока шла от Извель до Атоса. Сейчас меня накрыло равнодушие. Я давно замечала, что частенько прячу под ним истинный ужас. Вместо того, чтобы метаться в панике, я становлюсь деланно спокойной.
– Обязательно сейчас? – Атос очистил кинжал, которым обдирал кролика, листом с ближайшего куста. – А я-то планировал поужинать.
– Я бы хотела тебе кое-что рассказать. Может, немного о клавесинах, а может, о том, почему и как я оказалась в легионе.
Крайниец прекратил вытирать нож и на мгновение замер. Затем поднял взгляд, напряженно вглядываясь в мое лицо, словно надеясь, что все ответы уже написаны на нем. После этого Атос сел на плоский пыльный камень, пригласив меня жестом занять место рядом с ним.

Конец всех сказок

В одну из первых недель в легионе пьяный солдат пристал ко

мне за ужином около костра снабженцев. Он раз за разом задавал мне один и тот же вопрос: «Думаешь, ты особенный, парень, а? Такой весь особенный». Разумеется, он просто искал повод для драки, но тогда я впервые задумалась о том, что моя история – прекрасный пример, доказывающий, что особенных людей не бывает.

Ты живешь своей жизнью, считая, что весь мир крутится вокруг тебя. Люди существуют, лишь когда говорят с тобой, а события происходят, лишь когда в них участвуешь ты сам. Люди могут всю жизнь прожить, думая именно так. Подобно детям, они уверены в своей особенности и верят, что с ними никогда не случится дурного. И вот иногда судьба находит весьма жестокие способы показать, что мы лишь крошечное пятнышко на белых простынях истории.

Но ближе к делу. Я не врал тебе, когда говорила, что родилась и выросла в замке. Моими родителями были мастер-кузнец и старшая экономка. Люди, безусловно, не знатного происхождения, но всегда находившиеся на хорошем счету и пользовавшиеся в замке уважением как прислуги, так и господ. Оба были из приличных семей, давно служивших этому дому.

Я появилась на свет двумя годами позже юного наследника замка. И так получилось, что в ту пору, когда он начал обучение, мои родители почему-то решили, что меня ждет иная судьба – не служанки. На юге такое случается, когда девочка симпатична и мила в общении. У нее появляется шанс не продолжать занятие родителей, а успешно выйти замуж и стать хозяйкой в семье управляющего или крупного торговца.

Мне до сих пор не ясно, какие мысли привели старого лорда к тому, что он принял участие в этой затее. Возможно, он искренне уважал отца или просто ему было любопытно. Мужчины договорились между собой, а мне разрешили посещать уроки юного наследника замка. Сидеть тихо, не мешая репетиторам и ученику, а просто впитывать знания.

«Мой Принц» – так я называла будущего владельца всех земель вокруг, хотя он не имел кровной связи с королевской семьей. Для меня, маленькой девочки, он был принцем, потому что был дивно хорош собой. С серебряными волосами и звонким смехом. Мальчик, не похожий на моих друзей с конюшен или скотного двора. Всегда чистый и в красивой одежде, он больше

напоминал мне дорогую фарфоровую куклу.

Маленький лорд спокойно отнесся к моему присутствию на своих уроках. Более того, слово за слово он втягивал меня в споры с учителями, и вскоре учиться мы стали вместе. Принц раньше начал изучать письменность и этикет, он читал много книг в старинной библиотеке замка и обгонял меня в знаниях по всем дисциплинам. Из-за этой разницы в знаниях мне постоянно казалось, что он видит во мне лишь обычную дворовую дурочку, и я всеми силами старалась учиться еще усерднее, чтобы доказать ему... Что? Сама не знаю. У меня даже в пятилетнем возрасте не было иллюзий по поводу наших отношений. Каждый из нас знал свое место в жизни: на что может рассчитывать дочка оружейника, а на что – будущий наследник земель.

Но наша связь делалась прочнее день ото дня, а старый лорд все более благоволил смышленной и симпатичной девочке. На балах мне позволили стоять около дверей, в то время как моя мать прислуживала гостям. Я же могла, не попадаясь на глаза знатым лордам, сама угощаться или даже танцевать. Смешно сейчас, но когда-то это был огромный шаг вперед. И моя мать до слез гордилась тем, как высоко я поднялась, и тратила безумные деньги на новые платья и курсы: клавесина, чистословия, вышивки. Мать метила настолько высоко, что уже мечтала выдать меня замуж не за простолюдина, а за третьего или четвертого аристократского сына. То есть человека знатного, но без особых прав на титул.

Я не была служанкой, но и не была ровней моему Принцу. Однако это не могло остановить нашу дружбу. Мы стали не только учиться вместе, но и озорничать. Убегали в лес на целый день, ловили в ручьях форель и набивали карманы ароматными лесными ягодами. Он бегал быстрее ветра, а я никогда не могла его догнать. И порой мне казалось, что именно это его и радует – что он самый лучший в замке: самый красивый, самый умный, самый быстрый.

Мы быстро выросли и из милых детей превратились в неуклюжих подростков. Именно в этом возрасте мальчишки начинают смотреть на девочек иначе, и то, что было дружбой, либо перерастает в что-то другое, либо исчезает навсегда. Нас миновала эта участь. Напротив, мой Принц начал заботиться обо мне еще усерднее. На балах он представлял меня своим

друзьям из высшего света и всегда советовался со мной по малейшему поводу.

А вот моя детская влюбленность переросла в тихую страсть и поклонение. Я не видела для себя другой участи, кроме как служить моему Принцу, а потом и его супруге. Все предложения замужества, которые потекли рекой, лишь мне сравнялось четырнадцать, я отклоняла к великому горю моей матери. Имея идеал перед глазами, я отрицала для себя даже существование других мужчин.

Наверное, именно в то время появились первые слухи. Во дворе замка начали находить замученных до смерти домашних животных, а некоторые проделки, вроде острых лезвий между щелями пола, никто не находил смешными. Служанки шепотом говорили о том, что «с тем щенком видели именно юного наследника», а «те лезвия молодой лорд сам попросил в оружейной». Но я не обращала внимания на все эти глупые домыслы. Я принадлежала к особенному миру – где существовали только он, божественно неприкосновенный, и я, избранная им для дружбы. В этом мире не было места грязным сплетням и людской зависти.

Принц хорошел. Он возмужал и стал вызывать повышенный интерес у дам. Однако к браку он, как и я, не стремился. Однажды он по секрету сказал, что все знатные леди нагоняют на него сон, и лишь со мной ему весело. После этих слов я не спала всю ночь, повторяя вновь и вновь его слова.

Я не могу сказать, что не замечала ничего странного. Мой Принц был очень груб с простыми людьми, небрежен и жесток с друзьями, которых ни во что не ставил. Несмотря на особое отношение ко мне, он мог обращаться с моей матерью как с животным и не здороваться с отцом. Я прощала ему все, искренне веря, что у поведения юного лорда есть веская причина, и, возможно, за грубостью он прячет робость.

Одним из его любимых занятий было фехтование. Он потребовал в приказном тоне, чтобы я всегда составляла ему компанию. Вскоре даже наш учитель, жуткий женоненавистник, вынужден был признать, что у меня есть талант. Науки давались мне с трудом, а обучение женским «предметам», вроде вышивки и пения, и того хуже. Но фехтование завладело моим сердцем. Я воспринимала это как

своеобразный танец, и на тренировках могла невзначай коснуться руки моего Принца.

Родители с неодобрением смотрели на столь мужественное увлечение, зато старый лорд был в восторге от наших показательных выступлений и все твердил о наследственности, проявившейся в детях. Мать сложила мечты о моем браке в сундук и готовилась, лишь мне сравняется двадцать пять, отдать меня в монахини Сефирь.

Я же вижу, как тебе скучно слушать историю о влюбленной девице и прекрасном аристократе. Глупо и банально. Погоди еще немного, и я добавлю в историю перца.

У Принца, как и у каждого наследника замка, было что-то вроде кружка почитателей. Мальчишки, сыновья таких же дворовых, как мой отец: мастеровых, работников с конюшни, с псарни. Кучка довольно бестолковых, но в целом неплохих ребят, которые по слову своего юного лорда готовы были шагнуть и в огонь и в воду. Меня они сторонились, словно на этот счет у них было особое распоряжение, но явно недолгоблюдали, умирая от ревности к нашему самопровозглашенному полубогу.

Как я уже говорила, все мои попытки догнать Принца в обучении заканчивались провалом. Во мне бурлили необоснованная гордыня и обида. Я совсем забыла о своем положении в обществе, и мне уже казалось, что единственное, что между нами стоит, это моя глупость и неспособность сравняться с Принцем хоть в чем-то.

Возможно, тебе известна пословица с Симма: «Каждая птица сидит на своем суку». Сейчас ее произносят именно так, и считается, что в ней скрыт смысл – помни и соблюдай свое место и положение в обществе. В старых книгах она записана несколько иначе: «На чужом суку птицу могут съесть». Смысл был тот же – но четче и яснее.

Осталось совсем немного, потерпи. Мы праздновали двадцатидвухлетие Принца, и по этому поводу был устроен прекрасный бал. Я же готовила лучший подарок из всех, что могла придумать. Днем, до начала торжества, я пригласила Принца в бальный зал. На мне было мое лучшее новенькое платье из зеленого льна. Не самый изысканный материал, но, украшенный органзой и шелком, он представлял собой очень милый провинциальный туалет.

Я гордилась этим платьем, гордилась своими кудрями, забранными в высокую прическу, гордилась своим Принцем. Это должен был быть самый счастливый день в моей жизни.

Я пригласила Принца составить мне пару в небольшом поединке на шпагах. Мы частенько устраивали подобные соревнования. Мой принц пошутил, что в платье мне будет сложно, но я настаивала. И со смехом и шутками мы начали наше сражение.

Я все еще помню, как наши тени скользили по зеркальному паркету и как мы весело смеялись. Я долго готовилась к этому поединку. Тайком тренировалась, становилась выносливее и точнее била в цель. Моим подарком Принцу должна была стать моя победа. Ведь я все еще была больна идеей, что, лишь сравнившись с Принцем, превзойдя его в чем-то, – я смогу стать рядом с ним... как равная.

Шпага вылетела из его пальцев. Я все еще смеялась, указывая кончиком своего оружия на его незащищенную шею. Только вот я не заметила, что мой Принц уже не смеется. Он побледнел, и руки его тряслись. Когда я поняла, что он в ярости, и начала просить прощения, было уже поздно. Я не догадывалась, какое оскорбление я нанесла моему юному господину. В поединке на мечах у него выиграла девушка: стесненная неудобным платьем и туфлями для бала, младше его и настолько ниже по положению в обществе, что это не умещалось в его голове. Я, та, кто была всегда и во всем хуже, посмела превзойти своего лорда на один короткий миг. И ему этого хватило с лихвой.

Пока я на коленях хватала его за полы камзола и вымаливала прощение, он позвал своих друзей. Помнишь, я рассказывала о «его мальчиках»? Простые парни, которые всегда слушаются приказов. И этот раз не стал исключением. Они пришли в бальный зал и наглухо закрыли двери, а потом по указу своего юного лорда изнасиловали меня.

Все пятеро. Кто-то, кажется, даже не по одному разу. Я, если честно, плохо помню подробности. Мой разум не мог осмыслить происходящее, поэтому сосредоточился на зеленом платье, подарке моей матери, который нещадно рвала в клочья эта свора молодых щенков. Треск ткани я воспринимала как стон, я умоляла их прекратить рвать платье, но они лишь

смеялись. Их забавляло, что я волнуюсь о платье, а не о происходящем.

Ужаснее всего была не боль, хотя и ее было немало. Не унижение от грубых рук и резких движений. Ужаснее всего было то, что Принц все это время стоял рядом и смотрел мне в глаза. Он говорил, какая я низкородная тварь, и что он из доброты всегда помогает беспомощным животным. Но я подвела его, и больше была недостойна милостей, а только такого вот обращения.

Он говорил много. Я теряла сознание и приходила в него снова. Стоило мне очнуться в кошмаре, мой Принц шептал мне на ухо, что мог бы присоединиться к своим мальчикам, но это было бы слишком большой честью для меня. Я недостойна, вновь и вновь повторял он, я просто грязь под его ногами.

Не знаю, как долго это длилось, но после изнасилования меня отнесли в комнату под лестницей, заброшенную кладовую. Я умирала там три дня, и за это время никто не пришел ко мне. Я истекала кровью, не ела, не пила и не могла даже плакать. В ушах стоял нескончаемый треск рвущейся ткани. Маленькая девочка из замка поборолась за свою жизнь ровно три дня, а потом умерла.

Как-то ты спросил мое девичье имя, но его просто нет, ведь то измученное и несчастное существо давно покоится в могиле. Из каморки за водой на третий день вышел кто-то другой. Меня сторонились и со мной не разговаривали. Все люди в замке в одночасье отвернулись от меня. Я стала неприкасаемой. Именно поэтому никто меня не навестил, хотя все – от кучера до посудомойки – знали, что случилось в день праздника в бальном зале.

Мой Принц был наследником и аристократом. Но я тоже не была дворовой девкой, которую можно изнасиловать и утопить в колодце, да так, что никто и не вспомнит. Меня знали в лицо соседние дворяне, о нашей дружбе с Принцем говорили крупные землевладельцы. И то, что произошло в день рождения юного хозяина – этого нельзя было утаить за дверью бальной залы.

Но никто и не утаивал, меня объявили виновницей произошедшего. Я поставила под удар его имя. Я запятнала его репутацию. Я сделала в глазах общества будущего правителя региона насильником и садистом. Именно так говорили в замке

все те люди, среди которых я росла. Те, кто угощал меня на кухне тайком пирожными, те, кто смазывал мне целебным настоем ободранные коленки. Каждый человек в замке мечтал, чтобы меня просто не стало.

Не удивляйся, но мои отец и мать не были исключением. Единственное, что каждый из них сказал мне: «Ты мне не дочь». Возможно, эти слова убили бы ту девочку, что насильники закинули, как мешок, под лестницу. Но она уже была мертва. Та, кто вышла из заброшенной кладовки, спокойно выслушала эти слова. В тот же день я собрала немного денег и еды в дорогу и ушла из замка. Меня никто не провожал. Однако, уходя, я все-таки обернулась взглянуть на то место, которое когда-то звала домом. Между зубцами одной из башен я увидела человека с серебристыми волосами, который не отрываясь смотрел мне вслед.

Осталось рассказать совсем немного. Я довольно побродила по дорогам и городам юга. Работала то служанкой, то кухаркой, но без особого толка. Мои волосы стали моим проклятием – из-за них я все еще казалась мужчинам привлекательной, и мне пришлось их обрезать. Я перестала улыбаться, грубыми ножницами остригла ресницы и белила губы, чтобы выглядеть как можно хуже. Большую часть времени это помогало.

Мне снились кошмары, может, раз в месяц или чуть чаще – обычно про рвущуюся ткань и девочку, которую я никак не могу спасти. Я вскакивала среди ночи в холодном поту и, гонимая непонятным чувством, срывалась с обжитого места и бежала, каждый раз забираясь все дальше и дальше от замка и своего прошлого.

Наверное, у каждой истории должна быть мораль. Но я не знаю, чем закончить этот «конец всех сказок». Я не стала хуже от того, что произошло со мной, и не стала лучше. Просто стала другой, изменившись раз и навсегда. Я не возненавидела мужчин – и у меня даже была пара из них, гревшая мне постель. Я не любила их, не могла позволить себе такой роскоши. Скорее просто хотела убедиться, что мои душевные раны подживают.

Я пыталась найти себя во множестве работ, но единственное, что мне удалось в жизни хорошо – это обезоружить мужчину. И я все еще питала слабость к фехтованию. Из-за одной мрачной истории в моих руках оказался

лисий шлем. Тот самый, который мы оставили в гостинице Штольца. Смешной и странный, давший мне имя и новую жизнь. Надев его, я поняла, что лицо можно скрыть – тогда и от прошлого останется совсем немного. В шлеме и мужском платье, сворованном с веревок какого-то крестьянского хозяйства, я пришла в легион Алой Розы. Мне оставалось совсем немного до того, чтобы встретить двух мужчин, которые полностью изменят мою жизнь. Рассказчика историй у костра и самого странного учителя боя на мечах.

Я часто думала, что же гнало меня, заставляло падать и снова подниматься. Раньше я была уверена, что это страх смерти. Три дня под лестницей моему телу казалось, что оно этого не переживет. И хотя девочка, шептавшая: «Я не хочу умирать», – все-таки осталась там, какая-то часть ее души выжила и вышла со мной на свет.

Да, я была уверена, что это был страх смерти. Но, по правде говоря, сейчас мне уже кажется иначе. Как будто попутный ветер постоянно дул мне в спину, а я задалась целью обогнать его и летела по жизни, не имея времени остановиться и сделать выбор осознанно. Каждый раз, соревнуясь с ветром в скорости, я двигалась вперед, ломая все возможные преграды. В своем шлеме я стала чувствовать себя защищенной – смелым и сильным хищником. Настоящим лисом. И однажды Лис повстречал большого серого Волка, но это уже другая история.

* * *

Очень многое в жизни зависит от первых произнесенных слов. Например, когда влюбленный парень на свидании подбирает, что сказать надменной избраннице. Или когда мать судорожно ищет слова, пытаясь объяснить ребенку, почему папа никогда больше не вернется домой.

Для каждой особой беседы, в которой участвуют двое, важны слова. Молчание тоже может быть ответом, но оно допускает разные толкования.

Поэтому я, рассказывая о своей жизни, не спускала глаз с Атоса, готовая поймать любое его слово. Негодование, презрение или, спаси меня все боги, жалость. Именно ее я боялась больше всего. Атос редко проявлял подобные чувства, и его жалость уничтожила бы меня.

Но Атос словно окаменел, мне показалось, что в самый тяжелый миг

моей истории даже грудь его перестала подниматься со вдохом и выдохом. Мой друг и учитель не смотрел на меня, а просто уставился невидящим взглядом сквозь холодный воздух степи. Но стоило мне закончить, он произнес, все так же не глядя на меня:

– Ты пыталась мстить?

От сердца отошел холод. Не жалость и не презрение. Интерес к моей жизни и истории, возможно, что-то еще запрятанное в глубине его сердца.

– Нет. Врать не буду, первый год скитаний я только и думала о том, как вернуться и заставить их пожалеть о содеянном. Но... о боги, как только я начинала считать всех, кому мне придется мстить, мне не хватало пальцев на руках и ногах. Принцу, его шавкам, старому лорду, моим родителям, всем тем, кто отвернулся от меня. Для осуществления этой задумки мне пришлось бы перерезать всех в замке. – Я перевела дух. – Я потеряла веру в людей, но кое-что у меня осталось. Вера в себя и в то, что я лучше тех, кто остался у меня за спиной.

– Может, не сейчас, но... спустя некоторое время ты станешь достаточно сильна, чтобы перерезать целый замок. – Атос испытующе поглядел на меня. Но я покачала головой:

– Ни через год, ни через два или три. Я закрыла эту главу своей жизни и научилась жить дальше. Даже смеяться снова научилась, а это, поверь, было сложно. Желание стать сильной... и привело меня к тому ужасу. Сейчас я ищу силу не для того, чтобы доказать кому-то свое превосходство, а для того, чтобы защитить себя или тех, кто мне дорог, в будущем.

Атос снова замолчал, и мне захотелось как-нибудь заполнить пустоту.

– Не думай, что я тебе жалуюсь. Дескать, посмотри, как мне тяжело пришлось. Каждую минуту происходят более страшные вещи. Возьми хоть Кима... у меня обошлось без смертей. И я, Войя подери, рада, что отделалась таким легким уроком. Мой Принц. – Я усмехнулась. – У него была власть даже вздернуть меня на дереве, пожелай он того. Но, видимо, он не стал мारаться.

– Месть не выход, – тихо проговорил Атос. Он поднялся с камня и подал руку, чтобы помочь мне встать. – А я своей семье отомстил. И думаю об этом каждую проклятую минуту своей жизни.

Мы направились к костру. Вопросов я не задавала. Он и так знал, что, если захочет рассказать, я его выслушаю. Этого было достаточно.

– Слушай, Лис. А ты поэтому идешь к башне? Найти силу или магию, чтобы защищать себя или тех, кто рядом?

Ветер вздыбил пыль среди высохшей травы, и мы с Атосом одновременно прикрыли глаза от клубившегося песка. Ответ был очевиден,

но произнести его вслух оказалось труднее, чем я рассчитывала:

– Иногда мне кажется, что и нет никакой башни. А я иду туда, потому что это единственный способ оставаться рядом с тобой.

Атос с шумом втянул сухой воздух и тревожно посмотрел на меня:

– Это ведь не то, о чем я думаю?

– Нет, совершенно точно. – Я так устала от рассказов за этот день. Но необходимо было расставить все точки в наших с Атосом отношениях. – Но ты, безусловно, самый близкий мне человек на свете – хочешь ты того или нет.

– М-да... лучше бы ты просто была в меня влюблена. Тогда все было бы гораздо проще.

Наш смех заглушил очередной порыв ветра.

#Бусина тринадцатая

Дети всегда были для меня загадочными существами из иного мира. Что-то вроде эльфов: непонятные, непохожие на взрослых, со своими причудливыми желаниями – и бесконечно далекие.

И вот в моей жизни возник ребенок. Молчаливый Ким – словно маленький зверек с шоколадного цвета шерсткой и бездонными глазами с длинными ресницами. Он пришел в мою жизнь вместе с Извель, и я избегала его, насколько могла. Но в совместном путешествии люди узнают друг друга гораздо лучше, чем соседи в городе. Ты разделяешь свой скудный ужин с другом, строишь из плаща навес, пытаешься разглядеть вдали поселение – все эти мелочи странным образом сплачивают вас.

С Кимом же выходила иная история. Его обожание Атоса, казавшееся мне поначалу забавным, раздуло во мне нешуточный огонь ревности. Мальчишка всюду следовал за крайником хвостом, старательно повторяя его жесты: например, ерошил свои волосы рукой и хмурился точь-в-точь как Атос.

А мой учитель, видимо, решил поиграть в доброго дядю и иногда показывал малышу то как заточить нож, то как правильно перетереть коренья. Во мне бурлила абсолютно детская и искренняя обида на то, что Атос перестал уделять все свое время мне. Я больше не была единственным его учеником. Нет, мы тренировались как прежде, и он даже чаще хвалил меня. Но у меня словно появился маленький и хитрый соперник, которого хвалили чаще и за любую глупость, вроде собранного хвоста.

Ким, как и большинство детей, был проницательнее толстокожих взрослых. Он прекрасно чувствовал мой истинный настрой и причину моей злости. И в то время как Извель и Атос ссорились по поводу бесконечной распри между крайниками и ока, у нас с малышом Кимом началась своя битва. Любое мое действие он воспринимал как повод посоревноваться. Если я бросала камень – он тут же подбегал и кидал камень еще дальше. Если я сидела и рисовала в пыли – Ким топтал мои каракули и начинал чертить именно на этом месте что-то свое. За ужином малыш пытался быстрее меня съесть свою порцию, а улыбался он Атосу так, что аж щеки трещали.

Я ужасно злилась на Кима, но еще больше на себя, так как понимала всю глупость своего положения. Сражаться с пятилеткой за внимание

взрослого и, более того, участвовать в этой незаметной глазу войне! Весь этот фарс только доказывал, насколько я сама оставалась капризным ребенком.

Однажды вечером Извель решила, что одна из ее старых юбок уже ни на что ни годна и, присев у костра, стала рвать ее на лоскуты, чтобы пустить на бинты для стертых ног. Каждый раз, когда ткань трещала под ее сильными пальцами, я вздрагивала. Атос видел, как меня трясет, и даже хотел что-то сказать, но я предостерегающе помотала головой. Это были мои демоны и страхи, и мне предстояло жить с ними еще долгое время.

Даже после того как Извель расправилась с юбкой, звуки продолжали раздаваться внутри моей головы. Чтобы отвлечься от них, я рассматривала пламя костра и тени сидящих людей, а затем взглянула на Кима. Почему-то в этот вечер, несмотря на бесконечный треск ткани, я увидела его совершенно иным.

Мальчик сидел и держал в руках камни, которыми он стирал в порошок корни зум-зум, приправы, придающей пище пряный аромат. Ким устался на камни странным и совершенно не детским взглядом.

Камни. Что же было такого особенного в камнях? Тихий голос внутри меня произнес: «А чего такого особенного в треске рвущейся ткани?». В груди что-то сжалось, и я почувствовала боль и холод. В это же мгновение я вспомнила, при каких обстоятельствах погибли родители Кима. Но впервые я задумалась: как же выжил мальчик без единой царапины или шрама? Он молча взирал на мир и сурово хмурил брови, словно настоящие шрамы остались глубоко внутри.

День был полон утомительных переходов, и я не заметила, как задремала у костра. На душе было тревожно, поэтому и привидевшийся мне сон был тяжелым, но ясным и четким: покрытые кровью с ног до головы мужчина и женщина ока сидели, привалившись друг к другу и сцепив руки в смертельном объятии. Вокруг них рассыпана груда тяжелых булыжников, мокрых от крови. А пара сидит в багряной луже, руками и телами закрывая единственную свою ценность. В небольшом просвете между локтем женщины и склоненной головой мужчины виден блеск. Это отсвечивает маленький голубой глаз. Крошечные пальчики выбирают через просвет и трогают локоть женщины, еще теплый, но уже совсем не живой. Раздается хриплый шепот: «Мама. Мама. Мама». Это слово звучит похоже во многих языках. Родители так и сидят, скрывая свое дитя, даже когда опускается ночь, а во тьме все слабее звучит детский шепот: «Мама... мама... ма...»

Я проснулась в холодном поту. Костер давно догорел, и все мои

спутники уже улеглись спать. Возможно, сон не был правдой, а лишь игрой моего чересчур взбудораженного воображения... Но заснуть снова я не смогла, в ушах продолжал раздаваться треск невидимой ткани. Да и от сна про родителей Кима мне было паршиво. Я подошла к спящему мальчику и присела рядом.

– Ты не представляешь, как мы похожи, – прошептала я. – Но я взрослее, и на мою участь пришлось меньше горя, поэтому я должна быть мудрее. Прости меня.

Тыльной стороной руки я вытерла глаза, которые слезились, видимо, от попавшей в них степной пыли. Я нежно погладила малыша по голове. А он неожиданно во сне перевернулся и уткнулся мне в бок, ручкой схватившись за край моей рубашки. Мне было страшно его будить, и я легла рядом. Спокойное дыхание Кима незаметно вытеснило стон ткани из моей головы, и я заснула. С утра мы оба притворились, что ничего не произошло. Это же такое ребячество – спать в обнимку, а мы оба чувствовали себя очень взрослыми. Поэтому мы занялись серьезными делами: соревновались, кто быстрее съест завтрак, кто проворнее вскарабкается на холм, кто шире улыбнется Атосу. И Ким весь день выигрывал.

* * *

Первое сравнение, пришедшее мне в голову – это походный котелок, в котором бурлит невероятное месиво. И конина с бараниной, и слиток серебра, и замасленная старая тряпка, и пара массивных сережек. Все это варилось, издавало звуки, булькало. Пахло отвратительно, выглядело еще хуже. Но именно такое впечатление на меня произвел токан.

По сравнению с упорядоченным строем палаток в легионе, их четким разделением по цветам и назначению, этот палаточный городок являл собой хаос. Вокруг теснились самые разные палатки: высокие из тростника, какие строят в Симме, тарассийские – плоские из натянутой кожи животных, шатры Королевства, но расшитые невероятными цветами и украшенные блестящими металлическими пластинами.

Сказать, что в токоне бурлила жизнь, значит не сказать ничего. Смуглокожие люди всех возрастов и телосложений двигались в разных направлениях, но странным образом стекались в единый поток. При этом ругались и ссорились, смеялись и плакали, торговались и плясали. Незнакомый язык перемешивался с наречием Королевства и в соединении

рождал что-то новое. Вокруг бегали абсолютно голые детишки, играющие с большими черными лохматыми псами. Кошки прыгали с палатки на палатку. Между жилищами сновали курицы и даже свиньи, словно не принадлежащие никому и всем одновременно.

Всего было слишком много: жизни, звуков, людей. Токан накатил на меня волной и захлестнул так, что я чуть не задохнулась. То его не было совсем, и вот, стоило нам преодолеть небольшой холм, вокруг был только он. Я испуганно попятилась и спряталась за Атоса, чего не делала раньше никогда. Он только потрепал мои волосы, вглядываясь в развернувшуюся картину.

А вот Извель вела и чувствовала себя совсем иначе. Глаза ее заблестели, она опустилась на колени перед обомлевшим Кимом и взволнованно заговорила:

– Смотри, мой дорогой. Смотри и впитывай в себя дух нашего народа. Это твой дом – эти люди, все они тебе братья и сестры. Здесь тебя никто не обидит, и всегда каждый из них станет на твою защиту. Это токан, Ким – это наш дом.

Мальчишка испуганно взглянул на Атоса, словно ища у него подтверждения словам своей спутницы. Крайниец заметил взгляд и кивнул малышу с легкой улыбкой. И словно маленькая рыбка, Ким нырнул в стаю своих земляков, таких же потерянных, как и он. Для него токан всегда был домом, просто он никогда об этом не знал.

* * *

Мы сидели в так называемом гостевом доме. Здесь останавливались те ока, которые путешествовали налегке, без палатки. И чтобы попасть сюда, Извель пришлось пообщаться с двумя крупными ока, которые мало походили на предсказателей, больше – на головорезов. Они гортанно и сердито говорили с Извель, то и дело тыкая в Атоса, который и сам был на взводе. Вероятно, нашей проводнице все-таки удалось уговорить родичей и доказать, что мы – гости токана, после чего нас впустили в палатку. Однако мой учитель все время был настороже, и его правая рука время от времени принималась массировать плечо, поближе к рукоятке меча – как бы невзначай.

Так как Ким нырнул в толпу и пропал, в полотняной засаленной палатке с высоким потолком сидели лишь мы втроем. Как выяснилось, Атос нервничал вовсе не из-за того, что нас не хотели пускать в палатку.

Стоило нам присесть, как мой друг заговорил:

– Он совсем малыш, Извель. С ним что угодно может произойти.

– Нэ здэсь. – Ока покачала головой и начала доставать из походной сумки книги и прятать их под полотняный пол палатки. – Здэсь его никто нэ обидит. Ты живешь в большом мире, Волк, там много опасностэй, но ваши люди забыли, что такое братство. Когда вас мало – то каждый на счету. Поэтому в токоне цэнят людей, а болээ всэго дэтей. Это будущээ нашего народа.

– Будущее вашего народа в учении, – покачал головой Атос, наблюдая за быстрыми движениями рук Извель. Книги одна за другой исчезали под слоями ткани. – Значит, правда, что у вас наказывают за хранение книг?

– И жестоко. Но такова воля людей. Мы потэряли дом имэнно из-за тяги к знаниям – безмэрной и ничэм не ограниченной. Тэперь эти знания пугают мой народ. Мы все боимся нового лиха...

Ока слабо улыбнулась. Пока мы шли по токану, она здоровалась с родичами на родном языке. Она и внешне была одной из них: та же одежда, тот же цвет кожи и волос. Но сердцем я понимала, что Извель была совершенно другой – она была очень мудра, это просто исходило от нее, словно сияние. Я решилась вклинить в разговор:

– Если ваш народ уже не одно поколение презирает книги, почему же ты читаешь?

– Нэ могу нэ читать. Моя слабость, мой скрытый грэх.

– Важнее не то, почему ты читаешь. А почему ты не убеждаешь поступать так же своих людей! – Атос снова начинал заводиться. Он встал и начал мерить шагами небольшую палатку, задевая макушкой полотняный потолок. – Меня это бесит. Ты словно считаешь себя выше их. Умная и смелая, бросаешь в грязи и нищете свою «семью». Не стараешься сделать ее лучше. Ока гонимы, потому что они бродяги и шарлатаны, но ведь они даже и не пытаются спорить. В этом все дело!

Извель уставилась на последнюю книгу, которую держала в своих ладонях, а затем почти шепотом произнесла:

– Но развэ *это* дало право людям Королевства, начитанным и умным, убить родитэлей Кима?

Из Атоса словно весь воздух выпустили, а лицо приобрело растерянное выражение:

– Это не самый честный довод в нашем споре.

Извель же развернулась ко мне:

– Ягн’еночек нэ понимает нас, Волк. Она плохо знает историю мест, откуда мы родом.

– Я раньше не особо увлекалась историей, тем более столь давней и столь далекой. Расскажи из-за чего погибла твоя страна?

– Заокраина нэ всегда была бэсплодными землями, по которым гуляют только призраки. Нэсколько столэтий назад она была срэдотоцием наук и магии. Там были унивэрситеты, училища и школы, в которых изучали самые странные дисциплины. Воздух в столицэ мозэй страны искрил от волшебства и осэдал на лицах путешэственников мэрцающей пылью.

Люди всэгда стрэмются к знанию, Ягн’еночек. И это даже хорошо. Плохо то, что эти стрэмления ничем нэ ограничэны. Люди эгоистично ищут то, что им знать нэ слэдует: вскрывают мрачные тайны мироздания и навлэкают на сэбя бэду.

Никто точно нэ знает, что нашли наши ученые маги, но эта сила за пару днэй уничтожила всю страну подобно смэрчу – смэла все живое. Уцэлели лишь те, кто находился в путешествии, как моя прабабка, или в приграничных зонах, как мой дед.

Многие пытались вэрнуться в нашу столицу Ирбис, но всэ они пропали бэз вэсти. Тэ, кто подходил как можно ближе к городу, но кому хватало ума вэрнуться, рассказывали, что на его мэсте что-то вроде дыры в пространстве. Огромное магичэское облако – гораздо страшнее ваших Удэлов Мрака и Свэта. Проходят столэтия, а оно все еще там.

Мне показалось, что по комнате прошел ледяной ветер. Волоски на руках встали дыбом, а присевший рядом Атос невольно поежился.

– Поэтому я и извинилась пэред тобой, Волк. Потому что искренне считаю, что мой народ открыл тайну, которую нэ стоило трогать, и заразил «больной магией» весь остальной свэт. Но, может, теперь тебе, мой сладкий Ягн’еночек, будет более понятно, почэму мои люди боятся книг и знаний и предпочитают безграмотность, нищэту и лишэния.

Ока встала и резко отдернула полотно у входа. Свет факелов, шум голосов и запахи приготавливаемой на кострах пищи мигом заполнили мрачную пустоту палатки.

– Мы нэ плачэм о прошлом. – Извель подмигнула мне, словно знала, о чем я рассказала Атосу. – Мы смэемся в настоящем. Танцуем, гадаем, пьем вино и вэселимся. Пэред тэм как представить вам Мама-Ока, я хочу чтобы с тебя, Ягн’еночек, сняли мерки на броню. Ты должна получить ее.

Я почесала рану на плече. Благодаря мазям Извель, которыми та щедро делилась по пути из Штольца, я почти не чувствовала боли. Но рана есть рана, словно сама судьба говорила мне, что нужно лучше заботиться о своей безопасности.

В нашу палатку вошел мужчина, бесцеремонно, как к себе домой, и

кинул пару слов Извель на языке Заокраины. Он был громадный и черный, словно ночь, за исключением белых волос, сплетенных в косички и замысловатые колтуны.

– Это Борон. Лучший кузнэц из тэх, кого я знаю. – Извель похлопала гиганта по плечу. – Он пришел измерить тебя для брони. Тэбе придется раздэться.

Я стянула наплечную сумку и походный плащ и в ожидании уставилась на ока. Те в ответ смотрели на меня, почти не моргая.

– Нэт, дорогая. Снять придется всэ.

Я ошарашено смотрела то на гиганта, то на Извель:

– Я же не собираюсь носить броню на голое тело. Зачем мне снимать одежду? Все равно нужна рубашка. Ведь нужна же. Атос, да скажи им!

Но мой учитель уже разве что не хохотал, наблюдая за моим отчаянием.

– Ритуал, – развел он руками.

– Ритуал, – подтвердила Извель. – Мастер смотрит твое тэло, чувствует его и создает броню нэ для одэжды, для тэла. Чтобы именно твое тэло могло жить в этой броне.

Под взглядом, как мне казалось, плотоядных глаз черного великана я почувствовала себя уже раздетой. Прижав руки к груди и на миг прикрыв глаза, я собралась с духом.

– Отлично. Надо так надо. Но ты хотя бы Атоса выведи!

Извель всплеснула руками:

– О боги, а я думала, в чем дэло. Мой Ягн’еночек, оказывается, стесняется мужчин и их похоти. Не бойся, моя сладкая, Борон уже десять лет как живет с женщиной. Твое тэло для него не более чем вэрстак для брони.

Стоило пройти через это унижение хотя бы ради того, чтобы увидеть выражение лица Атоса, когда он узнал о любовных интересах Борона. Мой учитель побледнел и постарался вжаться в стенку палатки:

– Отвратительно, – произнес он почти шепотом. – Я, пожалуй, пойду.

Борон же белозубо улыбнулся и подмигнул Атосу.

Я никогда не видела магии исчезновения – но то, что продемонстрировал мой крайниец, выглядело не хуже. Он скрылся за считанные секунды, а ока переглянулись и дружно расхохотались.

Процесс примерки был странным. Я сняла одежду и стояла на сквозняке в центре палатки, а Борон ходил вокруг меня, словно вокруг статуи, и то укоризненно цокал языком, то качал головой. Сложилось ощущение, что ему все во мне не нравилось. Он не прикасался ко мне, но

периодически делал жесты, чтобы я подняла руки, обхватила плечи, согнула ногу в колене. Смущение прошло – слишком уж странным было это снятие мерок.

Матерчатая дверь в палатку колыхалась от ветра, и я время от времени видела людей снаружи. Они, скользнув по мне взглядом, шли дальше – нагота, видимо, не была здесь чем-то особенным или постыдным.

Наконец Борон закончил и жестами разрешил мне одеться. На ломаном языке Королевства он спросил:

– Ты. Имя.

– Лис, – сказала я. И чтобы он лучше понял, попыталась изобразить ладонями острые уши и сморщить лицо. – Зверь. Хищник.

То ли мои ответы, то ли разыгранная пантомима развеселили кузнеца. Он все повторял: «Лис. Зверь. Хищник» и аж приплясывал от удовольствия. Когда Борон покинул палатку, за мной зашел Ким, который, видимо, никуда и не терялся. Мальчик схватил меня за руку и вывел в токан.

В вечернем воздухе витал ясный, но непонятный мне дух праздника. Теперь запахи уже не напоминали мне паленую тряпку и прогорклое сало. Нет, теперь это были запахи жизни и праздника. Люди вокруг стали заметно более раздетыми, словно наступила внезапная жара. А ведь, пожалуй, и наступила: воздух накалился. Между шатров, палаток и шалашей жарили мясо. Сумерки отгоняли веселые фонарики из зеленой ткани, развешанные то тут, то там. Дети бегали дружной гурьбой, играя странными игрушками: длинными палочками со светлыми шнурками на одном конце и петлей на другом. Смысл игры был, видимо, в том, чтобы поймать петлей руку или ногу товарища по игре, и вся толпа, как стайка игривых котят, барахталась в пыли.

Ким между тем вел меня в глубь токана. В центре импровизированного «города» на большой вытоптанной поляне танцевали ока. Много ока, очень много. Их танец вокруг огромного костра был сродни мистическому ритуалу, словно темнокожие люди зывали к какому-то своему богу. Но согласованности не было – кто-то танцевал быстрее, кто-то медленнее. Кто-то просто кружился, кто-то вокруг воображаемой оси, а один тощий мужчина преклонных лет голым бегал вокруг танцоров и кричал что-то невразумительное.

Это напоминало дом скорбных умом и одновременно завораживало. Представить подобное безумие в Штольце, с его порядочными гражданами, было просто невозможно. Я прыснула от смеха, и Ким тоже заулыбался. Нашему маленькому путешественнику нравился его новый дом, пусть и был он немного сумасшедшим. Но этот дом был полон живых и радостных

людей.

Перед костром на помосте я увидела и Атоса и Извель. Они оба сидели и беседовали с кучей тряпок. Вернее, так мне показалось вначале. Подойдя поближе, я поняла, что среди бесчисленного количества накидок, юбок, капоров и жилетов находится маленькая сморщенная старушка с удивительно яркими светло-голубыми глазами. Она продолжала говорить, похоже, обращаясь к Атосу, но ее пронзительные глаза уже следили за мной – я была уверена, что даже с расстояния в тридцать шагов она смотрела прямо на меня.

Ким настойчиво тянул меня к помосту, да и взгляд старухи притягивал не хуже магнита. Поэтому я пошла сквозь танцующих ока. Они словно волны расступались, стоило мне подойти ближе. Не было ни тычков, ни пинков, будто меня приняла в себя живая вода, состоящая из танцующих тел. Мне внезапно захотелось тоже сделать что-нибудь сумасшедшее.

Словно угадав это желание, меня подхватил один из танцоров. Молодой парень ока с симпатичным открытым лицом. Из одежды на нем была только набедренная повязка. Он начал кружить меня, да так сильно, что у меня перед глазами все поплыло. Но я засмеялась. На этом празднике жизни можно было только радоваться и дурачиться. Докружив меня до помоста, новый знакомый бесцеремонно поцеловал меня в губы и снова нырнул в водоворот танцующих. Я присела на край деревянного помоста и взглянула на сухую старушку. Она, склонив голову, изучала меня, а потом заговорила чистым и без малейшего акцента голосом:

– Тебе интересно, почему при входе в токан мои люди были так суровы, а внутри все радуются и никто не обращает внимания на ваш цвет кожи?

Когда я кружилась в танце с юношей, этот вопрос мелькнул у меня в голове. Но он не срывался с моих губ, более того, я уже успела забыть о нем. Ким вышел из толпы и уселся у моих ног. Обхватив мою лодыжку своими ручонками, он уставился на старуху. Она продолжила; казалось, ей и не требовался мой ответ.

– Войти в токан сложно, но, войдя однажды в нашу реку, ты становишься ее частью.

Атос, сидящий справа от старой ока, неодобрительно хмыкнул, видимо, его сместила сама мысль стать частью чего-то подобного.

– Это Мама-Ока, – сказала Извель, чьи белоснежные волосы были заплетены в две пышные косы с украшениями в виде черных капель. – Она – одна из чэтырех наших прэдводителей. Два Папа-Ока – один на сэверо-западэ, другой на юго-востокэ, и еще одна Мама-Ока на юго-западэ.

– Вы прекрасно говорите на нашем языке. – Я не знала, что еще могу сказать старухе.

– Я прожила достаточно, чтобы изучить его. Он не такой сложный, как тебе кажется, дитя. – Старуха пожевала губами. – Наше племя обязано тебе жизнями двух наших детей. Нет. Даже не отрицай, я знаю больше, чем тебе кажется. Мы – гордый народ и всегда платим по своим счетам. Тебе, лисье дитя, мы даруем броню, крепкую, как кожа голема, и еще кое-что... оставьте нас.

Атос и Извель поднялись с помоста. Извель подхватила Кима и, пританцовывая, нырнула в толпу. Учитель же коснулся моего плеча и указал на костер поменьше неподалеку:

– Мы будем там. Если старуха решит принести тебя в жертву, или ты просто заскучаешь – присоединяйся.

Когда мои друзья скрылись из виду, на помосте остались лишь я да старая предводительница умирающей расы.

– Мы не умирающая раса. Мы живем, как можем. И да, твои мысли слишком громкие для меня, дитя.

Пока мы шли к ока, мне довелось убедиться в таланте Извель читать мысли. Но эта старуха, видимо, была намного сильнее. Все свои способности к магии и гаданию ока приобрели в результате магического бедствия, разрушившего их родину. Прадеды и прабабки нынешних ока были столь сильно накрыты тем магическим облаком, что даже спустя столько лет магия пробивалась в каждом заокраинце, как молодой побег по весне.

– Ты сказала, что дашь мне что-то кроме брони.

– Может быть, совет? Тебя тревожит что-то.

– Слишком многое. – Я замолчала. В голове проносились картины: люди-монстры, собирающие железо по всей стране, ключ с изломанной спиралью, магическая башня, что ждала меня впереди. – У меня необычные кошмары в последнее время. К обычным я уже привыкла, но новые... Ты могла бы мне погадать?

Старуха жестом показала, чтобы я приблизилась, и, когда я присела рядом, положила руку на лоб. Мне пришлось наклонить голову, и я разглядела, что каждый слой ее пестрого одеяния сделан с большим мастерством и любовью. Например, кант одной из юбок был расшит журавлями, причем яркой, не характерной для этих птиц оранжевой окраски. Журавли крыльями сплетали узор, словно кружились в танце, как и дети Мама-Ока.

Старуха между тем произнесла пару слов и отдернула руку. По ее

ладони текла кровь. Я схватилась за лоб, испугавшись, что это моя кровь и ока поранила меня чем-то. Но лоб был сухой. Сама гадалка заметно погрузстнела.

– Дитя. Тьма впереди тебя, позади тебя и внутри. Я не буду раскрывать тебе увиденное, ибо твое будущее сейчас покоится в темной бездне.

– Звучит не очень утешительно, – заметила я, все еще проверяя лоб. – Но, если говорить честно, больше похоже на бред. Я ничего не поняла.

– Лис, ты бежишь по жизни, соревнуясь в скорости с ветром. Пока ты бежишь – ты жива. Но стоит тебе остановиться, как ветер догонит тебя, и смерть догонит тоже. Ты должна быстро принимать решения... и выбор... да, делать выбор всегда так тяжело.

Ока вытерла кровоточащую ладонь о юбку.

– Вы идете в проклятое место, где встретите жестокость и зло. Но башня будет лишь прелюдией к тому, что ждет вас впереди. Чтобы жить – ты должна будешь сделать тяжелый выбор, и сделать его быстро. Смерть догонит тебя в розовом саду и дыхнет тебе в лицо своим смрадом.

– Я все еще ничего не понимаю. Но, кажется, посещение башни я переживу. – Гадание перестало быть развлечением. Слова Мама-Ока были непонятны и тревожили меня, хотя могли быть всего лишь бредом окуренной дымом костра старухи.

– Башня станет началом. – Ока вдруг легонько хлопнула меня по лбу, и перед глазами пролетела череда картинок: мой старый лисий шлем, сияющая сабля в чьих-то тонких пальцах, огромная туча, наползающая на город, тени, бегущие в красном тумане, и стук чьего-то сердца, бьющегося в унисон с моим.

– Впечатляет, – заметила я, встряхнув головой, чтобы прогнать видения. – Вы что-то в костер подсыпаете, чтобы у людей, говорящих с вами, были видения?

– Ты не веришь, как и твой друг. Но скоро вам придется поверить. Правда, поздно будет. – Старуха вздохнула. – Иди, дитя, передай Извель, что Атосу пригодятся узоры духов, а тебе она обязана жизнью – поэтому пусть пожертвует свою самую большую ценность. Этот подарок тебе должны вковать в броню.

– Я думала, ее самая большая ценность Ким. Сложно мне будет носить его вместе с броней.

– Мальчик не принадлежит ей, – покачала головой старуха. – Она поймет мои слова. Иди.

Я почти сошла с помоста, но все-таки обернулась. Старуха кивнула, разрешая задать вопрос.

– Вы говорите, что впереди тьма и смерть. Что будет тяжело. Неужели там нет ничего хорошего?

Старая ока подперла ладонью подбородок и уставилась в пламя огромного костра:

– Я видела свет впереди. Но этот свет не принадлежит миру живых, Лис. Это свет мертвых. Он согреет тебя, он сделает тебя счастливой, а потом исчезнет во тьме, которая окружает тебя.

Меня внезапно охватило отчаянье, несмотря на то, что я ни на секунду не поверила во все эти предсказания:

– Так что же мне делать? Просто не идти к башне?

– Ты уже не можешь не идти. – Мама-Ока покачала седой головой. – Ты можешь только бежать вперед, наперегонки с ветром и смертью. И делать выбор в одно мгновение, как ты это делала всегда. Ты откроешь два ларца из трех...

Последние слова я услышала лишь краем уха. Во мне клокотала ярость, и я быстрым шагом направилась к своим товарищам. Вспоминая предсказания Мама-Ока позже, я даже не могла с уверенностью сказать, говорила ли она про ларцы. Это вполне могла быть другая мистическая чушь про несчастья, ожидающие меня впереди.

Когда я дошла до костра, около которого сидели Атос, Извель и Ким, буря внутри немного поутихла. Мне уже хотелось не метать молнии, а обратить все в шутку.

– Атос, мне предсказали, что все будет плохо. Мы все умрем, или что-то вроде этого.

– А она не предложила купить тебе пару сушеных лягушек, чтобы избежать напастей? – Слова Атоса, как теплое молоко, разлились в моем беспокойном разуме. Ну кто вообще верит в такую чушь? Просто забыть и выкинуть из головы. Вокруг не было смерти, наоборот – такое море жизни, что немудрено и захлебнуться.

– Мама-Ока стара и тэряет хватку, – призналась Извель, наливая в мисочку какое-то варево из горшка на костре. По запаху это было не только съедобно, но и вкусно. – Она можэт наговорить тэбе такого, что нэ заснешь. Но Мама обычно хорошо чувствует людей и с этим не ошибается. Знаэшь, что она сказала, когда ты шла к помосту? «Вот идет сильнэйшая из вас». Поэтому Атос и надулся...

– Вовсе нет. – Атос сверкнул глазами из-под челки. – Просто это глупо. Силы в Лис на комариный укус.

– А она и нэ о той силе говорила...

Чтобы прервать начинающийся спор, я примирительно подняла

ладони:

– Да забудьте вы. Мама-Ока просила передать две вещи. Что-то про душевные узоры для Атоса...

– Узоры духов, – мягко поправила Извель.

– Да-да, именно про них. – Затем я на миг задумалась, а не промолчать ли о второй просьбе. Но ведь вредная старуха все равно расскажет Извель. Поэтому я нехотя продолжила: – И еще она хотела, чтобы ты отдала свою самую большую ценность, чтобы ее вковали в броню. Но даже и не думай, мне это не нужно! Броня сама по себе отличный подарок.

Извель моя новость явно расстроила. Она побледнела и обхватила себя за запястья. Я попыталась еще раз заверить ее:

– Мне это не надо. Можешь просто сказать своей старейшине, что выполнила ее наказ.

– Ты очень-очень добрая, Ягн’еночэк. Но Мама-Ока права. Ты подарила мне две жизни: мою и Кима, и мэншее, что я могу сделать – это защитить тэбя, хотя бы и так.

Она поднялась, зашуршав всеми своими юбками. Я обратила внимание, что ноги ее были босы, хотя в путешествии она носила мягкие ботинки. Ногти на ногах выкрашены в белый цвет и в зеленой траве выглядели как маленькие маргаритки. Заметив мой взгляд, ока дружелюбно улыбнулась:

– В токоне нэ носят обувь – так мы ближе к зэмле. Твою броню вместе с моим подарком ты получишь завтра. А пока я пойду, мнэ надо... отдать кое-что. – И она поспешно удалилась, словно боясь передумать. Мне хотелось окрикнуть ее и уговорить не отдавать мне свою драгоценность. Но ока была слишком стремительна. Почему-то я подумала о ее гребне, которым она расчесывала мне волосы в пути. Я представила, как мне вковывают гребень в броню, и я так и хожу с расческой, торчащей из груди, – и прыснула.

– Погоди, Атос, она сказала, что я получу броню уже завтра. А не слишком ли это быстро?

– Местные кузнецы куют из заокраинского серебра. И я так понимаю, работа будет идти всю ночь. Борон, – при этом имени крайниец поморщился, – вероятно, работает с подмастерьями.

– Серебра? – уныло протянула я. – Разве из него можно сделать хорошие доспехи?

– Заокраинское серебро – это название сплава. Раньше его выплавляли из пятнадцати видов руды, добываемых в Заокраине, но после бедствия добыча прекратилась. Так что тебе делают по-королевски щедрый подарок.

Изделий из этого сплава по пальцам пересчитать во всем мире. Серебром оно, кстати, зовется из-за цвета. Тебе понравится, он вполне девчачий. – Атос перегнулся через сидевшего между нами Кима и щелкнул меня по носу.

Я попыталась поймать его руку, но не успела. Кима это рассмешило.

– А ты знаешь, что за узоры духов?

– Понятия не имею. Но надеюсь, обойдется без кузнеца-мужеложца – это все, о чем я прошу...

* * *

Процедура нанесения узоров духов была странной и чарующей. Атоса раздели по пояс, и пять юных девиц ока белой глиной рисовали на его торсе плавные линии, переплетающиеся в причудливые узоры. Меня сместило, что он согласился на это, только когда узнал, что наносить узоры на обнаженное тело будут именно девушки.

Он сидел на земле, скрестив ноги, и я видела, как от холодной глины подрагивают его мускулы под загорелой кожей. У него было прекрасное тело, и девушки, наносящие узоры, это знали и пересмеивались, поглаживая его широкую спину и безволосую грудь. А Атос мучительно краснел, но, похоже, был доволен.

Во мне вновь проснулась ревность, пока я следила за движениями девичьих рук. Не ревность женщины к своему мужчине, а скорее ревность обладателя к прекрасному и дорогому ему предмету. Словно юные ока гладили и нежили мой меч или принадлежащий мне когда-то шлем. Мою вещь, мою гордость. Атос, кажется, заметил мой недобрый взгляд и растерянно пожал плечами, помешав одной из ока наносить узор и вызвав новый взрыв смеха.

Чтобы больше не мешать процессу, я перевела взгляд на Извель. Вернувшись от кузнецов, она казалась потерянной. Ее руки не могли успокоиться и то теребили подол платья, то начинали разглаживать волосы. Ее надо было отвлечь от потери:

– Извель, а зачем эти узоры?

– Вы идете на сэвер. – Она помедлила. – И, если я правильно поняла обрывки ваших рэчей, – вы идете к башне. Если это то мэсто, о котором я думаю, то узоры духов вам пригодятся... Узоры духов – что-то вроде усилителя связи с незримым миром, мощный источник силы. Там, куда вы идете, там нэчестивое мэсто, Ягн'еночек. Там обитает тьма.

– Лисий чертог, – произнесла я, смакуя слова. – Лисье место.

– Ты ошибаешься, если думаешь найти там родственных лис. Узоры духов – это древняя магия, не из книг, а от народа. Они защитят его от тьмы с помощью тех, кто покинул этот мир.

– Звучит жутко. – Я пожала плечами. – Они ведь не опасны? За нами не начнут ходить ожившие мертвецы?

Извель впервые после возвращения улыбнулась:

– Ты так буквально все воспринимаешь, дорогая. Узоры призывают к вам только чистые души.

– А почему в таком случае мне не наносят узоров?

– О, моя сладкая, – Извель потрепала меня по щеке. – Твой подарок будет ценнее, или, вернее сказать, – бесценнее. Он ничуть не хуже защитит тебя от тьмы.

Атоса попросили встать, и я снова залюбовалась им. Высокий и статный, но все же занимающий слишком много места в пространстве – с широкими плечами и узкой талией. Только сейчас я начала понимать, почему девушки в легионе Алой Розы вились вокруг него. А он мой учитель и мой друг – это была приятная гордость. Похоже, Извель угадала мои мысли.

– Ты знала, что Атос на старинном языке Края значит «верный»?

– Правда? Я думала, просто имя...

– Не бывает просто имен, Ягн'енок. За каждым из них своя история и скрытая мощь. Напримэр, Извель – значит «первая», причем именно в женском роде. Это имя с очень мощной аурой – для сильных, тех, кому предстоит много вынести. Так она называют только тех дочерей, чья судьба будет нелегкой.

– Ничего себе. Ты поблагодарила родителей за такой «подарок»?

– А чем не подарок. – Извель тряхнула косами. – Я же знаю о своей нелегкой судьбе – значит, они предупредили меня.

– Жаль, что Лис ничего не значит.

– Вовсе нет. Лис – хищник, и мужского пола. Не лисица и не лиса, не Лис'енок. – Она ущипнула меня за щеку, и я рассмеялась. – В твоём имени кроются и мудрость, и гордость, и вечный бег от охотников. Но с другой стороны – твоё настоящее имя, данное при рождении, скрыто. Значит, ты защищена лучше нас с Атосом.

– Это почему?

– Есть старая присказка: «Нарэки врага своего, и он станет смертным». Власть над именем даёт власть над человеком. Твоё имя скрыто, ты даёшь людям только то, что позволяешь им видеть.

– Значит, если я захочу победить в схватке, мне достаточно будет назвать имя врага? – Как я ни старалась, у меня не выходило относиться к ее словам серьезно. Мне вспомнилась деревня Тарра в горах и ее полоумные обитатели.

– Выходит, что так.

Она поднялась и жестом пригласила меня составить ей компанию. Мы шли сквозь токан, где шум не стихал даже после полуночи. Детей не гнали спать, а взрослые сами вели себя как дети. Мы плыли в толпе, и мне вдруг стало грустно. Завтра мы должны были покидать токан – и беззаботность этого места придется оставить здесь. Как и Извель.

– Я вот думаю, как это странно. Я начала свое путешествие давно. Встречала плохих людей и даже омерзительных. Много глупых и жадных, трусливых и подлых. Но я встретила в дороге и настоящих друзей. И все они такие разные. С кем-то я никогда не сойду в мнении, кто-то был для меня лучом надежды в тяжелое время, кто-то... – Я взяла свою подругу за руку. – Заставил меня признать свое прошлое. Я, наверное, очень счастливый человек – раз все эти друзья встретились на моем пути.

– Помнишь, что я говорила тебе про костер, отбрасывающий тень на камень, Ягн'еночек?

Я кивнула.

– Я открою тебе секрет. Если костер горит достаточно ярко, то пэпел и копоть очерчивают силуэт на твоём камне. Люди могут оставлять следы в твоей судьбе. Они мэняют тебя – одни к лучшему, другие – к худшему. Но ты все время мэняешься.

Посмотри на Атоса. Где тот нэнавистник ока? Он ест нашу еду, слушает наши совэты, позволяет нашим дэвушкам умащать его тэло. Да что там! Он даже позволил своему дорогому Лисенку надеть наши доспехи. Мы влияем на нэго. А он влияет на нас. Я задумалась, нэ пора ли открыть свою любовь к книгам моему народу или постараться привить ее хотя бы Киму?

Мы остановились на выходе из токана. Перед нами расстилалась степь. Снаружи было намного холоднее, и ветер заставил меня поежиться. Однако Извель не чувствовала прохлады.

– Мне жаль расставаться с тобой так рано, Ягн'еночек. Я много хотела бы еще тебе рассказать.

– Я могла бы пока не идти в башню, – с надеждой произнесла я. – Остаться здесь чуть подольше.

– Нэт, нэ могла бы. Тэбя нэсет ветер, дорогая, и ты уже нэ в силах остановиться.

Может, Извель говорила с Мама-Ока, а может, просто их мысли совпали.

– Я услышала так много сказок в пути. Но иногда мне кажется, что моя жизнь сама – сказка, – неожиданно сказала я. Эти мысли пришли словно из ниоткуда.

– Слушай сказки, которые слышишь, – слушай и запоминай их, Ягн’еночек. Сказки могут вести нас, как путеводная нить. Приглядишься. Видишь справа вдалеке маленкое пятнышко?

Звезды и луна сегодня довольно ярко освещали ночное небо, и я и вправду увидела около линии горизонта сгущение тьмы в одном из участков степи.

– Это Львиная чащоба. Уговори Атоса идти по нэй к башне.

– А что там? – спросила я. Но Извель уже развернулась и быстрым шагом шла в токан. Ее босые ноги неслышно ступали по траве. Секреты ока окружали меня, смыкая круг. Я не нашла в токоне ответов ни на один из своих вопросов.

#Бусина четырнадцатая

Дыхание стало прерывистым, а в правом боку, куда меня когда-то ранил одержимый Кэрк, закололо. Мысли метались.

Прыжок, и меч со свистом пронесся, срезая высокую сухую траву. Еще один шаг к отступлению, но слишком медленно, и кончик меча чиркнул меня по груди. Я попыталась нащупать в траве свой меч, но времени не хватало. И мне снова пришлось отступать. Неловко развернувшись, я запуталась в ногах и упала лицом в пыльную землю, все еще пытаюсь нащупать правой рукой свое оружие. На кисть мне опустился сапог, а в шею уперлось лезвие меча.

– Ты труп.

Голос Атоса звучал так, словно он только что победил не меня, а целую армию демонов.

– С руки слезь, больно же! – Он наконец перестал разыгрывать победителя и подал мне руку, помогая подняться. – Ты сегодня бился как ненормальный. Что на тебя нашло?

– Это была проверка твоей новой брони. – Он руками пробежался по наплечникам, которые задел пару раз в ходе боя, щиткам на бедрах. Затем начал изучать броню на груди, где его огромный меч чиркнул меня. На матовом металле не было даже царапины. Я смутилась от того, как пристально Атос разглядывал мою грудь, но он был в восхищении вовсе не от нее:

– Потрясающе. Ты была бы мертва, будь это сталь или еще что. Но закраинское серебро, видимо, в разы их прочнее. Теперь я буду за тебя гораздо меньше волноваться.

– Главное, сам не прикончи меня во время тренировок. – Я ворчала уже просто ради смеха. Как бы ни зверствовал Атос, он всегда чувствовал, когда нужно остановиться. Несмотря на это наш сегодняшний бой заставил меня вспотеть.

– Я к реке. А ты не ходи за мной! И не подглядывай, – строго произнесла я и направилась к чахлому ручью, который я назвала рекой только потому, что это вообще была первая проточная вода за долгое время. Атос лишь фыркнул в ответ.

Я спустилась к воде по склону, поросшему сухостоем. Несмотря на то, что вода питала эту землю, траве не хватало влаги. Степные растения, все сплошь сухие и ломкие, уже начали вызывать тоску, я скучала по сочной

зелени. И Львиная чащоба неподалеку обещала ее в изобилии. Вода текла как раз оттуда.

На берегу ручья-реки я сняла свою броню и разложила ее на песке. Это были не просто доспехи, а произведение искусства. В моей голове все еще не укладывалось, как такое можно выковать за ночь. Серый матовый металл напоминал тот, из которого был сделан мой шлем, но светлее. Броню украшала искусная гравировка. Золотыми линиями то на плече, то на бедренном щитке мелькали лисы, сходясь и расходясь как осенние листья на воде. Собственно лис можно было разглядеть, только если приглядываться. Издалека это был лишь золотой узор.

Справа, там, где нагрудник выгибался, принимая форму женской груди, в металл были вплавлены шестнадцать зеленых бусин. Дар Извель оказался не расческой, как я боялась, а странным браслетом, который она носила не снимая. Помнится, ока говорила, что этот браслет подарил ей старый друг. Спросить ее саму об истории подарка я не смогла: она не пришла прощаться поутру. Нас провожали только Борон, Ким и Мама-Ока.

То, что Извель не вышла к нам, было тяжело. Однако я надеялась, что это обещает нам встречу в скором будущем. Мы вроде как и не прощались.

Бусины, в магическую силу которых верила Мама-Ока, казались смутно знакомыми. Словно я слышала о них что-то или видела их во снах. Каждый раз, когда я касалась рукой места над сердцем, холод каменных бусин придавал мне уверенности. Увы, лишь ее, а не дополнительных сил, чтобы победить моего учителя.

Надев свой доспех после того, как наскоро помылась, я еще раз убедилась, что Борон знал свое дело. Каждая деталь так ладно садилась на мое тело, словно была вылита точно по его форме. Становилось даже страшно чуть-чуть похудеть или потолстеть – ведь тогда броня вряд ли сядет столь же идеально. Я закончила любоваться броней и вернулась к Атосу. Он задумчиво изучал карту, которую вместе с едой и небольшим кошельком монет дала нам Мама-Ока.

– Я не хотел бы заходить в этот лес без нужды, – заметил Атос. На тыльной стороне его ладони я увидела остатки белых узоров духов. За пару дней дороги они почти стерлись из-за ветра, пота и воды из ручья. Вряд ли эти хваленые заклинания продержатся до башни.

– Извель просила нас туда сходить.

– Мы слишком удаляемся на восток. Еще немного, и мы в Ларосс попадем.

– Портовый город? – У меня аж дух захватило. – Я никогда не видела моря. Можно, ну можно?!

– Не в это путешествие, Лис. До меня в токоне дошли дурные слухи... о легионе.

Он замолчал, а я растерялась, не зная, что сказать. Он оставил за спиной свой титул, женщину, в которую был влюблен, всю свою жизнь – и отправился со мной в безумный поход к башне, которая была частью сказки. А теперь это прошлое его нагоняло. Я была удивлена лишь тому, что это случилось так поздно.

– Ты хочешь повернуть назад? – осторожно спросила я.

– Нет, – сказал он уверенно, и это немного успокоило меня. – Во всяком случае, не сейчас. Мы идем к башне, таков был уговор. Но когда мы ее достигнем, нам все равно придется вернуться. Куда-нибудь...

Я понуро повесила голову, так как не собиралась возвращаться в Легион. Мое бегство было окончательным и бесповоротным. Мы так и не сошлись во мнениях по поводу виновности Алайлы в смерти Кэрка, и я вспоминала об этом каждый раз, когда доставала из ножен меч погибшего капитана: черный с пугающей трещиной, однако выдерживающий битву за битвой.

– Ну же, выше нос. Люди-голуби, демоны-хорьки... Нам предстоит разобраться, что происходит в Королевстве. Ведь кто-то же должен это сделать. Мы снова встретимся с Гардио и, наверное, с Извель. Но и в легион заедем – похоже, там все совсем плохо.

Мужчины! Они найдут тысячу причин, чтобы скакать во весь опор к даме своего сердца. Похоже, размышления Атоса о своем пути в жизни пока зашли в тупик, и он намеревался как и в старые добрые времена спросить совета у Алайлы. Я встала:

– Я иду через Львиную чащобу – прямо сейчас – на север к Лисьему чертогу.

Через несколько шагов я услышала, что он поднялся и пошел за мной, видимо, не желая спорить. Значит, пока мы продолжаем путешествовать вместе и никто не знает, сколько это еще продлится, нам уж точно не стоит портить руганью эти последние дни.

* * *

Снова находиться среди деревьев, а не в голой степи, было истинным наслаждением. Львиная чащоба представляла собой смешанный лес с высокими осинами и елками, которые мягкими ветками-лапами гладили меня по лицу. Наверное, южанам он показался бы мрачным и холодным. Но

после пыльных и серых дорог лес был райским местом.

Чем дальше мы продвигались на север, тем меньше солнце нагревало землю. Я читала о снеге только в книгах и никогда его не видела. Говорят, что в Королевстве даже на пограничье севера белую небесную муку видели нечасто.

Но в этом лесу я была готова поверить в снег. С каждым выдохом из моего рта вырывалось облачко пара, а руки начали зябко подрагивать. Атос, шедший рядом, не высказывал никакого недовольства. С другой стороны, это же Атос – человек-камень, которому все нипочем.

Львов в Львиной чащобе не водилось. Как объяснил мой учитель, форма леса с высоты птичьего полета напоминала львиную голову. Я слабо себе представляла, какой человек смог вдруг взлететь и зачем ему было разглядывать форму леса, чтобы сделать карту.

Мы шли среди деревьев уже второй день. Ночевка не принесла ничего, кроме холода и мысленных укоров Извель, загнавшей нас в это странное место. Мне нравилось тут, но казалось, что все это лишь оттягивает наш визит в Белую башню. Особенно теперь, когда она была так близка, только руку протяни.

Атос рассказал, что успел поговорить со старейшиной ока о монстрах. И как ему это удастся? У меня подобные вещи просто выветриваются из головы, а он о них помнит. Правда, Мама-Ока не сказала ничего дельного. С его слов всё старуха бормотала что-то вроде «тьма вокруг нас, чудовища наступают» и прочую ерунду, но ничего дельного. Этот рассказ напомнил о моих предсказаниях. Атос вовсю шутил над старушкой и ее мистическими речами, поэтому я тоже успокоилась и перестала переживать. Монстры есть, но они смертны. Никакая они не тьма, просто выродившиеся твари, возможно, результат каких-то темных деяний Поглощающих.

Внезапно мы вышли на то, что с натяжкой можно было назвать полем. Бывшая пашня, вероятно, когда-то созданная посреди леса. Сейчас это напоминало проплешину, зарастающую бурьяном и сорной травой. Наверное, давным-давно люди пытались отвоевать этот кусок леса у чащобы: рубили деревья, выкорчевывали пни, возделывали землю. Но сейчас пашня была заброшена, и даже следа не осталось от злаков или того, что здесь росло. Маленькие елочки торчали из травы то тут, то там. Ветер лениво колыбал их колючие ветки.

– Поле посреди леса, подумать только, – пробубнил себе под нос Атос.

На другом конце этой пашни виднелось строение – то ли дом, то ли амбар, с такого расстояния не понятно. Но Атос двинулся туда, а я поспешила за ним. От вида этой заброшенной земли по спине побежал

холодок. Все говорило о том, что когда-то здесь жили люди, но они давно ушли... или исчезли. Именно в таких местах в сказках водятся призраки и демоны. Судя по всему, Атос тоже думал о чем-то подобном. Я не знаю как, но почувствовала, что Атос собрался. Его мышцы пришли в движение, а рука была готова в любой миг взлететь к рукоятке меча.

Он шел быстрее, и когда я подошла к воротам, уже стоял и разглядывал мрачное строение. Срубленный из крупных бревен дом когда-то был большим и прочным. Годы сделали древесину темной, а ветра вместе с дождями разрушили крышу. Она просела и норовила рухнуть и погresti под собой все строение. Но внимание притягивал не мрачный особняк, а ворота. Сверху донизу их покрывала тонкая серая паутина, словно здесь обитал гигантский паук. Где-то более толстый слой, где-то лишь пара нитей – но бахрома паутины шла от ворот по забору и огибала все строение. В таком жутком месте могли жить только ведьмы.

– Омерзительно. – Атос концом меча коснулся одной из нитей на воротах, и та, разрезанная, соскользнула вниз. За ней развалились и упали в траву висевшие рядом серые ошметки.

– А я знаю, что это за место, – сказала я, неожиданно даже для самой себя. – Это последний приют Далии.

Но мой друг взглянул на меня недоверчиво.

– Это северные сказки, Лис. В Лароссе была продажная женщина по имени Далия, и ей даже поставили памятник, но посмертно. Ее прикончили в каком-то восстании.

– Выходит, что не прикончили. Взгляни. – Я коснулась рукой самой прочной на вид нити, и она не развалилась. Я разгладила пальцами «паутину». – Это же кружева, Атос.

Он лишь покачал головой, то ли отказываясь признавать правду, то ли намекая, что мои слова ничего не значат.

– Двери забиты, а место заброшено. Чем бы это ни было раньше, сейчас это лишь приют для лесных тварей. И я бы не хотел ночевать поблизости. На душе беспокойно.

Он направился прочь от дома, а я осталась стоять перед воротами. У меня была пара минут, чтобы не потерять крайнийца из виду. Я прислонилась лбом к столбу, на котором когда-то висели резные дверцы.

– Подумать только, сказка ожила. Когда-то Далия в самом деле привела сюда своих детей.

Взгляд скользнул по траве, и я вдруг заметила отблеск чего-то белого. Я наклонилась, нащупала странную гладкую фигурку и подняла ее с земли. Это была подвеска, за фигуркой тянулась цепочка, старая и проржавевшая.

Сам кулон представлял собой две руки, кисти и запястья. Они переплетались, а пальцы словно обхватывали шар из воздуха. Между ладонями явно должно было что-то находиться, например, жемчужина или кристалл, но сейчас там было пусто. Белый цвет, что привлек мое внимание, – это была одна из рук, другая же была чернильно-синей.

Я вспоминала сказку Сильвелла. Кулон доказывал, что пашня посреди леса принадлежала Далии. Амулет, который я нашла, мог символизировать только эту женщину. Синие руки, выкрашенные по традиции ее далекой родины Тарасийи, и белая краска, которой жители Ларосса покрыли руки статуи в знак признания добрых дел Далии.

Возможно, это было лишь осколком прошлого – эхом, докатившимся до наших дней. Сломанная безделушка с отсутствующей драгоценностью. Но это же и есть самая главная суть путешествий: собирать камни, веточки и раковины на морском берегу, чтобы они напоминали тебе: «Я и в самом деле проделал весь этот путь».

Поэтому я сунула подвеску в походную сумку, давая зарок заказать новую цепочку. Как только я убрала странный амулет, у меня неожиданно заслезились глаза, а в области сердца закололо. Рука почти машинально метнулась к зеленым бусинам, вплавленным в доспех. Прикосновение к холодному камню уняло боль и сердцебиение.

– Лис, Войя тебя поберет! Ты долго будешь торчать возле этого дома-призрака? – Крик раздался откуда-то из-за деревьев. Атос уже скрылся из виду и обнаружил мое отсутствие. Бросив прощальный взгляд на дом, я побежала на голос моего учителя. Боль в сердце утихла, а глаза высохли. Башня была уже совсем близко.

* * *

Первым признаком того, что мы идем верной дорогой, стал отшлифованный ветрами и песком камень. Напоминающий продолговатое яйцо, он стоял возле дороги как пограничный столб. Лишь присмотревшись к нему очень внимательно, можно было заметить и хитрую мордочку, стершуюся со временем, и передние лапы. Сейчас от фигуры зверя остался лишь едва заметный след. Еще одно эхо истории, вроде дома Далии. Но я сразу увидела в путевом камне лису. Сказка моего детства оживала у меня на глазах. И где-то в отдаленном уголке памяти послышались звонкие голоса:

– Брось, это же просто сказки!

– Вовсе нет! Когда я вырасту, вот увидишь, я пойду путешествовать и найду Лисий чертог!

– Ты же девчонка, кто тебя отпустит? Ты будешь с мужем и детьми... Хотя нет, я никогда не разрешу тебе выйти замуж! А ты сделаешь, как я прикажу – я твой господин.

– Как скажешь. – Смех. – А башню я все равно найду. И знаешь, что я сделаю?

– Даже не сомневаюсь. Вскроешь ларец с Любовью. Все вы, девчонки, такие.

– Вот и нет, первым делом я бы заглянула в Истину.

– Вот те на. А почему?

– Что такое любовь и надежда я примерно знаю. Но что кроется в том ларце – вот это настоящая тайна.

Голоса стихли. У меня было много сладких и приятных воспоминаний из той поры, когда замок был мне домом, а Принц – единственным светом в жизни. Отчасти поэтому вся эта память была такой горькой. Маленькая девочка не знала, что ее ждет впереди. А Лис... Что ж, она, как и сказала Извель, смеялась в настоящем.

– Атос, – окликнула я своего друга. Он как обычно размашистым шагом шел вперед, не дожидаясь меня. Впереди виднелась деревня, и он еще прибавил ходу. А я за ним не успевала. – Когда ты видел башню?

– Странно, что ты только сейчас об этом спросила. Все наше путешествие ты старательно избегала этой темы. – Он развернулся и хитро сощурился, ожидая ответа.

Мне пришлось сознаться:

– Я не верила в башню, да и сейчас не особо верю. Даже после того камня-лисы, что мы видели. Я думала, что ты меня разыгрываешь. Просто хочешь на время сбежать от своих проблем, вот и придумал всю эту историю. Но я боялась потерять самого лучшего учителя в мире и решила не расспрашивать, чтобы, не дай боги, не вывести тебя на чистую воду.

– Подлиза, – беззлобно ответил Атос. – До легиона ты ведь путешествовала только по югу?

– Ага, мой бывший дом был расположен на юге. Я шла из провинции в провинцию, стараясь держаться подальше от крупных городов.

– Сражений ты тоже наверняка избегала. Ты ведь знаешь, что война пришла на юг недавно? – Дождавшись моего подтверждения, он продолжил: – Сотни лет именно эти северные земли были полем войны. Все Королевство к северу от Врат Ремира было разделено на удельные княжества. Несмотря на мнимое подчинение Ярвеллу, здесь всегда правили

повстанцы, зарвавшиеся губернаторы и прочая шушера.

Тогда люди еще лелеяли какую-то надежду на независимость. В те времена я еще совсем мальчишкой проходил эти земли. Башню наш отряд обошел стороной, ведь это владение Сияющего. Даже самые смелые не решились туда сунуться. Но мы шли по возвышенности, и само строение было как на ладони. И лис я запомнил достаточно хорошо. Мы из них вдоволь поели супа, хотя совсем и не вкусного.

Ну а потом ты знаешь: король умер, времени на дразги не осталось – все свободные мечи ринулись в бой за престол столицы. Кто-то как мы со Строгоссом, кто-то с десятком других претендентов на трон. Вот все боевые действия и перетекли на юг, а северяне... Что ж, годы войн принесли много бед и лишений этому народу. Сейчас они предпочитают заниматься выращиванием хлеба, а не битвой. Но их пока и не трогают особо. Кто знает, когда появится новый король, что он обнаружит на севере?

– Ты иногда прикидываешься неучем, а в иной раз целые лекции читаешь, – заметила я. Деревня стала намного ближе пока мы говорили. Навстречу нам двигалась телега.

– О, во мне много секретов, – ухмыльнулся Атос. – Я пойду вперед и обеспечу нам обед. Я умираю с голоду, а ты плетешься, как раненая.

Он прибавил шагу и буквально за минуту обогнал меня на добрую сотню шагов. Просто ураган, а не мужчина. Я между тем шла и думала о том, что война не затихала в Королевстве ни на миг, а только перетекала с одной стороны гор Хаурака на другую. Крестьяне плакали над уничтоженными посевами, дети лишались родителей, а деревни выжигали в угоду господам. И какая, по сути, была разница, с какой стороны Врат Ремира это происходило? Мерзкая страна.

Я поравнялась с телегой и, только пройдя еще пару шагов, удивленно обернулась. Худощавый возница, скрытый длинным плащом с капюшоном, был ничем не примечателен, а вот пассажир у деревенского возка оказался удивительным. Юная девушка лет пятнадцати, дивная, словно ангел, сидела и, свесив руки, разглядывала дорогу. Щечки у прелестницы были покрыты румянцем, а белокурая головка подрагивала в такт каждой выбоине.

Девушка была одета в богатое платье, с кружевами и бантами, что совершенно не соответствовало местности. Но самым странным и чарующим в ее облике была удивительная открытость лица. Как у ребенка, только что понявшего, что мир полон чудес и невероятных секретов. Огромные глаза перевели взгляд с дороги на меня, и личико озарила

дружелюбная улыбка.

Девушка подняла руку и весело мне помахала. Я непроизвольно помахала ей в ответ. Телега была уже далеко, и я увидела лишь, что возница перехватил руку барышни и что-то ей сказал. А затем посмотрел на меня. Но и только. Я не видела возницу, и, может, его взгляд мне только привиделся. Вскоре телега скрылась за поворотом, а я поняла, что так и стою с открытым ртом посреди дороги, словно деревенский дурачок.

Надо было догонять Атоса. Он вполне мог съесть весь обед без меня.

* * *

Северные жилища совсем не походили на южные веселые плоские домики. Они были выше – даже в деревушке вроде этой встречались двухэтажные каменные дома, которые говорили о суровых северных нравах больше, чем любая летопись.

Мне показалось, что я попала не в селение на окраине Королевства, а в уменьшенную копию Штольца. Достоинства в местных селянах было не меньше, чем в городских ремесленниках, это точно. Хотя народу на улице было и немного, все они с деловым видом куда-то спешили или чем-то занимались, хмыкая и поглядывая на южанку, легко одетую на холодном ветру.

Возможно, именно в это селение Сияющий в облиии лиса когда-то привел маленькую рыжую девочку. По словам Атоса, это был наш последний приют по дороге к башне, где мы можем встретить людей. Когда мне показалось, что я совсем потерялась среди каменных домов, меня окликнули.

Атос обедал на улице за столом с каким-то упитанным розовощеким господином, обладателем невероятно курчавой бороды. Увидев меня, хозяин стола разразился хохотом:

– И впрямь леди-рыцарь. А ты не соврал, шалопай. Где же ты себе такую нашел?

– На юге. – Атос вгрызлся в куриную кость. – Там много таких, господин Форбас. Поищи – и себе такую же найдешь.

Толстяк согнулся от хохота.

– Меня моя госпожа за такую находку живьем съест.

Но затем резво привстал и протянул мне руку:

– Где мои манеры? Алиас Форбас, владелец мельницы за тем холмом. Приютил вашего приятеля, умиравшего от голода. И пока вы не появились,

был уверен, что он мне плел небылицы о леди-мечнице, что путешествует с ним. Правда, я думал вы выше ростом.

– Мне так часто это повторяют, что я начинаю чувствовать себя гномом, – пробурчала я, присаживаясь к столу. – Меня зовут Лис. Спасибо за обед.

Мельник подкинул в руках серебристую монету.

– Оллы у нас не в ходу, но я найду, где его обменять. Так что не стоит благодарности, я не настолько хлебосолен, чтобы кормить вас задарма.

Курица пахла просто волшебным образом: судя по всему, она была сдобрена какими-то северными специями. Вокруг нее на блюде дымились крупные картофелины, посыпанные нарезанным базиликом. Устоять было просто невозможно.

Пока я расправлялась со своей порцией, господин Форбас решил разузнать о цели нашего путешествия.

– Вы собираетесь покинуть Королевство? Вообще-то наше селение – Элея, по имени богини любви – последний опорный пункт страны, не считая застав на границе. За пределами нашего государства лежит бывший Элдтар – сейчас там, правда, только песчаные пустоши да банды разбойников. Поэтому я и удивлен, что вы идете на север.

– А почему селение названо по имени богини любви? Я думала, это будет что-то связанное с лисами. – Вытерев куриный жир с подбородка, я уставилась на владельца мельницы.

– А почему лисы? – в свою очередь удивился он. – Богиня любви, по преданиям, посещала нашу деревню и заложила первый камень в ее основании. А ради каких-то паршивых хищников разве называют люди свои дома... Простите, Лис, не хотел вас обидеть, – спохватился он.

– Мне казалось, что здесь когда-то давно поклонялись лисам. Мы видели путеводный камень с изображением лисы. И разве эту местность не называют Лисьим чертогом?

Атос внимательно слушал разговор. Форбас после моего вопроса всерьез задумался.

– Знаете, после того что вы сказали, да, я что-то подобное припоминаю. Возможно, давно наши предки и поклонялись лисам. Но сейчас никаких названий, вроде того что вы сказали, не осталось. Лисий острог? Забавно звучит. Кстати, самих лис вокруг Удела полным-полно. Помню, в прошлую зиму...

– Мы идем в Удел.

Это слова Атоса словно разрезали воздух напополам. Хотя я и знала цель нашего путешествия, но сейчас словно впервые услышала о ней. «Мы

идем в Удел». Опасно, безрассудно, бессмысленно – и все ради старой сказки. Очень не похоже на рассудительного Атоса.

Слова ввели в ступор не только меня. Господин Форбас заморгал, словно напуганный ребенок, замахал на нас пухлыми ладошками, не находя слов для такой дерзости. Затем, немного успокоившись, обратился уже только к Атосу:

– Это было бы очень глупо, мой юный друг. В Уделе беспокойно последнее время. Местные даже засомневались, что там сейчас обитает Сияющий. Сияния нет, мрак клубится по краям, очерчивая круг по лесной границе. Все больше стало сплетен, что Сияющего сменил Поглощающий...

– Поглощающий?! – Я подскочила так, что моя тарелка слетела на землю. – Это же должен был быть Удел Света.

– Был до последних времен. Сами-то мы туда не суемся, ведь понимаете – Удел есть Удел. Но буквально пару недель назад несколько путников проходили это место, и, по их словам, лес захватывает тьма.

– Это сильно меняет дело... – Атос вздохнул. – Господин Форбас, не оставите ли вы нас наедине? Нам предстоит нелегкий разговор.

Толстяк кивнул и побрел прочь, невразумительно бормоча себе под нос что-то про сумасшедшую молодежь.

– Атос, ты прав. Эти новости... они слишком сильно все меняют! Я думала, что там Сияющий, да и тот – спит. А там может оказаться совсем даже неспящий и недружелюбный Поглощающий. Это путешествие... Войя подери... – У меня засосало под ложечкой, но я надеялась, что мои слова прозвучат достаточно правдоподобно. – Наверное, наше путешествие окончено.

Атос провел ладонью по столу, сменяя крошки. А затем взглянул на меня из-под своей лохматой челки:

– А куда делась та Лис, которая очертя голову кидалась то на демонов, то на разъяренную толпу горожан? Неужели Поглощающие пугают тебя так сильно?

Я промолчала, не зная, как объяснить Атосу свои мысли. Но, кажется, в молчании мой проницательный друг прочел больше, чем следовало.

– Да нет, Лис на месте. И она пойдет к башне, потому что она шла к ней все последние годы. Но эта маленькая девочка вдруг решила, что магия может быть опасна для ее друга, и надумала отправить его подальше. Например, сказать, что путешествие окончено. Что он может возвращаться в свой легион. А сама она тихо пойдет в Удел, чтобы понять, была ли сказка ее детства правдой.

Атос, конечно, был прав, но не разглядел главного. Я привыкла к Атосу настолько, что становилось страшно. Я нуждалась в моем учителе даже сильнее, чем в башне. Что нас ждало, когда мы посетим Лисий чертог? Он вернется в легион, а я не смогу переступить через свою ненависть к Алайле и останусь позади. Может, стоит разорвать нашу дружбу сейчас. Вдруг это позволит избежать боли? Но Атос отнял у меня даже эту возможность.

– Лис, я взрослый мужчина и не нуждаюсь в защите. Я шел к этой башне, зная, что это не самое безопасное приключение в моей жизни. Но самое главное – я обещал пройти с тобой путь до самого конца. Пусть там Поглощающий, да хоть десяток. Мне не страшно. И не оскорбляй меня своим страхом.

– Ты ведь понимаешь, что там может быть магия? Это не то, с чем мы сталкивались раньше. Поглощающий даже не демон. Он сильнее, страшнее. – Отговорить Атоса было невозможно, но я цеплялась за призрачные шансы. Мне казалось, что, если мы пойдем в башню вместе, это что-то изменит в нас навсегда. Но что именно?

– Магия не всесильна. Нам есть, что противопоставить ей.

– У меня есть амулет... – вспомнила я и, развязав тесемки сумки, вынула на свет переплетенные руки Далии. Синию и белую. На ржавой цепочке кулон выглядел дешевкой. Но Атос не засмеялся, а бережно взял его у меня.

– Неплохая вещь. – Он пристально рассмотрел амулет на свету в своей ладони. – Штучная работа, наверное. Но у меня есть другие амулеты, на которые я полагаюсь всю свою жизнь.

Я никогда не видела у Атоса ни клыков на шнурках, ни кроличьих лапок на счастье. Поэтому удивленно протянула:

– Какие амулеты?

– Мой меч. Мой талант бойца. Мой ум. Мой язык. Я всегда полагался лишь на них и, как видишь, остался жив. – Атос нежно вложил амулет в мою ладонь. – Сохрани его, если веришь, что он тебе принесет удачу. Я сам кую свое счастье.

Мы замолчали. Путь был предрешен – и впереди нас ждала тьма, как и обещала Мама-Ока.

* * *

Когда вступаешь из обычного мира в Удел, происходит что-то

странное. Словно ты проходишь какой-то шов на реальности... Фил говорил, что не чувствуешь особой разницы, когда попадаешь в Удел. Но для меня она была очевидна. Воздух исчез, и на мгновение мне стало нечем дышать, в глазах потемнело, но в следующую секунду я обнаружила, что дышу и ясно вижу дорогу перед собой. Вход на землю тьмы, как нырок в глубокий омут, оставлял ощущение изолированности от остального, реального мира.

Мы шли по лесу, когда перешагнули невидимый круг, оцепивший Лисий чертог. Атос передернул плечами: видимо, и для него погружение в омут магии не прошло даром.

– Будь наготове, – наставлял он меня. – Мы не будем нарываться на драку. Если маг внутри и он спит, чудесно. Если он не спит, мы попытаемся уйти. И только если он будет настроен враждебно – примем бой. Мы на его земле – и у него в руках все козыри. Об этом стоит помнить.

Лес вокруг был тихим и по-зимнему мрачным. Многие деревья уже облетели, и сухая хрустящая листва шуршала под каждым нашим шагом. Вскоре вокруг появились они. Не пуганые человеком властительницы этих краев – лисы. Звери бесшумно стекались в одном направлении. Они не обращали внимания на меня и Атоса и скользили между корней деревьев. Их движения были плавными, и на миг мне показалось, что это мои лисы, выгравированные на броне, сорвались с металла на землю и побежали сквозь лес. Нащупав пальцами узоры на груди, я успокоилась. Мои лисы были со мной.

Впереди, словно луч солнца, засверкал просвет. Еще через пару шагов стало ясно, что такое сияние, чистое и мощное, не может испускать ни один предмет, созданный природой. Башню стало видно и над деревьями – ее прозрачная крыша, как и говорилось в легенде, блестела под холодными солнечными лучами. Все лисы, что сопровождали нас, шли именно к ней. Башня в самом сердце Лисьего чертога стояла не тронутая временем и все так же пленяла этих животных.

Мы подошли вплотную. На первом этаже когда-то была комната, как и говорилось в легенде, но многие годы назад она была заложена грубым камнем, серым, в отличие от белых блоков башни. Между плитами росли мох и цветы. Путь лежал только наверх.

– Чувствуешь что-нибудь? – Я тревожно потерла зеленые бусины на броне.

– Нет, и это волнует меня. – Атос переступил с ноги на ногу, как неуверенный ребенок. – Должен был бы. Почувствовал шов в пространстве – но только его. Мне кажется, здесь нет ни Поглощающих, ни Сияющих.

Просто старая невыветрившаяся магия.

– Ты только взгляни на мостки.

Башня и вправду была невысока, но попасть в комнату под хрустальной крышей можно было только идя по спирали из деревянных настилов, опоясывающих строение. Они выглядели такими хрупкими, словно из бумаги, и старыми как мир.

– Я пойду первой, – сказала я. – Ты весишь, наверное, тонну. Я не хочу, чтобы ты шел передо мной и сломал мостки. Сам свалишься и меня за собой утянешь.

– Я не толстый, я мускулистый, – мрачно заметил мой учитель. Впрочем, он не стал мне мешать, и я начала подъем.

Звери остались внизу. Они зевали, тявкали друг на друга, сидели, задрав голову, – словом вели себя, как и положено диким лисам. Никакой магии. Но, пройдя пару ступеней, я поняла, что лис слишком много даже для дикого края, где страх войти в Удел отпугивает охотников. Они были у основания башни, и среди деревьев, и чуть дальше.

Ступени не провалились ни подо мной, ни под Атосом, который предусмотрительно шел у стены, держась рукой за белый камень. Мостки скрипели и шатались, но выдерживали. И мы поднимались все выше и выше.

Сейчас это не казалось мне сказкой. Когда мечта исполняется, ты как-то забываешь о прекрасном чувстве предвкушения. В голову настойчиво лезут повседневные скучные и даже нелепые мысли: «А не купить ли мне в Элее пару новых рубашек? А чем мы будем ужинать, ведь у нас закончились припасы ока? Какая дурацкая лиса сидит справа – у нее вид, как у старого дядюшки, заснувшего на сходке родственников». Я пришла к башне своей мечты, но не была особо воодушевлена. Более того, я уже даже не была испугана.

Дверь в верхнюю комнату висела на одной петле. Я вошла, тихо отворив ее, в королевство пыли и запах тлена. Под ногами то тут, то там похрустывали косточки мелких животных – возможно, тех же лис.

Залетевший с нами ветер поднял пыль с пола. Комната совсем не была похожа на ту, из старой сказки. Да, конечно, света благодаря крыше было много, но все остальное выглядело иначе. Никаких ларцов не было, а книги и колбы были разбросаны по полу, словно мусор. От прикосновения носков моих сапог кости, страницы и осколки стекла разлетались в пыль. Это было унылое место, не похожее на мечту. Скорее мусорная куча, где мечта может покоиться. Атос вошел следом, и я прямо кожей почувствовала силу его разочарования.

Посреди комнаты находилось каменное ложе, но и оно выглядело заброшенным.

– Здесь кто-то был не так давно, – проговорил Атос. А затем удивленно воскликнул: – Смотри!

Его рука метнулась над моей головой и указала в угол слева от ложа. Там на небольшом постаменте стоял единственный ларец в комнате. Его крышка была открыта. Я вскрикнула и кинулась к ларцу. Трясущимися пальцами я обхватила резные боковинки и заглянула в ларец. Пусто.

– Так глупо, – зло сказала я.

– Очень глупо, – подтвердил голос из темного угла. Не живой, а мертвенный скрипящий голос ожившего камня или дерева. – Глупо, что вы пришли.

* * *

Я старательно вглядывалась в темный угол, но не видела ничего. Зато Атос, стоявший рядом, вдруг замерцал. Через одежду и броню просвечивали узоры духов: хотя и стертая в переходах глина, почти смытые замысловатые завитушки – все это слабо светилось, но, похоже, сам Атос сейчас этого не видел.

– Кто здесь? Покажи себя.

Тьма стала чуть гуще, и в углу сформировался силуэт. Сказать кто это – женщина или мужчина, или назвать примерный возраст было невозможно.

– Ваши чары вам не помогут, – проскрежетал голос. – Вы оба здесь умрете.

По полу что-то противно заскребло, и я поняла, что тень в углу держит в руке длинное копьё и чертит им на полу круг, видимо, стараясь испугать нас мерзким звуком.

– Ты не хозяин башни, – сказала я, сама удивившись внезапно открывшейся правде. – Зачем Поглощающему или Сияющему оружие? Они всемогущие маги. Ты здесь такой же гость, как и мы.

– Верно. – Тень не стала спорить. Голос все больше напоминал кусок ржавой жести, царапающей стекло. – Я пришел сюда, привлеченный силой этого места. Я хотел сразиться с Сияющим. Я их уже убивал. Много. – В голосе прозвучала жадность и похоть, да такая, что по коже прошелся холодок. – А вместо этого я нашел тут пустую башню, пустой ларец и двух глупцов. Придется удовлетвориться вашей кровью.

Атос не стал дожидаться конца речи и с силой ударил мечом в скопление тьмы. Однако лезвие прошило воздух, зато копьё описало круг над головой моего друга, тот едва успел откинуть ее назад. На части копья было тонкое лезвие – обоюдоострое оружие – опасная торора.

Тень тихо и противно рассмеялась:

– Меня нельзя убить. Я безлик, я – тень, у меня нет имени. Что-то крутилось у меня на языке. Словно разум пытался подсказать ответ. Я следила за бесплодными попытками Атоса достать врага и свечением узора духов на его теле. Пока тень лишь играла с ним, смеясь над неудачами, но как скоро ей это надоест? Я ничего не могла сделать – ввяжись я, толку не будет, ведь комната была мала даже для Атоса.

«Разматывай клубок», – неожиданно прошептал внутренний голос. И еще раз более настойчиво: «Ну же! Вернись к началу». Что я могла сделать?! В начале я была одна и бежала. В начале я нашла легион. Я стала Лисом. Я была потеряна. В начале был костер. В начале была сказка...

Одна, вторая, третья. Все всегда крутилось вокруг сказок. Торора. Человек, который слишком много терял. Месть. Кровавые страхи. Имена! Имена, которые всегда так много значат, по словам Извель. Нареки врага, и он станет смертным.

– Я знаю твоё имя.

Пика замерла в воздухе.

– Нет.

– Знаю. – Мое дыхание успокоилось. Все оказалось вполне простым и логичным. И это хранилось в моей памяти именно для сегодняшнего дня. – Кто-то звал тебя Дьявольским воином, кто-то – Проклятым копейщиком. Но эти имена только подпитывали тебя и твоё эго. Есть поговорка: «Нареки врага, и он станет смертным». Твоё имя Сэм. Мстительный Сэм.

По комнате разнесся вой ярости, но тень не двигалась. Внутри нее забило что-то живое, словно из тьмы вдруг было соткано сердце, которое учащенно забило.

– Сэм такое простое имя, правда? Для паренька из деревни, из дома с камышовой крышей.

– Ты ничего не знаешь! – Тень вопила, но обретала тело. Я уже видела, как тьма спряла руки и ноги. Тело было заковано в черную броню, каждый кусочек тени вставал на место и создавал силуэт. Оно становилось плотным, а значит – смертным.

– Сэм был хорошим парнем, но однажды он задался целью отомстить одному человеку. Он погубил себя...

– Нет!

- Свою сестру...
- Замолчи!
- Своего ребенка...

Теперь тени уже не было. Черный копейщик с торорой трясся от ярости: он был вполне осязаем. Я распутала клубок сказок и вернулась к началу.

– Ты боишься смерти, Сэм. Но пришло ее время. И там ты встретишь их всех. И это станет твоей карой.

С ревом оттолкнув Атоса, копейщик бросился на меня.

* * *

Мне показалось, что копейщик собирается ударить меня торорой, и я встала в защитную стойку. Но я ошиблась. Черный демон из сказок с разбега врезался в меня, швырнув на одну из стен. Удар был мощный, и я сильно стукнулась незащищенной головой. Сверху с полок на меня упала пара книг – так сильно тряхнуло стену.

В голове раздался противный хруст. Атос между тем начал нападать на демонического копейщика. У него теперь было тело, но бой, кажется, не стал проще. Я следила за битвой – держался наш соперник достойно, я впервые видела, чтобы атаки моего учителя так успешно отклоняли. Атос сиял своими узорами, но было неясно, приносят ли они ему хоть какую-то пользу.

Странное чувство охватило меня. Я не могла еще пару мгновений понять, в чем же дело. И только потом увидела себя, сидящую, привалившись к стене. Мои глаза были открыты, словно с удивлением, а голова склонена набок. А сама я не была у стены... я как будто следила за боем сверху, из-под крыши. Смотрела на Атоса, на копейщика, на себя...

«Он сломал мне шею, – пронеслось в мозгу. – Я вижу свое тело, я умерла». Но страх длился недолго. Видение о полете под потолком было, видимо, вызвано сильным ударом головы. Вдох и выдох – и я снова сидела на холодном полу, только шея ужасно болела. А хруст, который я приняла за перелом, издала одна из каменных бусин, впаянных в мою броню. Мельком бросив на нее взгляд, я увидела, что он треснула и потеряла свой насыщенный зеленый цвет. Впрочем, у меня не было времени осматривать себя: бой продолжался, и Атос проигрывал.

Я поднялась на ноги и попыталась сунуться между крайнийцем и копейщиком, но только помешала Атосу. Оказавшись на противоположной

стороне комнаты, я огляделась в поисках того, что могло бы мне помочь. Книги были магические, но какая от них сейчас была польза? Метать в копейщика разбитые колбы было тоже бессмысленно. Моя рука зашарила по броне, я хотела найти хоть что-то, чтобы помочь Атосу. Тепло разлилось по бедру от сумки. Я сунула в нее руку и нащупала старую цепочку. Руки Далии, казалось, легко светились, как и узоры духов.

– Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, – зашептала я. – Пусть это будет немного магией. Пусть это поможет нам.

Размахнувшись, я бросила амулет в черного копейщика. Он со звоном отскочил от шлема демона. Но ничего не произошло. Вернее, почти ничего. Только то, что на звук он дернул головой – совсем чуть-чуть, почти не отрывая глаз от Атоса. Но этого мига моему учителю хватило, чтобы выбить копье из руки копейщика.

В окно стремительно влетел ветер и, как это бывало раньше, подхватил меня. Я метнулась вперед, обнажая меч. Пока демон разворачивался ко мне, я одновременно умудрилась пнуть копье подальше, пригнуться под его рукой, занесенной для удара, и воткнуть свой щербатый меч в сочленения между пластинами его брони.

Похоже, этому дьяволу было мало: его кулак пронесся около моего лица. Я успела отвести голову, но тот все равно оцарапал мне скулу. Атос сзади своим огромным мечом прошил копейщика насквозь. Но чудовище продолжало жить и сражаться. Рука в черной латной перчатке вцепилась мне в горло.

– Да сдохнешь ты или нет?! – заорала я, всаживая ему кинжал в глаз. Атос сзади наносил удар за ударом и уже просто полыхал своими узорами.

– Я заберу тебя с собой, девочка, – проскрипело создание из бездны. Сквозь глазницы шлема я увидела вместо глаз две полыхающие пропасти бесконечной ярости. Атос уже не бил копейщика мечом, он пытался разжать его пальцы на моей шее.

– Нареки врага, – прохрипела я Атосу. – Твои узоры, узоры духов. Вызови духов. Назови его имя!

– Сэм. – В голосе Атоса я впервые слышала такое отчаянье. – Тебя зовут Сэм, и пусть тебя заберут проклятые духи! Сэм! Сэм!

– Сэм...

Голос, ответивший Атосу, прошелестел так мягко и нежно. Таким голосом баюкают детей перед сном. Однако на копейщика это подействовало странным образом: он завыл, отпустив мое горло. Пока я, хватая ртом воздух, корчилась на полу, а Атос склонился надо мной, в воздухе разнесся запах свежих цветов, несмотря на то, что за окном башни

был осенний лес.

– Сэм, Сэм, Сэм... – Тысячи голосов заполнили комнату. На их фоне отчетливо звучал первый нежный девичий голос, но его словно поддерживала невидимая армия.

Наш демон забился в угол, сжавшись, словно испуганный мальчишка. Он что-то бормотал себе под нос. В комнате никого не было, никаких светящихся силуэтов или призраков в саванах. Просто голоса, самый громкий из которых тихо и нежно произнес:

– Сэм. Мы ждем тебя. Ты задержался здесь.

– Нет! Нет! Нет!

– Сэм. Мы простили тебя. Мы ждем.

Демон поднялся на дрожащих ногах и вышел на середину комнаты, он стоял и смотрел куда-то вверх через хрустальный потолок.

– Правда, я прощен?

Ответа Атос не стал дожидаться. Он единым мощным движением снес голову призраку. Но она не успела долететь даже до пола, обратившись клочком тумана, как и все тело дьявольского копейщика. Узоры духов на теле Атоса тут же померкли, словно их и не было. И может быть, мне только показалось, но тот же самый девичий голос, что звал Сэма, прошептал мне на ухо «Спасибо» – и исчез из этого мира вместе с последними воспоминаниями о проклятом копейщике.

* * *

Я села на каменное ложе, стоявшее посреди комнаты. Внутри была странная пустота, которая заполняла все новые и новые части души. Мое путешествие к башне было бессмысленным: здесь я нашла только пустой старый ларец, заброшенную комнату и призрака из детских страшилок.

На уме все еще были те мгновенья, когда мне показалось, что я вижу себя мертвой. От этого стало еще хуже. Словно из плена на волю из груди вырвался всхлип.

Мое путешествие к башне окончено. Мечта обернулась пылью и тленом. Но самое главное – Атос покинет меня, вернется к своей обычной жизни, где для меня не будет места. А мне, наверное, стоит просто остаться здесь, прилечь и порастить паутиной. Я снова всхлипнула, но затем, не сдержавшись, разревелась.

Я ненавидела свои слезы еще с той памятной битвы с моим Принцем. Для меня они были больше, чем слабостью – это было признание в

собственной беспомощности. Но именно так я себя сейчас и ощущала.

Атос сел рядом и говорил что-то, но я его не слушала. Мне хотелось баюкать свою обиду, свалить ее на эту башню, на ее заброшенность, на то, что ларец оказался пуст.

Внезапно Атос резко развернул меня к себе лицом. От неожиданности я перестала реветь и вгляделась в его лицо: насупленные лохматые брови, полные губы с трещинками от ветра, горящие глаза с дьяволинкой. Он словно собирался мне что-то сказать, но передумал... и поцеловал меня.

Не как целуют младшую сестру или подругу, а как женщину – в чем-то даже грубо. Меня пошатнуло, и он обхватил мои плечи, продолжая прижиматься к моим губам. Я ответила на поцелуй – не могла не ответить, – но все это казалось каким-то фарсом. У меня было ощущение, что я целую родного брата или даже саму себя. Мой Атос, милый дорогой Атос, именно сейчас я поняла, что люблю его. Люблю его совсем иначе, чем обычно молоденькие девушки любят сильных и смелых парней.

Мы целовались под хрустальным сводом, а у меня возникали одна за другой мысли: что он моя семья, мой брат и отец, мой друг и мой поверенный во всем – но никак не возлюбленный. И хотя он никогда бы в этом не сознался, но я была уверена, что он чувствовал то же самое. А этот поцелуй – всего лишь грубая попытка привести меня в чувство.

Я наконец отстранилась, отвернув разгоряченное от слез и поцелуя лицо.

– Дураки вы, мужчины. Неужели и вправду думаете, что есть только один способ утешить девушку?

– Но ведь подействовало же, – нерешительно ответил Атос. – Ты прекратила лить слезы.

– Боюсь даже представить, как бы ты меня утешал, случись со мной истерика.

Мы замолчали, а я положила голову на его плечо. Битва с демоном, пустой ларец, мнимая смерть и этот странный поцелуй – все это лишило меня сил. Хотелось заснуть и проспять несколько дней.

– Лис. – Атос резко поднялся, и я чуть не упала. Первой мыслью было, что он увидел нового врага, но мой друг показывал на стену, где висела старинная карта. – О боги, стоило догадаться.

Я поднялась и, стараясь не встречаться глазами с Атосом, разглядела пожелтевший пергамент. Он выглядел старым и висел на грубой деревянной щепе, вбитой меж камней башни. По краям бумага истончилась и надорвалась. Отдельные ее кусочки заворачивались наподобие деревянной стружки.

– Это карта Королевства, только странная...

– Не странная, а старая. Посмотри, этих северных городов давным-давно нет. Но суть не в этом. – Атос ткнул в три точки на карте. – Посмотри же.

Грубо нарисованные, поблекшие от лет, но все еще сохраняющие белый цвет башни высились на карте. Три белых башни. Одна на северо-востоке, где мы и находились, еще одна на юге, на самой границе с Краем и последняя – на северо-западе.

– Ты же не думаешь...

– Это вполне логично. Три ларца из сказки – три башни. Сильные артефакты лучше хранить по отдельности. Кто сказал, что у нашего лисьего Сияющего был только один дом? Что, если перед смертью он отвез ларцы в разные стороны?

Над каждой из нарисованных башен был нанесен знак. Там, где находились мы, изображение красного глаза следило за окрестностями. Южная башня содержала в себе черное сердце, а на северо-западе над башней парил синий голубь.

– Любовь, Истина и Надежда. Ну, точно мы можем сказать лишь про Любовь на юге. А что было в этом ларце, Истина или Надежда, мы не узнаем. Его открыли до нас.

– Да что это меняет?! – в сердцах воскликнула я, отворачиваясь от карты. – Путешествие окончено. Мы же шли к Лисьему чертогу.

– Когда мы шли сюда, то еще не знали, что башен три. Я много путешествовал по Королевству и не помню подобных башен в указанных точках – от них могли остаться лишь руины... Но что, если ларцы еще целы?

– Неужели ты хочешь продолжить поиски? – Я боялась, что мой голос прозвучал заискивающе, но как же страшно было упустить шанс продолжить путешествие с Атосом.

– Там впереди две башни, Лис. А ты ведь идешь к башне. И пускай там уже не будет Лисьего чертога, а может оказаться Медвежий угол или Барсучья нора, да плевать. Мы сейчас своими глазами видим ларец, в котором когда-то хранилась, возможно, одна из величайших загадок нашего мира. Ты спрашиваешь, хочу ли я продолжить поиски? Да, Войя тебя подери, – нас ничто не остановит!

Его глаза пылали предстоящими приключениями и победами. Он невольно заразил своей радостью и меня, настолько, что я, плакавшая навзрыд пару минут назад, засмеялась. Он тоже засмеялся, и пустое пространство комнаты оживило. Солнечные лучи, пробившиеся сквозь

хмурые тучи, осветили нас, стоявших посреди танца пыли и смеющихся, словно дети.

Мы находились в самом сердце Лисьего чертога под хрустальной крышей волшебной Белой Башни, которую уже покинула магия. Впереди была новая дорога, и, кажется, мы оставались вместе. Я уже не вспоминала глупый поцелуй – Атос был рядом, смеющийся, высокий и надежный, самый лучший на свете. В тот день я думала, что так будет всегда – так должно было быть всегда.

#Бусина пятнадцатая

Деревня Элея встретила нас так, словно мы никуда и не уходили. То есть полным безразличием. Для меня с нашего отправления к башне прошли века. Я много открыла в себе и в Атосе, потеряла одну мечту и обрела новые. Но для этих людей ничего не изменилось, разве что овес немного подорожал. Это удивляло меня каждый раз, когда мы проходили какую-нибудь деревушку, – там жили люди, ничего не значащие для меня, и, более того, я ничего не значила для них. Когда мы расходились, жизнь каждого продолжалась. Это то, что Извель назвала тенью костра, отбрасываемой на камень. В Королевстве было столько людей, чья жизнь текла и продолжит течь, когда меня уже не станет...

В голове снова всплыла сцена из башни. Я сижу, привалившись спиной к стене, голова безвольно склонена набок, глаза широко раскрыты, но в них нет жизни. Хруст треснувшей бусины, который я приняла за треск своих шейных позвонков, ее потухший зеленый огонь. Мне очень хотелось рассказать об этом Атосу.

– Атос, послушай...

– А вот и вы! Вот уж не ждали! – По дороге к нам спешил жизнерадостный хозяин мельницы Алиас Форбас. Он стал еще толще прежнего, или мне так только показалось. – Скажите на милость, сходили к башне и выжили. Вот удалцы!

– Накроешь нам стол в честь этого, господин Форбас? – Атос ухмыльнулся, предвкушая сытный обед. А я разозлилась, что нас прервали, и теперь неизвестно, когда еще представится подходящий случай, чтобы обсудить странное видение в башне.

– Я не только накормлю вас пищей для желудков, мой друг. Но еще и подарю пищу для ума. – Форбас приобхватил нас за плечи и повел к своему дому. – Через день после того как вы ушли, приехал гонец. С виду наемник из легиона.

Брови Атоса поползли вверх, однако он промолчал. Впрочем, Форбас все равно разглядел удивление.

– Ага, я так и думал, что вы тоже легионеры. В общем, этот чужак спрашивал людей, не проходили ли через Элею огромный рыцарь с девочкой в мужской одежде. Ну и, разумеется, все указали пальцем на меня. – Толстяк комично пожал плечами. – Мне тоже было скрывать нечего, сказал, что вы ушли к башне. А парень оставил письмо, на случай если вы

вернетесь. И кто бы мог подумать – вы в самом деле тут!

– Где письмо? – отрывисто спросил Атос.

– В доме, не с собой же мне его носить, – рассмеялся наш гостеприимный хозяин.

Когда мы дошли до ладного каменного дома, Форбас попросил нас подождать снаружи и распорядился служанкам накрывать на стол. Они засновали, выкладывая северные блюда, но аппетит пропал. Атос нервничал, и я его понимала.

У меня самой засосало под ложечкой. Я вспомнила слухи на базарной площади Штольца и то, как я забыла о них. Битва у Переправы Черной гончей... Самая кровавая битва за всю историю войны. Даже если и так, никто из Алой Розы не должен был знать, что Атос ушел на север. Если уж на то пошло, про «девочку в мужской одежде», путешествующую вместе с ним, тоже не было известно. Однако было письмо, и Форбас, вернувшись, протянул белый хрустящий лист Атосу.

Бумага, как я и опасалась, была скреплена печатью нашего легиона. Атос сломал сургуч и начал жадно вчитываться в строки, а я стояла рядом и изнемогала от желания вырвать письмо и разорвать его на тысячу мелких клочков. Я заметила, что, читая текст, Атос побледнел и плотно сжал зубы. Затем ни слова не говоря, он протянул письмо мне.

На листе красивым почерком с вензелями и прочими завитушками была выведена едва ли пара строк:

«Дорогой Атос! Алая Роза разбита. Нас осталось двадцать человек, мы бежали на север и сейчас разбили лагерь в Сиазовой лощине. Слышала, ты тоже тут – отправили гонца искать тебя. Вернись хотя бы попрощаться. Твоя Алайла».

У меня просто зубы закрипели от злости: «дорогой Атос», «твоя Алайла» – стоило бы напомнить этой даме, что она уже замужем. Атос сел на скамью и, опершись руками на стол, обхватил голову руками. Только сейчас я поняла весь ужас произошедшего. Из более чем трех тысяч легионеров осталось двадцать. Ну, допустим, дезертиры есть во всех легионах, но в письме речь шла о том, что Роза была «разбита». Все те ребята, которых я знала, – все они, скорее всего, были мертвы. Даже при лучшем раскладе бывшие легионеры имели незавидную судьбу и мотались по дорогам словно бродяги.

– Это моя вина, – внезапно произнес Атос глухим голосом. – Это потому что я ушел.

– Неправда. У армии остались два отличных генерала. Ты не знал... Не мог знать!

– И все же – знал. Ни Крамер, ни Алайла никогда не водили людей в бой. А главный генерал, лидер легионеров, просто исчез без объяснений. Ясное дело, те потеряли боевой дух, были разбиты и убиты – и во всем этом виноват я.

Бац. Атос от неожиданности чуть не упал со скамьи. В подзатыльник я вложила всю свою силу, и, видимо, перестаравшись, чуть не снесла ему голову.

– Послушай себя! Весь мир не вертится вокруг тебя! Ты думаешь, что без тебя время застывает и никто не может справиться даже с простыми делами? Посмотри вокруг: эти крестьяне прекрасно жили без твоего величественного присутствия и продолжают жить, когда ты уйдешь. Жизнь не прекращается, когда ты покидаешь место.

Атос лишь ошарашено смотрел на меня, потирая затылок, а я распалялась все больше:

– Легионеры – не дети, Атос. Идет война – жестокая гражданская война, на которой гибнут тысячи. И никакая армия не защищена от того, что ее уничтожат. Неудачная местность, превосходящий числом противник, невыигрышная тактика боя – да что угодно. Можешь, конечно, сидеть и дальше жалеть себя, но...

– Но? – Атос впервые смотрел на меня так, словно мои слова показались ему разумными. Более того, он верил мне и готов был следовать моим советам. Я сама загнала себя в яму, из которой было не выбраться. Я не могла сейчас врать ему. Пришлось говорить правду, столь неприятную для меня:

– Но тебе надо вернуться в легион, хотя бы на вечер. Узнать, что произошло, предложить посильную помощь и, дай-то боги, наконец, попрощаться с Алайлой. Потому что ты этого не сделал, и это гнетет тебя весь этот долбанный путь! Ты уехал со мной, чтобы разобраться в себе, решить – стоящий ты генерал или нет. Но теперь возвращаться некуда. Это может быть просто случайностью, а может быть – ответом судьбы, который ты так отчаянно искал. Просто распутай до конца клубок, вернись в легион и прости с ним.

Я замолчала. Порох закончился, осталась угасающая злость на себя и Алайлу, так некстати вылезшую со своим легионом на севере.

Атос сложил руки на груди:

– Мы собирались идти к следующим башням.

– Никуда эти башни не денутся. Но если мы не съездим в Сиазову

лощину, то путешествовать нам придется втроем: я, ты и призрак Алайлы, который до сих пор преследует тебя.

* * *

Мне нравилось наблюдать за сменой времен года, когда мы продвигались на север. Умеренное лето на юге, палящий зной в горах, прохлада и штормовые ветра Штольца и унылая серость пустошей до токана, зима в воздухе перед Лисьим чертогом и его ржавые хрустящие листья – под ногами. Казалось, еще чуть-чуть – и я увижу настоящий снег: смогу взять его в ладони и попробовать на вкус.

Я надеялась, что вновь увижу все сезоны, двигаясь к южной башне, но неожиданные вести из Розы не оставили мне и шанса. Сейчас мы двигались на запад, по лощине Сиаза, названной так в честь какого-то северного князька, скончавшегося тысячи лет назад. Единственное, чем он прославился – это своей любовью составлять монументы из конских черепов. На мой взгляд, весьма спорное увлечение для того, чтобы твоим именем назвали местность.

Все, что можно было сказать о лощине – сплошной туман. Воздух словно клубился и оседал грузными каплями на моей броне. Это был не тот пугающий туман из детских сказок о призраках, нет. Это был тоскливый северный туман, предвещавший сырость, грусть и слякоть.

Меня не покидали мысли об Алайле. У меня были свои причины жаждать с ней встречи. Когда я последний раз видела ее, то пообещала, что, набравшись опыта, убью виновного в смерти Кэрка. Не то чтобы я сомневалась в своих силах теперь, нет. За время путешествия я стала сильнее, быстрее и проворнее. Чего я боялась, так это встретить не «Алайлу, злую госпожу ключа», а разбитую и усталую молодую женщину. Генерала в глубоком отчаянии от потери своего войска. Я не была уверена, что мне хватит смелости вызвать на битву столь слабого врага, это было бы недостойно.

К тому же я никогда не забывала, как много Алайла значит для Атоса. По дороге сюда мы преимущественно молчали, но иногда я кидала на него взгляд, и то, что я видела, меня расстраивало. Он все еще корил себя за гибель легиона, но под сомкнутыми губами и сведенными бровями его лицо иногда озарялось надеждой. Я могла сколько угодно убеждать себя, что Алайла осталась в прошлом, но для него она всегда была и настоящим, и будущим. И грядущая встреча не столько пугала, сколько волновала его.

Тень Алайлы, освещенной костром, на века отпечаталась на камне души Атоса. И я не могла стереть эту гарь одним движением руки.

Мы проезжали вербовую рощицу, где маленькие мокрые птицы перекликались под дождем, когда я заметила лагерь. Он походил на городок беженцев или пристанище нищих. Я не поверила глазам, когда увидела мокрую тряпку, висящую над самым большим шатром, – штандарт Алой Розы.

Костры трещали и дымили – поленья были насквозь сырыми и вряд ли давали хоть сколько-нибудь тепла. Люди, грязные и оборванные, жались к огню, хотя особенного холода не было. Возможно, от огня они просто чувствовали себя менее потерянными и одинокими в этой глуши.

Нас заметили еще издали. Среди верб к нам бежала она. Но боги, что с ней стало! Алайла, первая красавица всего юга: знатная, прекрасная и гордая – сейчас более всего походила на скелет. Запавшие глаза в огромных темных кругах, выступившие скулы и поблекшие волосы, костлявая рука так жалобно потянувшаяся из длинного рукава к Атосу. Я поняла, что проиграла полностью и безоговорочно. В этом состоянии он ее никогда не бросит – ни ради башен, ни ради меня. Это был конец.

– Атос! Лис! О боги, боги! – Она смеялась и плакала одновременно, пока Атос не заключил ее в свои объятия. – Вы дошли! А я уж и не верила, что мы найдем вас. Это такая радость.

Я почти готова была поверить ей, но тихий голос шептал, что слишком уж бегает у нее глаза, слишком заученной звучит эта речь. Это была чистой воды паранойя, но я привыкла доверять ей больше, чем глазам.

Атос нежно обхватил Алайлу за плечи и легонько встряхнул.

– Что случилось? Как вы потеряли легион? Алайла, что произошло?

Она лишь усмехнулась и, опустив голову, произнесла:

– Атос, случилось слишком многое. Была битва у Переправы, просто кровавая рубка – мы были одни среди врагов. Когда мы выбрались оттуда, нас догнали Лилии и Черета. Нас гнали и гнали, пока наше отступление не превратилось в беспорядочный бег: дезертирство, голод и бесконечные смерти. – Она всхлипнула и уткнулась лицом в плечо Атоса. – Нас выжили с юга и уничтожили.

– Вас в самом деле осталось только двадцать? – Атос только что разглядел лагерь и был ошарашен.

– Двадцать четыре, если быть точной. Строгосс разорвал контракт, и теперь мы просто никому не нужны бродяги.

– Где Крамер? – Это был первый вопрос, который я задала Алайле. Мне вообще хотелось не разговаривать, а испариться отсюда прямо сейчас.

Но напомнить нашей леди-генералу о ее муже я посчитала верным шагом.

– Он ушел в деревню на севере за продовольствием. Когда он вернется... все начнется.

– Что начнется?

– Празднование, конечно. К нам вернулся наш третий генерал и его смышленная ученица. Это будет великий праздник! Лучший, что видели эти места.

Мы направились к лагерю, а меня внезапно пронял озноб. Что-то происходило, как тогда в истории с ключом и Кэрком. Но, как и тогда, я была не властна над событиями, более того, я даже не могла понять, что меня тревожит.

* * *

Пока Алайла увлеченно рассказывала Атосу что-то о переходах, провианте и прочих непонятных для меня вещах, я огляделась. Вокруг были лишь хмурые незнакомые лица. Солдаты зябли в тумане и искоса смотрели на девочку в блестящей броне. Как я ни старалась, не могла разглядеть знакомых легионеров. Двадцать четыре человека, подумать только...

Внезапно мой взгляд остановился на юноше, который сидел, прислонившись спиной к вербе, и смотрел перед собой невидящим взглядом. Что-то в нем было неуловимо знакомое. Я до боли прикусила губу, когда догадалась, кто именно сидел в паре шагов от меня.

Бывает, что скитания и нужда заставляют подростков взрослеть раньше времени. Но я впервые увидела, как горе может состарить ребенка. Вместо Тэддо-щенка, любимого всеми конюшего из отряда Кэрка, посреди туманного лагеря сидел старик с детским лицом. Вокруг глаз разбежались морщины, которые просто не могут появиться в пятнадцать-шестнадцать лет. Руки, сложенные на коленях, слегка подрагивали, словно в старческой трясучке. Лицо было серого цвета и пугало безразличием. В том старике, что сидел под вербой, я не могла узнать моего Тэддо.

Люди часто ищут определение смелости. Для меня в тот день смелостью стало подойти к Тэддо и осторожно коснуться его плеча.

– Привет, малыш. Давно не виделись.

Он медленно поднял голову и взглянул пустыми, как у мертвеца глазами. Казалось, он просто не узнает меня. Затем он все-таки ответил глухим и безжизненным голосом:

– Привет, Лис. Давно не виделись.

Он не был удивлен нашей встрече. Или не вполне осознавал, в каком времени или пространстве находится.

– Ты плохо выглядишь, Тэддо. – Я переложила ладонь с его плеча на голову. Этот жест я переняла у Атоса.

Внезапно он заговорил довольно быстро, но почему-то не глядя на меня:

– Перед уходом ты рассказывала сказку, что-то о лисах. Мы тогда поминали Кэрка. Вокруг костра собрались солдат пятьдесят. Помнишь свою просьбу? Во что бы то ни стало хранить костер Кэрка, рассказывать истории, продолжать традицию. Я тогда подумал, что вокруг так много добрых друзей капитана, что его костер будет жить, несмотря ни на что. И знаешь, как вышло?

– Как?

– Из пятидесяти ребят, кто сидел там, выжил только я. А у меня нет ни сил, ни желания разводить костер. – Он невесело, почти истерично засмеялся. – Пятьдесят отличных ребят – и все гниют где-то в реках, болотах и на равнинах вдоль всего тракта. Представляешь?

– Я слышала об этом, Тэддо. Вы оказались зажаты между врагами у Переправы Черной гончей.

Он посмотрел на меня, как мне показалось, более осмысленным взглядом, недоверчиво, словно пытаюсь понять, шучу ли я.

– Это тебе наша ведьма сказала?

Фраза была брошена столь метко и столь зло, что я на мгновение застыла. Услышать подобное от Тэддо было невозможно. Маленький и ласковый, он всегда восхищался всеми генералами. Да и не говорил он никогда столь грубых слов, даже о самых злых своих врагах. Сейчас передо мной сидел совсем другой человек.

Этот знакомый незнакомец устало потер лоб.

– Не было бы никакой Переправы, ни для Лилий, ни для Череды, ни для нас. Это мы спровоцировали бой – и именно мы потеряли в нем все.

– Крамер великолепный стратег... – начала я, но конюший прервал меня резким жестом.

– Великолепный. Он умеет разыгрывать разные партии матицца с живыми людьми вместо фигурок. У Переправы у нас были все шансы уничтожить или склонить к сотрудничеству вражеские легионы. Наши отряды стояли на самых выгодных позициях. Да Войя подери, мы могли просто не вступать в бой, а отступить.

– Ты хочешь сказать, что Крамер намеренно втянул вас в битву и

специально принимал решения, которые вредили легиону? – тихо спросила я.

Тэддо вжал голову в плечи, словно стараясь забыть о своих собственных кошмарах.

– Лис, три дня и три ночи на равнинах Крамер и Алайла выкашивали легион, словно жнецы с косой. Приказы забрасывали лучников без поддержки против вооруженных щитами копейщиков, а снабженцы оказывались без какой-либо помощи перед конницей. На второй день я уже не понимал, на чьей стороне мы воюем. В середине боя Роза разорвала контракт со Строгоссом и вроде как присоединилась к Лилиям леди Крианны. Но внезапно посреди союза, когда наши силы почти были слиты, пришел приказ отступать. Нам в спину летели стрелы, и я видел, как один за другим падают мои друзья.

Мне казалось, что у Переправы мы потеряли десятки, потом сотни. Когда я очнулся в бешеной гонке на север, нас было меньше трехсот человек. Больше двух с половиной тысяч людей остались на полях той битвы. И я уверен, что их духи до сих пор не могут понять, что же произошло.

Когда мы начали отступать на север, Алайла кормила нас сказками о том, что там нас ждет новое задание – прочные крепости и приток новобранцев. Но даже это не могло удержать легионеров от дезертирства. Люди побежали из Розы, и кому-то это даже удалось...

Я пыталась переварить услышанное. Я просто не могла поверить и одновременно понимала, что только сейчас слышу правдивую версию событий.

– Что значит «удалось», Тэд? Легион не каторга, ты разрываешь контракт и уходишь.

Он внимательно посмотрел на меня, буравя своими старческими глазами:

– Лис, если вас будут угощать мясом – не ешь. Лошади и собаки у нас закончились еще в прошлом месяце. А вот мясо не закончилось. Ведь всегда кто-то пытается сбежать...

К горлу подступила тошнота.

– Этого не может быть.

– Просто не ешь мяса, – он равнодушно отвернулся. – Я уже неделю не ем ничего, с тех пор как нашел ноготь в супе.

Желудок болезненно сжался, на миг мне показалось, что меня вырвет, но отсутствие завтрака спасло меня. Позыв сменился головокружением.

– Как могло произойти то, о чем ты говоришь? Почему вы шли за

ними, почему никто не остановил их? Их двое, а вас было... было много.

– А кто мог бы? – вдруг озлобленно заговорил Тэддо. Он схватил меня за плечо и прошипел прямо в лицо. – Единственный, кто мог все предотвратить, ушел вместе с тобой гулять по свету. Вы бросили легион, а его правители сошли с ума. Мы простые солдаты, и мы до последнего верили Алайле.

Это было не время и не место, но слова вырвались прежде, чем я успела пожалеть о них:

– Я предупреждала, Тэддо. Я говорила о том, что сделала Алайла, да ты и сам видел одержимого Кэрка. Сильвелл, например, услышал мои слова, и он ушел из Розы.

Он расцепил пальцы и посмотрел на меня с таким презрением, что мне стало почти физически больно, как от пощечины:

– Ты думаешь, твои слова что-то изменят для меня сейчас? Они смогут отменить смерть трех тысяч? Смерть моих друзей? Они сделают меня снова человеком? Все кончено. – Он устало махнул рукой. – Она сказала, что сегодня все закончится, и я надеюсь, что смерть будет быстрой.

Я встала. Как когда-то девочка, изнасилованная в замке, умерла и возродилась в более сильного человека, так и сейчас я поняла, что маленький Тэддо умер где-то на юге. Но у него не хватило сил возродиться, сейчас лишь его физическая оболочка ждала смерти, так как жить дальше она уже не могла.

– Я решу вопрос с Алайлой. И ты – если захочешь – можешь уйти со мной.

– Чтобы ты бросила меня так же, как вы с Атосом бросили легион? Нет, спасибо.

Я пожала плечами. Вся жалость к Алайле, исхудавшей и несчастной, исчезла в один миг. Сейчас меня более всего мучил вопрос: зачем?! Зачем было уничтожать свое детище – свой легион? К чему были все эти смерти и страдания? Я намеревалась услышать ответ и... убить эту женщину. Раньше для этого мне было достаточно одной смерти Кэрка, но теперь за его спиной выстроились бесчисленные мертвые легионеры.

Атос уже был один, без Алайлы. Он что-то рассматривал у дальнего конца лагеря. Синий генеральский шатер, вылинявший и истертый, манил меня как магнит. Я решила не откладывать встречу и вошла внутрь. На меня пахло сладковатым запахом разложения и гнили, словно я открыла дверь в могильник с трупами. Посреди шатра, спиной ко мне, в неярком свете свечей стояла Алайла. Не оборачиваясь, она произнесла:

– А я-то думала, когда же маленькая крыса прибежит ко мне

вынюхивать все? Ты не торопилась.

Женщина-скелет развернулась, и я увидела, что у нее на груди, в распахнутом вороте грязной рубашки, мелькнула цепочка, а на ней ключ с ломаной спиралью. Такой же пугающий и отвратительный, как и в первый день, когда я его увидела.

* * *

Алайла потянула за цепочку и стала поигрывать ей, пропуская и наматывая звенья на свои тонкие пальцы, больше похожие на кости, обтянутые кожей.

– Итак, ты все знаешь. Интересно откуда. Дай я воспользуюсь своей магией. – Она шутливо приложила пальцы к вискам. – О, да, тебе все рассказал малыш Тэддо.

– Ты просто видела нас разговаривающими.

Я смотрела на нее, как на диковинное существо. Мы вроде были одной породы – люди, которые ходят и говорят, смеются и плачут, болеют и умирают. Но в Алайле более не было ничего человеческого. Ее горящий взгляд, гнилостный запах – весь облик – говорили лишь о том, что леди-генерал родня монстрам и чудовищам, а не мне.

– Верно, видела. Так зачем ты пришла? Узнать, почему я все это творила?

– Я пришла тебя убить... – Я колебалась. – Но было бы весьма любезно, если бы ты рассказала, зачем это все?

Она хрипло рассмеялась.

– Убить меня... Столько самонадеянности в такой маленькой дешевке.

– Почему ключ не сводит тебя с ума? – Я следила за ее пальцами, как за змеями, с отвращением и настороженностью. Мне казалось, что она могла метнуть в меня проклятую вещь.

– Потому что я сильнее тебя. Сильнее Кэрка. Сильнее сотен других, кто надевал его после вас. Люди шли на бой, сталкивались со своей темной бездной, убивали и умирали. На нашей кровавой Переправе многие успели вкушать своих кошмаров. Люди уходили, а *он всегда возвращался ко мне*. – Она погладила ключ, словно тот был зверушкой, прикорнувшей у нее на груди. Под цепочкой четко обозначились кости ключиц.

– Но он высосал тебя. Как давно ты смотрелась в зеркало, Алайла?

– Все требует жертв, – ответила она с неохотой. – Муж любит меня и такой. Правда... сам надевать его он не рискует... Слабак.

– Зачем ты убила легион? – Мне показалось, что вопрос стоит задать именно так. Легион был живым существом, состоящим из людей, но убила она их не каждого в отдельности, она уничтожила легион как единое целое.

– Все просто. *Ему нужна была пища*. А накормить его могут только смерти и души. Он прожорливый, да. – Сказала она и снова погладила ключ.

Меня проняла дрожь. Это было похоже на разговор с безумцем. Однако Алайла не врала – я ведь тоже держала этот дьявольский ключ в руках и чувствовала его жажду убийств.

– Он сыт. И что теперь? Это того стоило? Ты потеряла легион и свое положение, что выше этого?

– Абсолютная власть, – просто ответила она.

– С помощью ключа? Что же он делает, насытившись?

– А что делают ключи, дурочка? Открывают двери.

Она промолчала, но потом заговорила, вспоминая что-то из далекого прошлого.

– Крестьянке вроде тебя не понять, что жизнь в свете не простая штука. Ты подчиняешься тысяче условностей и никогда не чувствуешь себя абсолютно свободным. У всех есть власть над тобой: родителей, взрослых, учителей. Но когда ты вырастешь, ты постепенно скидываешь с себя оковы – вот уже и родители тебе не указ, а учитель в слезах молит не рассказывать, что он трогал тебя за грудь.

Но ты никогда не поднимешься вверх настолько, чтобы стать господином самому себе. Всегда останутся чопорные князья, двор, король. И как бы ты ни тянулся к свободе, ты всегда ограничен земными глупыми законами.

И вот среди черноты ты видишь их – тех, кто никому не подвластен. У них есть абсолютная сила и власть. Их мощь так велика, что о них столетиями слагают легенды. И они не должны кланяться всякому отребью, считающему, что титул дарует истинную силу.

– Поглощающие, – прошептала я, не веря своим ушам. – Ты думаешь, что ключ сделает тебя Поглощающей?

Она словно не слышала меня.

– Эта сила многое изменит. С ней в этой стране, да и в любой другой, я буду выше общества, королей и закона. Я сама стану законом.

– Идиотка. Оглянись вокруг! Где ты видела хоть одного Поглощающего, который был бы жаден до власти? Все они сидят в своих Уделах, и им нет дела до людей.

– Возможно, они просто вошли не в ту дверь. – Она указала на меня

ключом. Я лишь покачала головой.

– Зачем тебе Атос? Неужели ты не могла просто оставить его в покое?

– Мне хотелось красиво завершить эту партию матицца, – задумчиво произнесла она. – Я надену ключ ему на шею, и кто знает: может быть, он прирежет тебя. Это был бы вкусный ужин для моего друга.

– Ты всерьез думаешь, что я тебе это позволю?

– А что тебе останется? Что бы ты ему сейчас ни сказала – он не поверит. Можешь повторить ему наш разговор слово в слово.

– Почему не поверит. Это магия?

– Да. Самая старая и сильная магия на свете. – На миг мне показалось, что я вижу настоящую Алайлу – усталую и несчастную, ту, что прячется за своими амбициями. Но пламя свечей вновь надело на нее дьявольскую маску убийцы. – Это магия любви, Лис. Бедный мальчик любит меня так сильно, что простил мне брак, разбивший его сердце.

– Он верит мне! – в отчаянии выкрикнула я.

– Но не настолько, чтобы за пару часов разглядеть во мне монстра, – тихо сказала Алайла. – А большего и не надо. Скоро вернется Крамер, и все начнется.

Я достала меч из ножен. Другого выхода не было. Мне надо было убить Алайлу здесь и сейчас. Я не могла представить, как объясню это убийство Атосу. Но я не могла допустить, чтобы этой ведьме все сошло с рук.

Алайла улыбнулась и выпустила ключ из пальцев, взявшись за эфес своей сабли, висевшей на боку. Вокруг нее заплясали черные языки пламени. Бой начался.

* * *

Мы вылетели из шатра, словно пара сцепившихся кошек. Каким бы умелым бойцом я сама себе ни казалась, к ярости Алайлы я была не готова.

Одержимая тем же демоном, что и Кэрк, Алайла удесятирила свои силы, и казалось невозможным, что вся эта мощь кроется в ее хрупком, похожем на скелет теле. Но самое главное таилось в том, что Кэрк, несмотря на одержимость, сохранил часть сознания, которая молила меня о смерти. Алайла же была в сознании полностью. И оно само жаждало убивать, не меньше чем ключ.

Ее сабля рассекала воздух и пару раз царапнула меня по броне. Вокруг мелькали удивленно-сонные лица, но никто не пытался нас остановить.

Весь лагерь Алой Розы был полон людей-мертвецов, пустых внутри, а Алайла, как королева, правила балом.

Наконец мне удалось парировать ее удар, и я перешла в наступление. Мне льстило, что она удивлена, но это продолжалось недолго. Сделав подсечку, Алайла свалила меня и занесла саблю для удара.

– Жаль, что тебя прикончит не Атос! – прошипела она. – Но так тоже сойдет.

Моя голова вдруг раскололась болью, и мне даже сначала показалось, что леди-генерал уже отрубила мне ее. Но именно эта вспышка, заставившая меня резко мотнуть головой влево, спасла от смертельного удара. Сабля Алайлы, чавкнув грязью, вошла в землю. Я старалась не замечать появившийся треск ткани в ушах, изо всех сил, резко ударила ведьму каблуком сапога по колену. Послышался противный хруст, и Алайла, охнув, осела.

Внезапно поднявшийся ветер вытеснил боль и как всегда подхватил меня на свои крылья. Я была быстрее, я была лучше ее, и, в конце концов, я сражалась за правду. Я резко ударила ее по запястью, пытаюсь выбить саблю, но она крепко держала эфес. Мне пришлось увернуться от другой ее руки, и ударить в болевую точку на плече. Алайла закричала от боли и ярости, и снова замахнулась саблей.

Но теперь со мной был ветер. Все ее движения замедлились и не представляли для меня угрозы. Удар по руке, еще удар – и сабля полетела на землю. Она схватилась за пояс, где был нож, но я с размаху пнула ее ногой по запястью. Я бы соврала, сказав, что не испытывала наслаждения от ее боли. Призрак Кэрка простил бы мне эту слабость.

Она лежала передо мной в грязи, среди наших следов. На лице леди-генерала не читалось ни страха, ни отчаянья. Как давно уже в этом теле не было дворянки рода Ризетти? То, что было под этой оболочкой, состояло из чистой злобы и ненависти. О да, из нее выйдет неплохой Поглощающий. Вернее, вышел бы...

Я занесла меч Кэрка, его щербатый меч с трещиной, над головой Алайлы. Лезвие плавно рассекло воздух и упало, как хищная птица с неба на свою добычу.

Только вместо крови посыпались искры. Путь моему мечу преградил самый большой меч из тех, что я видела. Алайла всхлипывала. А я не могла поднять взгляд, не могла найти в себе силы, чтобы сделать это.

– Нет, Лис. Что бы тобой ни двигало – но нет.

Его спокойный голос, за которым сейчас, вероятно, полыхал пожар ярости. Меня никто не мог остановить, но он просто плевал на правила.

– Уйди, – процедила я сквозь зубы. – Ты не понимаешь...

– Если ты хочешь достать ее, тебе придется сразиться со мной.

Я удивленно подняла взгляд. Атос вовсе не выглядел рассерженным, скорее грустным. Хотя грусть – это не то слово. Разбитым и усталым.

– Да, Лис, тебе придется поднять меч на меня. А я... я смогу только сдерживать тебя. Но не убить, о боги. – Он задумался. – А ты сможешь убить меня, чтобы добраться до Алайлы? Настолько ли сильна твоя жажда мести? Или призрак Белой башни тебя ничему не научил?

У меня опустились руки.

– Атос... послушай...

Он мягко помог подняться Алайле и дал ей опереться на себя. Она смотрела на него влюбленным взглядом, разыгрывая жертву. Но мне это все стало вдруг так безразлично.

– Просто выслушай меня.

– Конечно, – он мягко кивнул. – Но позже.

– Позже нельзя. Приедет Крамер...

Улыбка, незаметная для Атоса, скользнула по губам Алайлы. Мне даже показалось, что они неслышно произнесли «любовь», но, может, это просто подсказало мое взбудораженное воображение.

– Мне плевать на Крамера. Но я выслушаю тебя. И постараюсь поверить тебе. Но сейчас я должен помочь вправить кости Алайле.

Он повел ее, ковыляющую, к шатру. А я смотрела им в спину. Хрупкая девушка, и ее могучий защитник. Так было и раньше, просто я не замечала. Как и сказала Алайла, есть магия сильнее и старше всей прочей – любовь. Он любил ее. Я могла бы отрицать это еще месяцами, начав путешествие с Атосом к двум другим башням, но это ничего бы не изменило.

Вокруг меня расстился туманный лагерь разбитого легиона. Словно розовый сад, полный цветов с перебитыми стеблями. И внезапно я почувствовала на своей щеке дыхание смерти.

#Эпилог

Все сны и предсказания, все мое путешествие вело именно к этим минутам.

Именно минутам, потому что я чувствовала, как время стремительно исчезает, словно песок сквозь пальцы. Я, всегда обгонявшая ветер, сейчас не могла замедлить его бег.

«Смерть догонит тебя в розовом саду и дыхнет тебе в лицо своим смрадом», – сказала мне Мама-Ока, и сейчас я чувствовала смерть как никогда. Острый приступ головной боли, как и во время боя с Алайлой, ввинтился в виски. Я сжала голову руками и застонала.

– Чувствуешь это?

Стараясь пересилить боль, я взглянула на говорившего. Под деревом сидел пожилой мужчина в броне, один из легионеров. Мне он показался смутно знакомым.

– Чувствую головную боль, и только. – Однако приступ начал слабеть, и я даже смогла свободно вздохнуть. Старик с нечесаными волосами, соль с перцем, вздохнул и грязной рукой набил маленькую трубочку. Глаза у него были улыбочивые, но смотрели на меня с грустью.

– Чувствуешь ход времени? Как теряешь его? Как оно бежит, словно песок, в твоей ладони между пальцами?

– Кто вы?

Старик вздохнул:

– Ну что, легионер, догнал ты свою мечту о Белой башне?

И я внезапно вспомнила его – человек из прошлой жизни. Старик, когда-то спросивший меня на Поле Песчаных мышей, почему я отсиживаюсь в снабженцах и есть ли у меня мечта. Это было так странно, что из всех выжил именно он, старый и бессильный.

– Догнала мечту, да.

– И что же случилось с мечтой? – Он так хитро улыбнулся, повторяя свой вопрос полугодовой давности, что я не смогла сдержать ответной улыбки.

– Случилась жизнь.

Мы промолчали, а я повторила, глядя на своего знакомца:

– И все-таки – кто вы?

Старик не ответил и лишь коснулся ладонью своей груди в области сердца. Я внимательно посмотрела на это место: ничего особенного –

кожаный нагрудник да грязная рубаха под ним. Затем медленно перевела взгляд на свою грудь – над сердцем у меня были вплавлены шестнадцать бусин. Пятнадцать зеленых и одна тусклая.

– Они тебя не спасут. – Старик пожевал конец трубки, раскуривая ее, и выпустил облачко дыма. – Через полчаса здесь будет... – он тщательно подбирал слово. – Здесь будет ад.

– И что мне делать? – Я догадывалась, кто находится передо мной. Как и в случае с проклятым копейщиком все вернулось в начало. Все сказки оказались правдой. А исконный владелец зеленых бусин помогал хорошим людям в пути. И если мои догадки были верны, то прислушаться к совету этого старика стоило вдвойне.

– Что делать? То, что ты делаешь всегда, Лис. Принимать решение на бегу. Решать и бежать дальше. Очень быстро бежать.

– Но что я должна выбрать? – Мне хотелось оставаться спокойной, но голос сорвался: – Мне все твердят о выборе: сны, гадалки, ты. Что я должна выбрать?

Старик усмехнулся и не ответил, а лишь кивнул в сторону. Я проследила за его жестом: он указал на Атоса и Алайлу, сидевших около костра. Мой учитель перевязывал этой ведьме колено.

– Но что я могу там выбрать... – Когда я развернулась, мой собеседник исчез. Теперь сомнений в том, что это был не человек, уже не осталось. Сказки продолжали сбываться.

– Выбор, – прошептала я. – Выбор. Собственно, он прост. Остаться здесь и умереть, либо бежать. Но от чего мне придется отказаться?

Сердце болезненно сжалось. Я могла забрать с собой все, что захочу, но кое-что мне придется оставить в лагере.

Я не смогу убедить его или увести силой. У меня не хватит притворства разжалобить его. Это то, что я должна буду тут оставить – *мое сердце и моего Атоса*. Минуты текли, но я обязана была попытаться.

Подойдя к костру, я оценила, какой затравленный вид при моем приближении изобразила Алайла, – я даже не сомневалась, что она уже рассказала свою версию событий.

– На пять минут, Атос. Больше я тебя не задержу. – Я и вправду не могла потратить больше. Во мне росло чувство паники, которое зрело по мере того, как Крамер приближался к лагерю. Атос с неохотой поднялся, но перед уходом так нежно потрепал Алайлу по щеке, что мне захотелось сбежать прямо сейчас. Мы отошли под мокрые вербы, где маленькие птички продолжали щебетать.

– Ты сказал, что попытаешься мне поверить. Если ты не врал – сделай

это сейчас. Как только вернется Крамер, здесь начнется бойня – и скорее всего выживет только Алайла. Если ей повезет, она станет Поглощающей...

Я замолчала, не видела смысла говорить что-либо далее. Все читалось в его взгляде: нежность, жалость, грусть, но ни капли веры. Я сделала свой выбор, хотя он и рвал мне сердце:

– Я должна уехать.

– Ты права. Это единственный выход. – Он на секунду прикрыл глаза ладонями, как будто собирался плакать. Впрочем, это было лишь иллюзией, когда он отнял руки, я увидела, что глаза у него красные и воспаленные, но не от слез. Похоже, он просто устал. – Лис, когда я решил учить тебя после того, как узнал, что ты девушка, мне казалось, что я смогу сделать тебя лучше. Но с каждой тренировкой, с каждым ударом, проклятье, Лис, ты не становилась лучше – ты становилась мной. Сильной, смелой, ловкой – да. Но вместе с тем жестокой, беспощадной, грубой и потерявшей ту нежность, за которую я тебя ценил. Я хотел сделать тебя лучше, но я испортил тебя. В тебе сейчас так мало от той славной девочки в лисьем шлеме. Ты должна снова стать собой, а не пародией на меня. И для этого ты должна уехать.

Минуты утекали, я всем своим существом чувствовала, что смерть стала еще ближе. Но я не могла прервать Атоса. То, что он говорил, сильно ранило, но вместе с болью приходил покой.

– Я бы не хотела вот так прощаться, – наконец глухо произнесла я.

– Лис, я люблю тебя. Но Алайлу я люблю сильнее. – Это признание совсем выбило почву у меня из-под ног. Я знала, о чем он говорит, и знала, какая большая разница между его чувствами ко мне и к ведьме с ключом. Но это признание все равно много для меня значило. Особенно сейчас, когда я убегала и оставляла его здесь – в розовом саду, где должен был начаться ад.

Я порылась в сумке и достала ржавую цепочку.

– О боги. – Он был и вправду удивлен. – Я думал, ты потеряла этот кулон в башне.

Я и вправду долго не могла найти руки Далии, которые так неосмотрительно кинула в проклятого копейщика. Тогда талисман лишь на секунду отвлек его и не проявил своей магической силы, но ничего другого у меня не было.

Я поднялась на цыпочки и надела цепочку через кудлатую голову Атоса на его мощную шею.

– Пусть он хранит тебя, Атос. – Затем я порывисто, по-сестрински, поцеловала его в уголок губ, на мгновение услышав удары его сердца.

Наши ритмы не совпадали, его заполняли пустоту, пока мое сердце молчало, а мое – ударило в тот миг, когда замирало его.

А затем я развернулась и пошла прочь от лагеря. Не оглядываясь и стараясь не сорваться на бег. Я знала: стоит мне оглянуться и увидеть Атоса с опущенной головой, и я не решусь его бросить здесь. С другой стороны, позволить себе бежать я тоже не могла – паника накатывала волнами. Мне казалось, что я слышу шаги Крамера, вижу, как он подходит к лагерю.

Лишь только когда из звуков осталось лишь пение птиц да звук капель, падающих с верб, я побежала. В тот же миг ужас начал заполнять пространство вокруг, и не одна я чувствовала приближение чего-то страшного. Пение птиц превратилось в истеричную перепалку.

Я несколько раз поскользнулась на грязи и упала. Затем бежала еще и еще. Наверное, я не пробежала и пары километров, когда ад разверзся. Словно биение огромного сердца, из лагеря легионеров один за другим три мощных удара накрыли мир вокруг.

Первая волна лишила окружающий мир звуков. Она пролетела над вербами легким порывом затхлого воздуха, и мир погрузился в абсолютную тишину. Я видела, как птицы недоуменно открывают клювы, но у них не выходило ни ноты. Я крикнула, но голос мой поглотила тишина. Мне ничего не оставалось, как продолжать бежать.

Вторая волна была сильнее – словно мощный удар в спину, она опрокинула меня, как бумажную куклу, и протащила пару метров по грязной дороге. Вторая волна убила все цвета вокруг меня. Мир стал серым и тусклым. Я впервые за время бега обернулась. Ноги отказались слушаться, и я просто сидела и смотрела на место рождения этих чудовищных потоков страшных волн.

Третью волну я заметила издали. Как покрывало, сшитое из ничего, она накрывала один за другим деревья, кочки, землю, поглощая все и стирая каждую пылинку. Маленькие птички вокруг меня начали валиться с верб. Еще не касаясь земли, в полете, они умирали. Хотя я и не слышала, мне казалось, что останавливались их маленькие сердечки. Птицы все падали и падали, и вскоре вся земля была усеяна их маленькими тельцами.

Волна была далеко, но с резким треском на груди у меня лопнула зеленая бусина. Одна жизнь. Вторая, третья... Волна приближалась, но я не могла встать. Я смотрела на нее и думала, хватит ли мне жизней-бусин – достаточно ли далеко я убежала и не промешкала ли слишком долго, принимая решение.

Седьмая и восьмая. Что же там стало с Атосом? Смогу ли я когда-нибудь простить себя за это предательство? Девятая, десятая и

одиннадцатая. В самом ли деле это бусины бога дорог Карамина? Да какая сейчас разница. Тринадцатая и четырнадцатая.

Волна была в двух шагах. Я не была готова умирать, но все, что я могла теперь – это встретить ее лицом к лицу. На груди с сухим треском лопнула последняя целая пятнадцатая бусина. В тот же миг меня накрыла черная волна пустоты.

Мира не стало.

#Конец первой части

#Благодарности

Эта книга никогда не появилась бы на свет без моей сестры Александры. Именно она привила мне вкус к хорошей литературе, провела меня в мир фэнтези и была рядом, когда вера в себя иссякала. Она – мой самый преданный поклонник и самый жестокий критик, но без нее эта книга никогда не была бы написана.

Также я благодарна своему мужу Николаю, который держал меня за руку, когда ночью мне пришел положительный ответ от издательства о публикации. И он продолжает держать меня за руку каждый день, всё так же крепко.

Отдельная благодарность моему редактору, чудесной Сатеник, которая определила судьбу книги и выступала самым верным ее рыцарем и защитником.

Еще я хочу поблагодарить двух первых читателей моей книги – Юлию и Ксению, которые подарили мне уверенность, что игра стоит свеч.

Всем интернет-читателям, которые были рядом: хвалили, журили, ругали и поддерживали, – спасибо за ваше время. Это самый бесценный дар, который могут подарить читатели автору.

Ли Виксен,

Ижевск, 2015

#Об авторе

Я начала писать книгу о Лис, подойдя вплотную к своему двадцатипятилетию. Я была однозначно стара для фэнтези и видеоигр – ведь если там и случаются приключения, то в основном с совсем юными персонажами. А что могу понять об этом взрыве эмоций я, в свои-то двадцать пять лет? Чего я достигла?

Я, как и все, окончила среднюю школу. Отучилась в вузе на PR-специалиста и, осознав, что особой тяги к выступлениям и работе пресс-секретаря у меня нет, ушла в журналистику. Поработала и репортером, и копирайтером, и редактором. Играла с текстами, словно хирург, пытаюсь препарировать их. Но так ни разу и не попыталась вдохнуть в них жизнь. Можно отшлифовать стиль до зеркального блеска, но это будет все тот же бездушный набор букв. А для живого дышащего текста важна идея. И она появилась.

Сколько фильмов и книг для девушек прошло мимо меня. И все героини: школьницы, студентки, юные революционерки – казались мне чересчур сосредоточенными на себе и своих переживаниях. Весь рост персонажа сосредоточен на них самих: «Насколько я хороша? Влюбится ли в меня этот мальчик? Как я смотрюсь со стороны?» А ведь взрослея мы чаще смотрим не только внутрь, но и по сторонам, и задаем совсем другие вопросы: «Есть ли абсолютное добро и зло? К чему стоит стремиться и стоит ли ставить себе цели? Что такое мечта?». И я попыталась вложить эти вопросы в уста Лис.

Насколько мне это удалось – судить читателям.

Сейчас я работаю интернет-маркетологом и вновь смотрю на текст со стороны структуры. Но история Лис пока не окончена, и после работы я могу перенестись в мир Королевства и передать перо героям, оставшись только невидимым зрителем их приключений.